ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

ЖУРНАЛ
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ
2019/№4

Cultural Code
Journal of Perm State Institute of Culture

ISSN 2658–3852

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

4’2019

Учредитель
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

Журнал выходит 4 раза в год

Точка зрения авторов публикаций
может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка материалов без разрешения редакции журнала
«Культурный код» не допускается.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 614000 ПЕРМЬ, УЛ. ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА», 18

Электронная копия журнала размещена на сайте http://www.psiac.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77–73298 от 20.07.2018

© Пермский государственный
институт культуры, 2019

Главный редактор – Л. И. Дробышева-Разумовская

Заместитель главного редактора – А. А. Лисенкова

Редакционный совет:

Е. В. Абдуллаев (Toshkent, O‘zbekiston), Н. Н. Гашева (Пермь),
Н. Б. Зубарева (Пермь), Sándor Kálai (Debrecen, Magyarország),
А. В. Конева (Санкт-Петербург), О. Л. Лейбович (Пермь),
А. М. Лобок (Екатеринбург), Н. А. Петрусева (Пермь),
М. Е. Пылаев (Пермь), Л. Д. Пылаева (Пермь), Н. С. Розов (Новосибирск),
Laura Salmon (Genova, Italia), Р. И. Сергиенко (Минск, Беларусь),
Luca Somigli (Toronto, Canada), Г. Л. Тульчинский (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия:

Л. Д. Благовещенская (Новосибирск), Д. В. Бубнов (Пермь),
Н. Н. Вотинцева (Пермь), А. Л. Глушаев (Пермь), А. Н. Ильин (Омск),
А. В. Корчинский (Москва), А. А. Лисенкова (Пермь), М. Н. Лукьянов (Пермь),
П. А. Моисеев (Пермь), М. В. Софьина (Пермь), А. А. Суворова (Пермь),
Н. В. Суржикова (Екатеринбург), А. Б. Танасейчук (Саранск),
Е. М. Четина (Пермь), М. М. Чудинова (Пермь)

Ответственный редактор – М. В. Софьина

Выпускающий редактор – П. А. Моисеев

ISSN 2658-3852

9 772658 385006 >

ISSN 2658–3852

CULTURAL CODE

4'2019

Founder
FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«PERM STATE INSTITUTE OF CULTURE»

Frequency: Four times a year

The authors' viewpoints may not coincide with the opinion of the Editorial board.

Reprinting without permission of the Editorial board is not allowed.

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 18 GAZETY «ZVEZDA» ST., PERM 614000, RUSSIA

Electronic copy of the journal is available at http://www.psiac.ru

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.
The certificate of registration of mass media is ПИ № ФС 77–73298 from July 20, 2018

© Perm State Institute
of culture, 2019

Editor-in-chief – L. I. Drobysheva-Razumovskaya

Senior Editor – A. A. Lisenkova

Board of advisory editors:

E. V. Abdullaev (Toshkent, O‘zbekiston), N. N. Gasheva (Perm'),
S. Kálai (Debrecen, Hungary), A. V. Koneva (Saint-Petersburg),
O. L. Lejbovich (Perm'), A.M. Lobok (Ekaterinburg), N. A. Petruseva (Perm'),
M. E. Pylaev (Perm'), L. D. Pylaeva (Perm'), N. S. Rozov (Novosibirsk),
L. Salmon (Genova, Italia), R. I. Sergienko (Minsk, Belarus'),
Luca Somigli (Toronto, Canada), G. L. Tul'chinskij (Saint-Petersburg),
N. B. Zubareva (Perm')

Editorial board:

L. D. Blagoveshhenskaya (Novosibirsk), D. V. Bubnov (Perm'), E. M. Chetina (Perm'),
M. M. Chudinova (Perm'), A. L. Glushaev (Perm'), A. N. Il'in (Omsk),
A. V. Korchinskij (Moskva), A. A. Lisenkova (Perm'), M. N. Luk'yanov (Perm'),
P. A. Moiseev (Perm'), M. V. Sof'ina (Perm'), N. V. Surzhikova (Ekaterinburg),
A. A. Suvorova (Perm'), A. B. Tanasejchuk (Saransk), N. N. Votintseva (Perm')

Executive editor – M. V. Sof'ina (Perm’)

Originating editor – P. A. Moiseev (Perm')

ISSN 2658-3852

9 772658 385006 >

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Николай Вольский

Почему начальники не любят интеллигентов? Часть 3. 8

ИСКУССТВОЗНАНИЕ

Людмила Братухина

Изучение американской литературы в Пермском университете (научные труды Н. Г. Бяковой, И. В. Шиховой, Е. П. Ханжиной, И. Н. Клепацкой) 23

ИСТОРИЯ

Михаил Вебер

«Тяжелые времена переживает Русская земля»: дневник священника 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка К. Дмитриева 39

Алексей Глушаев, Анна Голева

«Подобрать и назначить…»: организация института уполномоченного Совета по делам религиозных культов в Молотовской области. 1944–1946 гг. 52

Анна Кимерлинг

«Письмо пишу, а вокруг идет бой»: культурные разрывы военного времени 67

Елена Лебеденко

«Все разбито, и у меня на душе какие-то обломки»: репрезентация женского травматического опыта Гражданской войны в частных письмах начала 1920-х гг. (из переписки К. А. Морозовой) 73

Валерия Яковлева

Опыт заимствования Н. К. Крупской идей Дж. Дьюи при построении теоретических основ новой советской педагогики в 1920-е гг. 89

Резюме 100

Сведения об авторах 114

CONTENTS

CULTURAL STUDIES

Volsky Nikolay
Why Do Bosses Not Like the Members of Intelligentsia? Part 3 8

ART STUDIES

Bratukhina Ludmila
Study of American Literature in Perm University (Scientific Works by N. G. Byakova, I. V. Shikhova, E. P. Khanzhina, I. N. Klepatskaya) 23

HISTORY

Weber Mikhail
"The Russian land is going through hard times": diary of the priest of the 3rd Barnaul Siberian rifle regiment K. Dmitriev 39

Glushaev Aleksey, Goleva Anna
"To Pick Up and Appoint...": Organization of the Institute of the Authorized Council for Religious Cults in the Molotov Region. 1944–1946 52

Kimerling Anna
"I Write Letter, and around Goes Battle": Cultural Gaps in Wartime 67

Lebedenko Elena
"Everything Is Broken, I Have Only Some Splinters in My Soul": Civil War's Women's Traumatic Experience in Private Letters at the Early 1920's (from Ksenia Morozov's Correspondence) 73

Yakovleva Valeriya
The Experience of Borrowing N. K. Krupskaya and J. Dewey in the Construction of the Theoretical Foundations of the New Soviet Pedagogy in the 1920s 89

Abstracts 104

List of Authors 115

К 70-летию профессора
О. Л. Лейбовича

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 304 DOI: 10.36945/2658-3852-2019-4-8-22

Н. Н. Вольский

ПОЧЕМУ НАЧАЛЬНИКИ НЕ ЛЮБЯТ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ?

Часть 3*

После лирико-методологического отступления, которым закончилась вторая часть настоящей работы, позволю себе привести еще один схематический пример проявления интеллигентности.

Копать вам не перекопать

Предположим, некий приказчик дает задание нанятой бригаде землекопов: для орошения поля надо прокопать такой-то глубины и ширины канаву от реки до вон того дерева. Сообщает, что после окончания работы хозяин обещает простить недоимки и выставить бочку вина. Получив задание, работяги с энтузиазмом (а, может, и напротив: хмуро и безрадостно) начинают копать. Однако после нескольких взмахов лопатой один из них останавливается, чешет затылок и, обращаясь к приказчику, молвит: *Дык, это… вода же в гору не пойдет*. Прослушав такую разумную речь, все приостанавливаются и вопросительно смотрят то на оратора, то на прораба. Последний оказывается вынужденным как-то реагировать. После того как его ткнули носом в очевидный факт, он не хуже этого мыслящего пролетария видит, что, конечно, вода не пойдет, но какое это имеет отношение к делу? И, самое главное, у него есть свой начальник, который не станет разбираться, что да как – канава должна быть выкопана, и точка. Поэтому чем разумнее и убедительнее замечание подчиненного, тем большее раздражение оно вызывает. *Тебя не спросили, умник!* – с места в карьер набрасывается приказчик на мужика. – *Копай давай! Рассуждать он тут будет*. И тут же поворачивается к другим рабочим: *Ну, чего встали?! Дождетесь у меня!* Те, ворча и чертыхаясь, опять начинают ковырять землю. Начинает работать и нарушитель спокойствия, но на душе у него кошки скребут.

© Вольский Н. Н., 2019.

* Продолжение. Начало см.: Культурный код, 2018, № 1; 2019; № 1.

Казалось бы, он выполнил свой гражданский долг и вовремя предупредил начальство об очевидной ошибке, ведущей к бесполезным затратам, следовательно, он вправе рассчитывать если не на премию за свой ум и усердие, то хотя бы на похвалу. Однако эффект его действий оказывается прямо противоположным. И это уже не в первый раз. *Черт меня опять дернул за язык!* – думает он, – *Сколько раз зарекался, и опять… Ничего хорошего из этого не получается. Канаву как копали, так и копаем. Только приказчик разозлился. Теперь он не упустит случая меня на чем-нибудь подстеречь. Может, и выгонят. Но хуже всего, что другие мужики недовольны – они-то и вовсе ни за что страдают. А раз приказчик вызверился, он будет искать, на ком зло сорвать. Опять меня все шпынять будут за мои слова. Но я ведь правильно сказал. Ведь это правда! Э-эх!..*

Действительно, в большинстве подобных случаев собратья по положению (мужики, сослуживцы, серая скотинка) занимают сторону начальника, а не горе-интеллигента. Разлом идет не между начальниками и подчиненными, но между простыми людьми и интеллигентами (чаще всего оказывающимися в единственном числе). Социальный антагонизм оказывается менее значимым, чем различие в отношении к истине. И рабочих, которые злятся на выступавшего не меньше, чем приказчик, нетрудно понять. Если бы рабочие хотели поставить на место зарвавшегося и слишком притесняющего их приказчика, они могли бы воспользоваться высказанной вслух правдой как удобным поводом для того, чтобы обличить дурь приказчика и продемонстрировать ему свое недовольство. При этом интеллигентская правда могла бы послужить интересам рабочих, а ведь именно такой – полезной – правды ищет простой человек. Но в данном случае этого нет. Открытый конфликт с приказчиком ничего хорошего рабочим не сулит и потому не входит в их планы. А значит эта правда – правда сама по себе – никому не нужна. Она никому не служит и только злит приказчика, который попытается сорвать свою злость на рабочих. Он, конечно, поступает несправедливо, но глупо считать его виновником ухудшения ситуации. Ничего другого от него ожидать нельзя. Собственно, в этом и состоит его функция: орать, материться и грозить всякими карами. Он таков, каков есть, и с этим ничего нельзя поделать. Он не может не придираться ко всем и каждому, если его что-нибудь разозлит. А следовательно, приказчика, равно как и более высокое начальство с его идиотскими планами, нужно при оценке происшествия вынести за скобки как нечто данное, как то, чего нельзя изменить. А потому остается только один виновник: этот самый умник со своей дурацкой правдой – кому эта его правда нужна? чего он с ней вылез?

Тут следует еще учесть, что после того, как слово «не пойдет» было открыто высказано, *простые* рабочие, которые до того не обращали внимания на этот совершенно не касавшийся их аспект работы, теперь ясно видят полную бессмысленность порученного им дела. Идиотизм задания превращает обычную

тяжелую работу в мучительный каторжный труд. Вполне возможно, что и ранее выкопанные ими канавы имели ровно столько же смысла, входя в систему очередных *Епифанских шлюзов*, но они-то об этом не знали, а теперь все своими глазами видят, что никто и никогда не воспользуется результатом их труда – он совершенно напрасен. Мысль, что, принимая работу, приказчик будет тщательно вымерять ширину и глубину канавы – не дай бог, она будет на вершок уже, – а потом заставит аккуратно подрезать края и подобрать со дна осыпавшуюся глину, и все это зачем? за что они будут маяться? – уже одна эта мысль может привести человека в бешенство. Всех этих отрицательных эмоций не было бы, если бы им не открыли глаза на откровенную дурь выполняемого ими задания. А кто им открыл глаза? – *Умник*. Вот он во всем и виноват.

Все было бы совершенно по-другому, если бы у кого-то из участников этой истории была личная заинтересованность в орошении данного поля. Предположим, задание дает не приказчик, а хозяин орошаемого поля. Как бы ни расстроился он, услышав справедливые интеллигентские слова, он не мог бы их игнорировать, а должен был бы либо убедиться в их ложности, либо прекратить работы и каким-то образом поощрить честного работника за своевременно поданный совет, позволивший ему избежать дополнительных убытков. Правда, другие работники могли быть недовольны прекращением работ, за которые они предполагали получить плату. Но это был бы обычный конфликт интересов: каждый заботится о своей выгоде, и его нельзя за это упрекать. С другой стороны, предположим, что умник был бы хозяином поля. И в этом случае ни приказчик, ни входящие в артель рабочие не имели бы оснований негодовать по поводу того, что у хозяина поля достало ума спохватиться в последний момент и прекратить бессмысленную работу. И, наконец, третий возможный вариант этого события: канаву роет крестьянская артель, чтобы оросить свои собственные поля. В этой ситуации человек, первым усмотревший, что *вода не пойдет*, несомненно, заслужил бы искреннюю благодарность всех участников артели за избавление от бессмысленной тяжелой работы. Несмотря на их вероятное разочарование, вызванное крахом оросительных планов, они бы долго и восхищенно вспоминали, как *Иван (вот умный мужик, не то, что мы – бараны) с ходу увидел*… и т. д.

Почему же одно и то же соображение, одни и те же слова, сказанные в одной ситуации, создают человеку репутацию *умного, толкового, сообразительного*, а произнесенные в другой – характеризуют его как *умника*, то есть того, кто только *умничает*, а настоящим-то умом и не обладает? Ясно, что такая оценка опирается на полезность высказанной правды о мире, на приносимую этой правдой выгоду какому-то конкретному лицу (неважно, что это за лицо, важно, что высказанная правда служит его интересам и высказывающийся имеет в виду эти интересы). Если же никакой выгоды высказанная правда никому не приносит, то это не *настоящая* (= *полезная*) *правда*, поскольку, несмотря на свою формальную

истинность, она в данной конкретной ситуации неуместна. С такой – *простой* – точки зрения, интеллигентный *умник*, как бы сообразителен и проницателен он ни был, приравнивается общим мнением к известному сказочному персонажу – деревенскому дурачку, который говорит, в общем-то, правильные слова, но ухитряется произнести их как раз в той ситуации, где они совершенно неуместны, и этим накликает на себя ругань и побои[1].

Весьма существенно, что очень часто такую же оценку дает своему поведению и сам умник. *Дурак я, дурак* – корит он себя после очередного инцидента. – *Опять я вылез со своим «таскать вам, не перетаскать». Уже вроде бы все знаю, все понимаю… Ан нет, опять вляпался!* И поскольку говорит это его *я*, оно вполне право: с точки зрения *я*, совершенный поступок был неразумен, попросту говоря, глуп. Истинный же виновник произошедшего – *ум* – работает в этот момент в инструментальном режиме и, обслуживая цели *я*, он приходит ко вполне закономерному (и истинному!) выводу о том, что поведение субъекта в данной ситуации не соответствовало целям и интересам *я*, а следовательно его нельзя назвать *умным*. Круг замкнулся: *ум*, который подтолкнул *я* брякнуть свою *умную* правду, теперь, перебежав на другую позицию, осудил *я* за глупость и, таким образом, дезавуировал самого себя.

Эта душевная эквилибристика становится возможной (и даже неизбежной) вследствие того, что *ум*, работающий в свободном интеллигентном режиме и, соответственно, не обслуживающий в это время *я* с его целями, только формально может быть назван *умом данного конкретного человека*, в то время как по сути своей – это *ум вообще,* абстрактный ум, Логос, Разум, понимаемый как субъект безличных, по существу, высказываний[2], ум, как самодеятельная сущность, говорящая и действующая от своего собственного имени. Как ориентировочно-поисковая деятельность хомячка не столько имеет в виду интересы этого конкретного животного (для индивида она большей частью сводится к бесполезной трате ресурсов), сколько долгосрочные интересы вида *Phodopus sungorus* (то есть можно сказать, что поиск ведет вид, а конкретный хомячок служит инструментом этой деятельности), так и человеческий ум, передающийся каждому из нас по наследству от предыдущих поколений, дается нам не только для того, чтобы обеспечить наше индивидуальное выживание и благополучие (хотя и эту функцию он, конечно, выполняет, обслуживая потребности нашего *я*), но и для того, чтобы познавать мир, то есть выполнять функцию, независимую от потребностей нашего личного существования. Опять же можно сказать, что, когда речь идет о свободной деятельности ума, субъектом этой деятельности правильнее было бы считать не конкретного мыслящего человека, а род человеческий, который пользуется умственными способностями индивида как инструментом познавательной деятельности, необходимой для существования и безостановочного развития человечества. Поскольку во множестве случаев интересы человечества не совпадают

с интересами индивида (их нельзя также приравнять к интересам любой группы людей и даже совокупности всех ныне живущих на Земле людей), неудивительно, что потребность человеческого ума в познании истины и сообщении ее возможно большему числу людей нередко вступает в конфликт с интересами индивида – носителя этого ума, а также с интересами его окружения. И тогда ум, поступающий правильно и умно, с точки зрения человечества, перейдя на точку зрения индивида, оценивает эти совершенные им поступки как глупые и безрассудные. Такова своеобразная диалектика отношений ума интеллигентного человека со своим хозяином, который, не переставая быть господином своего ума, одновременно является и его слугой.

Конфликт в Ученом совете

Рассмотрим еще один вымышленный пример проявления интеллигентности в обыденной жизни. Он в значительной мере аналогичен предыдущему примеру, но действие в нем развертывается в более привычной нам сфере – в среде интеллигенции, занятой свойственной ей профессиональной деятельностью. Предположим, что незадолго перед объявленным заседанием Ученого совета к его председателю (проректору по науке Краснознаменной N-ской академии им. В. В. Куйбышева, академику РАЕН, недавно награжденному орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-ой степени, автору многих книг и статей, короче говоря, маститому ученому и заслуженному деятелю науки) подходит один из членов этого совета (тоже видный ученый, но несколько менее заслуженный и ордена еще не получивший) и сообщает, что в диссертации, которая будет представлена к защите на очередном заседании Ученого совета, он обнаружил грубую ошибку. Он, дескать, заглянул в полученный им автореферат и там обнаружил такое… *Какая ошибка? О чем вы?* – остолбеневает председатель. – *Ну, там, в уравнении (1). Перед sin x должен быть минус, а его нет. Поскольку из этого уравнения выводятся последующие, то… сами понимаете…* Немая сцена… *При чем тут синус икс? Чего он несет?* – машинально прокручивает в голове председатель, а в глубине души нарастает тоска и злоба. – *Что делать?* – лихорадочно соображает он. – *Диссертант-то от самого Петрова. Вот подловили меня. Знает ли этот радетель правды, что от Петрова? Если знает, то это не случайность. Кто его науськал? Кто за ним стоит? Но, вообще-то, вряд ли знает. В такие дела он не будет ввязываться. Наверное, все же не знает – он именно такой: не от мира сего. Синус заметит, а Петрова не заметит. Он же и на заседании ляпнет, в протокол придется заносить. А что нам всем придется делать, как мы-то будем выкручиваться? И эти, черт бы их побрал! Ну, диссертант, понятное дело, баран, но эти-то, гвардейцы петровские, куда смотрели? Лень им в автореферат заглянуть – разжирели, сукины дети, а я отдувайся.* – Он с диким раздражением вспоминает про своего собеседника: *Вот он, скромный герой!*

Стоит, ждет, что я скажу. Доволен. Как же – ошибку обнаружил. Все прошляпили, а он враз узрел. Тьфу! Правду говорят: лучше иметь в совете трех полковников, чем одного интеллигента. Ну, что я теперь делать буду?!

И председателя можно понять. Его положению, действительно, не позавидуешь. Всем изначально понятно, что диссертация – полная труха, уровень ее ниже обычной студенческой курсовой работы, и читать ее совершенно незачем. Никто ее читать и не собирается. Ну, может, оппоненты наискосок просмотрят, чтобы обосновать хоть чем-нибудь свой вывод о «большом вкладе в решение актуальной научной проблемы» и найти две отсутствующие запятые, которые они отметят в разделе замечаний. Все прочие никакой науки здесь искать не будут, понимая, что все содержание этой стопы бумаги сводится к записке от Петрова: *Выдать подателю сего…* и т. д. Задача председателя с вверенным его руководству советом сводится в данном случае к тому, чтобы поставить штампик *«Не возражаю. Полыхаев»* и отправить бумажки далее по инстанции. Ничего другого от них не ожидают, и никакие *синусы* здесь ни при чем.

В общем-то, это отнюдь не экстраординарный случай: большая[3] часть успешно защищаемых диссертаций представляет из себя точно такую же бледную немочь, к науке отношения не имеющую. Голосующие «за» прекрасно это понимают, но проголосовать «против» они не могут, поскольку сами в качестве научных руководителей представляют в этот и в аналогичные советы точно такие же квазинаучные труды. А как же они могут поступать иначе? Ведь реальные открытия случаются крайне редко. Никто не может рассчитывать на то, что всем его сотрудникам удастся найти нечто, действительно «вносящее вклад…» А что же делать с теми, кому это не удалось? Ведь они тоже работали. Наука – наукой, но должен же был кто-то выполнять учебную нагрузку, набирать экспериментальный материал и писать статьи, чтобы отчитаться по всем этим нахватанным дурацким грантам и хоздоговорам. Какие они ни дурацкие, а приносят деньги – в том числе и на настоящую науку. Они честно пахали, и трудно требовать от них, чтобы они пахали так до сорока лет на ставке ассистента или мэнээса. Им надо что-то предложить, какую-то перспективу, иначе они просто уйдут, и никто не придет им на смену. Тем более, что Петров, Иванов, Сидоров и иже с ними так и пекут кандидатов и докторов – чем эти-то хуже?

Конечно, от пишущих требуются некоторые умения: если то, что они пишут, и нельзя считать реальным вкладом в науку, то все же написанное должно быть оформлено по всем правилам науки – пишущий должен показать, что он, по крайней мере, знает, как выглядит истинный научный труд с введением, формулами, таблицами, графиками, ссылками на соответствующую научную литературу, выводами и т. п. Поскольку этот диссертант не выполнил основное требование и нагородил чепуху, которую и студентам не прощают, – а в этом уважаемому коллеге председателя можно доверять, здесь-то он не ошибется – есть веские

основания работу завернуть, предложив ее доделать и исправить допущенные ошибки. В обычных случаях такое вполне возможно, и председатель не стал бы сильно забивать себе голову, если бы это произошло с кем-то другим. Но дело в том, что этот случай обычным не назовешь. Все упирается в тот факт, что диссертант от Петрова. А он не рядовой профессор или даже академик, он деятель высокого полета. По слухам, он вхож в такие круги, которые, по-видимому, и следует считать «отечеством», пожаловавшим председателю орден. Так это или не так, но нет сомнений, что слово Петрова может много значить в тех сферах, где решаются важные и для председателя, и для всей их академии вопросы. Поэтому его благосклонность весьма существенна для общего дела, которым они все занимаются, и поэтому много усилий и дипломатических ухищрений было затрачено, чтобы добиться расположения этого знающего себе цену прохиндея. И их старания, похоже, не были напрасными – то, что Петров направил диссертанта именно в их совет, следует считать определенным жестом, символизирующим налаживание доверительных отношений. Если в этой ситуации они дадут от ворот поворот его протеже, то Петров воспримет это как личное оскорбление и *casus belli*. Никаких иных реакций ожидать от него невозможно – он к таким афронтам не привык. И потому ответ будет незамедлительным и непропорциональным, причем сразу во всех местах: и в министерстве, и в ВАКе, и в фондах, выдающих гранты, – руки у него длинные, и он уж постарается продемонстрировать, что бывает с теми, кто вызвал его справедливый гнев, – чтоб другим неповадно было. Можно только надеяться, что это не коснется долго пробиваемого и уже почти окончательно подписанного решения о выделении средств на строительство нового лабораторного корпуса. Даже страшно представить, как озвереет ректор, когда услышит об этом происшествии. Да и коллеги по Ученому совету взвоют, когда поймут, куда может повернуть дело. У них тоже здесь завязано много интересов, и новый корпус для них лакомый кусок – они его уже делят и составляют списки на новое оборудование. А если все сорвется, кто будет виноват? Понятно, что в первую очередь председатель совета – это его епархия, и он должен улаживать все возникающие здесь коллизии.

Какое решение должен принять попавший в такой переплет человек? Не будем принимать во внимание тот, не такой уж редкий, но неинтересный для нас случай, когда председателем совета оказывается один из вышеупомянутых баранов, защитившийся и вскарабкавшийся на этот почетный пост на предыдущем этапе эволюции отечественной науки. Предположим, что данный руководитель – честный человек и настоящий ученый, искренне заботящийся о коренных интересах своей отрасли науки. Однако в этой заботе он не может не учитывать влияния самых разнообразных факторов, большинство из которых к науке отношения не имеет, но вполне может помешать ее естественному течению. Именно такое поведение подсказывает ему его ум, обслуживающий благую цель способствовать

прогрессу науки – цель, к достижению которой стремится председателево *я*. Так, как же должен поступать в подобных ситуациях умный и рассудительный человек, руководствующийся в своих поступках не спонтанными эмоциями, а долгосрочными целями? Трудно ожидать, что он выберет путь, рекомендуемый стоической максимой: *делай, что должно, и будь, что будет*. Как ни красив этот девиз и как ни безупречен он в моральном отношении, человек, строго ему следующий, никак не мог стать председателем Ученого совета – он был бы отсеян на гораздо более ранних этапах научной карьеры[4]. Занимающий это положение не может поступать так, как велит ему моральный императив, он – часть сложной машины и, если он пытается чего-то добиться, ему остается лишь одна возможность: действовать таким образом, чтобы изменить ход всей машины в нужном направлении. Никакие благие поступки, не учитывающие запутанные взаимодействия частей этой машины или противоречащие ее механике, ни к чему хорошему привести не могут и скорее всего лиши усугубят сложность проблемы. И поэтому, не имея возможности повлиять на Петрова и вынужденный считаться с существующим раскладом сил, герой нашей басни должен будет (если, конечно, не решит плюнуть на все и уехать в Урюпинск) избрать противоположный путь: каким-то образом воздействовать на обнаружившего ошибку коллегу и уговорить его воздержаться от ее публичного обнародования. Например, сказаться больным и не приходить на заседание Ученого совета. Ясно, что разговор по этому поводу не может доставить удовольствия ни одному из его участников: интеллигент, скрепя сердце согласившийся на этот (позорный, с его точки зрения) компромисс, будет чувствовать себя как оплеванный и считать председателя главным виновником своей моральной деградации, но и его руководитель вряд ли будет лелеять в душе теплые чувства к человеку, ставшему причиной стольких неприятных переживаний. Было бы нереалистично предполагать, что он будет восхищен прозорливостью и научной честностью несгибаемого интеллигента. Особенно после того, что ему пришлось в разговоре сообщить собеседнику кое-какие подробности о стоящем за данной диссертацией Петрове и тем самым обнажить свои коррупционно-мафиозные связи с разлагающейся верхушкой административно-научного сообщества, да при этом еще уговаривать этого желающего остаться чистеньким и незапятнанным интеллигентного остолопа. К тому же любые чувства, которые испытает председатель во время всех этих треволнений, не играют существенной роли в определении его дальнейшей стратегии. Будет ли он злиться на интеллигента или отнесется к нему спокойно и доброжелательно, понимая, что тот ведь тоже, в сущности, не виноват в доставленных председателю огорчениях, в любом случае он, как руководитель, действующий исключительно в интересах дела, должен будет придти к выводу, что следует избавиться от присутствия плохо управляемого интеллигента в составе Ученого совета и таким образом предупредить возникновение подобных инцидентов в будущем. Так что при

очередном повороте своей научной карьеры интеллигент может пойти на повышение и поедет руководить кафедрой в абаканском филиале академии. И, вполне возможно, будет счастлив, поскольку Ученого совета там нет и никто не будет принуждать его к сомнительным сделкам с собственной совестью, хотя, конечно, и на новом месте могут возникнуть свои аналогичные проблемы.

Еще раз подчеркну, что я не пытался дать реалистическое описание конфликта в научной среде. Я вовсе не уверен, что могу адекватно передать ход мыслей и чувства, возникающие в душе ректоров, проректоров и председателей ученых советов, – я с ними незнаком, и своими мыслями они со мной не делятся. Вышеприведенная миниатюра создана не только с целью украсить и расцветить страницы рукописи, но и с целью более существенной: наглядно проиллюстрировать – пусть на полностью вымышленном примере – ту своеобразную механику, которая выталкивает интеллигента из, казалось бы, родственной и духовно близкой ему интеллигентной среды.

Этюд о начальниках

Но здесь нам пора ответить на заглавный вопрос: *почему начальники не любят интеллигентов*? У нас уже достаточно материала, дающего возможность обосновать вполне определенный вывод. Он гласит: **начальники любого ранга терпеть не могут интеллигентных людей за их непредсказуемость и неуправляемость.**

Все мы, в той или иной степени, умеем предсказывать поведение окружающих нас людей, основываясь на представлениях о каких-то их интересах и целях. Это не значит, что мы редко ошибаемся в своих прогнозах, как раз это случается сплошь и рядом, но, ошибаясь, мы с необходимостью приходим к выводу, что наши несбывшиеся предсказания были основаны на нашем ложном представлении о том, чего хотел и к чему стремился данный человек. Идея о том, что чей-то поступок может противоречить его коренным целям и интересам, воспринимается нами как абсурдная. Человек, конечно, может сделать глупость, не понимая, что сам себе копает яму, он даже способен на некоторый каприз, как бы забывая на минуту о своей выгоде, но если он в существенных вопросах, когда он не может не понимать последствий своих поступков, упрямо поступает так, что предполагаемый результат его действий должен нанести ущерб его интересам, мы либо объясняем его поведение скрытой психопатологией, либо уверяемся в том, что за его поступками стоят некие неизвестные нам мотивы и что мы, следовательно, ошибаемся относительно того, в чем состоит его истинная польза. Таким образом, мы исходим из неявного предположения, что все окружающие нас – *люди простые*, существование *интеллигентных людей* в расчет не принимается. Трудно представить себе какую-то другую, более рациональную стратегию оценки и прогноза чужих поступков, поскольку введение в теорию возможности появления на

сцене интеллигентов нисколько не улучшает качества прогнозов. Мы не в состоянии заранее предусмотреть, куда заведет интеллигента его ум, и потому поступки, мотивированные проявлениями интеллигентности, относятся нами в ту же недоступную для прогнозов область, куда попадают поступки сумасшедших и других лиц, чьи мотивы для нас совершенно непроницаемы. Мы поневоле списываем их на ошибку используемого нами метода прогнозирования.

Сегодня мы живем в обществе, которое, судя по всему, очень далеко от демократических идеалов и даже прилагает значительные усилия, чтобы не допустить образования социального слоя, заслуживающего наименования *демос* и способного претендовать на участие во власти и управлении, но которое в одном, по крайней мере, отношении совпадает с демократией: наше общество – это общество с высокой вертикальной мобильностью. Это значит, что начальниками в нем, как правило, не рождаются, начальниками становятся. Каковы бы ни были имеющиеся в обществе сословные, семейные, кастовые, имущественные и прочие границы, затрудняющие доступ в начальственные кабинеты людей «со стороны», все они оказываются недостаточными, чтобы удержать мощный поток самых разнообразных по происхождению субъектов, попадающих в сонм начальников не по праву рождения, а благодаря удаче, своей авантюрной хватке и особым свойствам личности. Среди таких свойств не последнее место должно занимать умение распознавать истинную структуру интересов и целей, мотивирующих поведение других людей. Желающих стать начальниками гораздо больше, чем освобождающихся и вновь возникающих кабинетов, конкуренция между претендентами очень высока, и отсюда следует ожидать, что стандартный начальник обладает способностью прогнозировать чужое поведение гораздо лучше, чем средний обыватель. Это результат не только упражнений и опыта, но и, главным образом, жесткого предварительного отбора, осуществляемого на самых первых ступеньках лестницы, которая ведет на вершины власти. Человек, который окажется неспособным понимать, чего *на самом деле* хотят от него его ближайшие начальники, в чем состоит их истинная выгода, к которой они стремятся и участия в достижении которой они добиваются от подчиненных, практически не имеет шансов стать нужным начальству и, следовательно, не может рассчитывать на продвижение наверх. Даже если он игрою обстоятельств прорвется на несколько ступенек, карьерный его рост будет крайне затруднен, и он, в конце концов, почти неминуемо будет вынужден расстаться со своим креслом. Основной кадровый резерв формируется еще на «игровых», можно сказать, стадиях подготовки: в комсомольских комитетах, в школьных органах самоуправления, в молодежных отделениях партийных и церковных организаций, студенческих научных обществах, в «элитных» учебных заведениях и тому подобных питомниках будущего начальства. Хотя попасть туда при желании может если не всякий, то очень многие, но через их частое сито пройдут и получат «путевку в жизнь» почти исключительно

те, кто будет соответствовать стандарту начальника и в достаточной степени обладать необходимыми для такой карьеры свойствами. Остальные тоже будут както поощрены, но начальниками им, вероятно, уже не стать.

Среди прочих качеств, требуемых от будущих начальников, можно отметить неукротимое желание лезть наверх, вовсе несводимое к жажде приобретаемых таким образом материальных благ, управляемость и – единственное интересующее нас в этом контексте – умение безошибочно понимать, чего от тебя *действительно* хотят. Я подчеркиваю слово *действительно*, потому что здесь может крыться ловушка для тех, кто хочет понравиться своему начальству и если не продвинуться, то хотя бы быть у него на хорошем счету, но не понимает его истинных целей и мотивов. В качестве требований к подчиненным начальники вынуждены, большей частью, «озвучивать» официальные цели той организации, которой они руководят, однако это вовсе не значит, что истинные цели и мотивы начальника полностью или даже частично совпадают с декларируемыми. Если завкафедрой, почтивший своим присутствием заседание студенческого научного кружка, призовет юных исследователей *смело дерзать и ставить перед собой высокие научные цели, стремясь стать настоящим ученым*, то, скорее всего, правильно поймет его декларацию не тот, кто будет день и ночь трудиться, не вылезая из лаборатории и библиотеки, а тот, кто привезет с *9-ой Международной научно-практической конференции «*Рериховское наследие» *(г. Санкт-Петербург, 8–9 октября 2009 года)* диплом, отмечающий его достижения в изучении научного наследия Н. К. и Е. И. Рерихов. Как и за что получил он этот диплом, никто всерьез интересоваться не будет. Главное, он понял, чего от него хотят, и выполнил пожелание руководства – честь ему и хвала. А уж как ему это удалось – его личное дело.

Добравшийся до начальственного кресла должен, во-первых, хорошо понимать мотивы поведения своих начальников, во-вторых, тех, с кем он общается на своем уровне (партнеров), и, в-третьих, своих подчиненных.

Конечно, на главном месте – понимание вышестоящих: это основа выживания в качестве начальника и залог успехов в продвижении на следующую ступеньку. Главные мысли начальников всех рангов касаются того, каковы ближайшие и долгосрочные цели их собственного начальства, что их руководители собираются предпринять, на кого они рассчитывают и кого боятся. Тот, кто не учтет всех этих моментов, может оказаться у разбитого корыта, столкнувшись с неожиданными поступками и внезапной сменой линии поведения тех, от кого зависит карьера данного начальника. К счастью для заинтересованных лиц, основная масса начальников любого уровня не только обладает высокоразвитой способностью понимать цели и мотивы поведения других людей, но и сама оказывается вполне предсказуемой в своих реакциях и поступках. Это легко понять, если взглянуть на любого из составляющих эту массу не снизу, как это привычно нам,

простым, не занимающим завидных должностей людям, а сверху – с позиции начальника этого начальника. Кто захочет иметь среди своих ближайших и доверенных сотрудников человека, чьи цели непонятны или настолько нестандартны, что делают его совершенно непохожим на обычных известных нам людей? Никто не захочет. И если ему придется на это пойти, будет с нетерпением дожидаться того момента, когда сможет, наконец, избавиться от такого подчиненного. Ведь иметь его в своем ближайшем окружении – это значит сидеть на бочке с порохом – ты вынужден ему доверять, но не можешь на него положиться. Поскольку его цели для тебя непрозрачны, ты не знаешь, что он может выкинуть в следующий момент или как он поведет себя в решающей ситуации. Поэтому одно из существенных условий успешной начальственной карьеры – принципиальная прозрачность для окружающих. Твои цели должны быть в основном понятны тем, решающим что-то в твоей судьбе людям, с которыми тебя сталкивает жизнь. В идеале, желающий быть начальником должен иметь лишь одну ясную всем цель – удержаться на своем месте и вскарабкаться на следующую ступеньку иерархии. Понятно, что это лишь идеальный образец, который в жизни до конца воплощен быть не может. Каждый реальный начальник имеет и другие побочные цели, которые в определенных случаях могут конкурировать с главной, но это не страшно, если такие отклонения от идеала проявляются в привычных, стандартных и понятных для окружающих формах. Таким образом, первостепенные для каждого начальника задачи по предсказанию поступков своего начальства и (на втором месте) своих партнеров – таких же начальников, как и он сам – заметно упрощаются, поскольку практически все учитываемые в игре лица стандартизованы предыдущим отбором – от них не стоит ожидать ничего экстравагантного и непредусмотренного требованиями известной всем игры. Они превращаются в фигуры с заранее известным набором ходов: конь ходит *буквой Г*, а слон – по своей диагонали и т. п. Тем самым задачи по предсказанию ходов-поступков становятся типовыми, их решения не зависят от индивидуальности человека, чье поведение прогнозируется. Само это поведение уже заранее стандартизовано и определяется относительно небольшим количеством факторов, которые, в принципе, поддаются выяснению и учету. Несмотря на то что любой начальник – не идеальная шахматная фигура, а живой человек со своими страстями, страстишками, особенностями характера, болезненными детскими комплексами и индивидуальными душевными склонностями, и в этом отношении он в значительной степени подобен нам с вами, все же, в отличие от нас, он не только хотел стать начальником, но и стал им, а это значит, что основная линия его поведения определяется его выгодой и его индивидуальные особенности не мешают осуществлению такой рациональной стратегии – иначе он не смог бы успешно играть в ту игру, в которой он участвует. Зная, в чем состоит выгода того или иного начальника, можно заранее с большой вероятностью предсказывать их поведение.

Но это в гораздо меньшей степени справедливо в отношении третьей категории лиц, с которыми приходится иметь дело типичному начальнику, то есть в отношении подчиненных. Большая часть этой разношерстной публики либо вовсе не участвовала в отборе на способность быть начальником, либо, участвуя, не обнаружила таких способностей, и многие не прошли сито отбора именно из-за своей нестандартной структуры целей, непредсказуемости поведения и, соответственно, неуправляемости. Предсказывать реакции и поступки таких разномастных нестандартизованных индивидов (не соответствующих по своим параметрам никакому единому ГОСТу), а следовательно, и управлять их поведением, планируя достижение своих начальственных целей, оказывается непростой задачей. Можно предположить, что в ее благополучном разрешении начальники не так уж и заинтересованы: их карьера в гораздо меньшей степени зависит от поведения подчиненных, нежели от поведения их руководителей и партнеров. Все это так, но все же начальник потому и называется *начальником*, что своих целей он добивается, руководя действиями подчиненных ему людей. Если человек оказывает существенное влияние на некие социальные процессы, не используя для этого формально подчиненных ему лиц, его можно – в зависимости от круга и способа его влияния – назвать *вождем, гуру, местным авторитетом, популярным публицистом* или *кумиром молодежи*, но *начальником* его не назовешь. Начальник – звено иерархической организованной структуры, и его функциональная роль заключается в трансляции нижестоящим подчиненным планов и задач, сформулированных вышестоящим руководством. Для успешного выполнения этой роли всякий начальник пытается подобрать себе в качестве подчиненных таких работников, которые не только обладают профессиональными навыками, необходимыми для выполнения поставленных начальством задач, но еще и достаточно просты и предсказуемы в своем поведении. И это не каприз начальника, не его желание облегчить себе жизнь – этого требуют интересы дела, интересы той организации, в которой нашли себе место и начальник, и его подчиненные. Каким бы виртуозом по вытачиванию гаек ни был некий токарь, но если он, побуждаемый ему одному известными причинами, может в любой момент заглушить станок и уйти с завода или вдруг, повинуясь собственному желанию, вместо гаек взяться за втулки, работник из него никудышний. Еще опаснее и неприемлемее в качестве подчиненного технолог, способный по своей воле внести изменения в чертежи, по которым изготовляют эти самые гайки и втулки. Никакие его таланты и квалификация не спасут его от замены на менее, может быть, квалифицированного, но более послушного и предсказуемого специалиста. Одно лишь подозрение в непредсказуемости и неуправляемости дисквалифицирует сотрудника в глазах его начальства, и мы должны согласиться, что негативное отношение начальников к таким подчиненным вполне рационально и оправдано с точки зрения интересов не только конкретного начальника, но и той организации, к которой начальник принадлежит.

Примечания

1. См.: [Набитый дурак].

2. Можно сказать: *Разум свидетельствует, что сумма углов треугольника равна двум d,* но то же самое можно сказать и проще, не приписывая авторство никакому субъекту: *Сумма углов треугольника равна…*

3. Читатель может поставить ударение там, где он считает верным.

4. Скорее всего такой человек работает где-нибудь кочегаром или ночным вахтером, да и на таких должностях он вряд ли подолгу задерживается на одном месте. Бескомпромиссность – завидное качество, но очень мешающее работе в любой организации. Для его культивирования крайне желательно обладать независимым материальным положением либо выбирать профессию, позволяющую работать в одиночку.

Библиография

Бибихин, В. В. Язык философии. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 389 с.

Большой англо-русский словарь : в 2-х томах / под рук. И. Р. Гальперина. Т. 1. A – L. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1979. – 824 с.

Большой немецко-русский словарь : в 2-х томах / под рук. О. И. Москальской. Т. 1. А – К. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1969. – 760 с.

Вайль, П. Карта родины. – Москва : Независимая газета, 2003. – 416 с.

Виноградов, В. В. История слов. – Москва : РАН, 1999. – 1142 с.

Гаспаров, М. Л. Записи и выписки. – Москва : НЛО, 2001. – 416 с.

Гаспаров, М. Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://imwerden.de/publ-1448.html (дата обращения: 15.10.2018).

Горький, М. О русском крестьянстве. – Берлин, 1922. – 56 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Р – V. – Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – 683 с.

Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь. – Москва : Русский язык, 2000. – 847 с.

Круглов, А. Словарь А–И. Психология и характерология понятий. – Москва : Гнозис, 2000. – 380 с.

Круглов, А. Словарь Т–Я. Психология и характерология понятий. – Москва : РГО, 2008. – 472 с.

Круглов, А. Словарь. Содержание и информация [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://alkruglov.narod.ru/glossary.html (дата обращения: 30.03.2019).

Набитый дурак // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / подготовка текста и прим. В. Я. Проппа. – Москва : Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – Т. 3. – С. 200–201.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1968. – 900 с.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 16-ти т. Т. 16. Переписка, 1835–1837. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. – 503 с.

Рубинштейн, Л. С. Интеллигентные подтяжки // Рубинштейн Л. С. Словарный запас. – Москва : Новое издательство, 2008. – С. 27–39.

Русская интеллигенция и западный интеллектуализм : История и типология : материалы междунар. конф. (Неаполь, май 1997) / сост. Б. А. Успенский. – Москва : О.Г.И., 1999. – 152 с.

Симонов, П. В. Мотивированный мозг. – Москва : Наука, 1987. – 272 с.

Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – Москва : Академический проект, 2001. – 990 с.

Успенский, Г. И. Из разговоров с приятелями // Успенский Г. И. Собрание сочинений : в 9-ти т. Т. 5. – Москва : Художественная литература, 1956. – С. 203–260.

Федотов, Г. П. О гении // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – С. 118–121.

ИСКУССТВОЗНАНИЕ

УДК 378. 016:821. 111(73) DOI: 10.36945/2658-3852-2019-4-23-38

Л. В. Братухина

ИЗУЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н. Г. БЯКОВОЙ, И. В. ШИХОВОЙ, Е. П. ХАНЖИНОЙ, И. Н. КЛЕПАЦКОЙ)

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного исследования «Пермские филологи-зарубежники: биографии, труды, ученики», грант № 18–412–590005.

Разнообразие направлений и регулярный характер публикуемых исследований литературы США в Пермском государственном университете в 80-е гг. XX века позволяют говорить о начале формирования особой «пермской» школы американистики в литературоведении. Основывалась она на достижениях научной работы кафедры зарубежной литературы ПГУ; также важное влияние на ее развитие оказывали развитые связи с ведущими американистами из МГУ и ЛГУ, которые выступали в качестве научных руководителей пермских ученых. По словам одного из пермских американистов, И. Н. Клепацкой, специфика контактирования двух столичных исследовательских школ в стенах Пермского университета заключалась в их уникальном и плодотворном взаимодействии.

В настоящей статье мы преследуем цель отразить темы, проблемы и важнейшие результаты научных работ, опубликованных пермскими американистами – Натальей Георгиевной Бяковой, Ириной Владимировной Шиховой, Ириной Николаевной Клепацкой, Еленой Павловной Ханжиной. Основное внимание мы уделяем диссертациям, а также монографиям, поскольку в этих работах оказываются сконцентрированы основные идеи многолетних исследований.

Следуя в хронологическом порядке, мы обращаемся к кандидатской диссертации Н. Г. Бяковой «Американская новелла последней трети XIX века: к вопросу о жанровом своеобразии»[1].

© Братухина Л. В., 2019.

Диссертация Натальи Георгиевны посвящена изучению типологических особенностей американской новеллы XIX в. и затрагивает один из дискуссионных вопросов литературоведения: теорию новеллистического жанра. Кроме того, диссертация восполняет пробел в историко-литературных исследованиях, поскольку последняя треть XIX в. как самостоятельный период в развитии данного жанра не был освещен в исследовательской литературе. Этот пробел тем более досаден, что своеобразие литературной ситуации конца XIX в. в США заключалось в превращении новеллы в «наиболее характерный» и «самый плодотворный жанр» [Балдицын, 2009, с. 544]. Научная ценность данной работы заключается в детальной проработке теории новеллы, исследовании произведений жанра широкого круга американских авторов, принадлежащих к таким литературным направлениям, как реализм, натурализм. В работе сочетаются историко- и теоретико-литературные аспекты.

Важной является предложенная автором диссертации история жанровых форм, сопряженных с выделяемыми в работе «сюжетной новеллой действия» и «аналитической новеллой». По отношению к ним ранней формой жанра называется «история (tale)», а более поздними, последующими – остросюжетная (plot story), социальная и психологическая (sociological story, psychological story). Как параллельно развивающаяся – «рассказ местного колорита» (local color story).

Глава первая обозначена как «теоретическое обоснование», которое, помимо периодизации истории новеллы, типологии и терминологии, заключает в себе анализ представлений американских писателей исследуемого периода о данном жанре. Особое значение приобретает обоснование двух периодов развития новеллы в конце XIX в., представляющее системное видение литературного процесса: 1865–1880 годы выделяются как время наиболее интенсивного развития жанра в момент перехода от романтизма к реализму; 1890-е гг. – как время, когда новелла способствует формированию нового типа романа – «социально-критического» [Бякова, 1980, с. 8], обусловленному развитием «собственно критического реализма» [Бякова, 1980, с. 11]. Данная периодизация коррелирует с последовательно сменяющими друг друга этапами осмысления «типичности случая, лежащего в основе жанра новеллы» [Бякова 1980, с. 9], соотносимыми с творчеством конкретных авторов: 1) понимание случая как «частного проявления общей закономерности» (отразившееся в произведениях А. Бирса, Ф. Брета Гарта, М. Твена); 2) понимание случая как «обыденного будничного явления» (У. Д. Хоуэллс); 3) понимание случая как «причинно-обусловленных явлений общественной жизни США 1890-х гг.» (М. Твен, Г. Гарленд, С. Крейн, Ф. Норрис).

Вторая и третья главы диссертации посвящены рассмотрению двух этапов развития жанра, его жанровых форм: «Сюжетная новелла действия 1865–1880 гг.» и «Аналитическая новелла 1890-х годов». Так, во второй главе рассматриваются «социально-исторические» и «идейно-методологические» предпосылки первой

жанровой разновидности, ее основные жанровые черты. Выявляются ее проблематико-тематические циклы и структурные виды на примере произведений Ф. Брета Гарта, А. Бирса, М. Твена. Особо отмечается появление первых образцов аналитической новеллы среди произведений М. Твена 1880-х гг. Делается вывод об обусловленности жанровой формы сюжетной новеллы эпохой важных социально-исторических событий – Гражданской войны 1861–65 гг. и ее последствий. Анализ общественных взглядов и настроений становится основанием для анализа изменений в поэтике жанра новеллы: усиления роли критического осмысления действительности и аналитизма. Одним из ключевых выводов становится констатация переосмысления идейно важного для американской литературы и культуры в целом типа героя: self made man, который предстает уже не оптимистичным персонажем, наделенным огромными возможностями и реализующим их, а этаким неудачником («Дурак из Пятиречья» Ф. Брета Гарта) или «личностью, утратившей человечность» («Человек из Солано» Ф. Брета Гарта). Подробно анализируется двойственный характер поэтики сюжетной новеллы действия, сочетающей в себе черты романтического и реалистического метода, но все более и более определяющейся именно последним: «изображение в случае прекрасного, должного и критический показ через случай настоящего» [Бякова, 1980, с. 18].

На фоне выявляемых жанровых черт сюжетной новеллы действия отмечаются ее многочисленные вариации, на основе проблемно-тематических и структурно-стилевых особенностей. Так, среди произведений Ф. Брета Гарта выделяется тематический цикл сюжетов о чудаках, в новеллах А. Бирса усматривается общая тема Гражданской войны, целый спектр таких тематических циклов наблюдается в творчестве М. Твена. У каждого из рассматриваемых авторов также определяется «основной структурный вид сюжетной новеллы действия»: «социально-приключенческая новелла» Ф. Брет Гарта, «новелла… психологического типа» А. Бирса. Произведения М. Твена отличаются гораздо большим разнообразием: сюжетная новелла-пародия, юмористическая, типа «бытовой анекдот», типа были и др.

В третьей главе исследуются предпосылки возникновения и условия становления аналитической новеллы 1890-х годов, а также ее жанровые особенности. Особое внимание привлекает анализ литературных направлений эпохи: «Методологически американская новелла 1890-х годов является новеллой развивающегося критического реализма, испытывающего влияние романтизма, натурализма и импрессионизма» [Бякова, 1980, с. 21]. Отметим среди проанализированных автором диссертации тенденций развития американского реализма характерное для литературы США неослабевающее влияние романтизма, литературного «национального канона», а также отличающее американскую литературу от европейских «далеко не маргинальное», а «ведущее» положение новеллы в «американской прозе того времени» [Балдицын, 2009, с. 548]. Обзор экономического и политического факторов общественной жизни эпохи обосновывает тезис

о формировании такой «отличительной жанровой черты» новеллы данного периода, как «углубленный, социально и экономически аргументированный критицизм» [Бякова, 1980, с. 21]. Вторым основополагающим жанровым признаком обозначен «дух анализа», сопряженный с задачей «вскрыть в типичном случает его социальную обусловленность» [Там же]. Делается заключение, обосновывающее терминологическое обозначение жанровой формы новеллы 1890-х гг., о пронизанности всех элементов ее поэтики «пафосом аналитизма», сказывающегося «и в трактовке образов… и в решении конфликта, и в выборе тем и сюжетов, и в композиции, и в стиле» [Там же]. Последовательно охарактеризованы иные жанровые особенности аналитической новеллы, а также рассмотрены её структурные виды, сформировавшиеся в творчестве М. Твена (собственно сатирическая новелла, социально-политическая сатирическая новелла, социально-философская новелла), Г. Гарленда (социально-бытовая С. Крейна (социальный этюд, новелла ситуации, социально-психологическая новелла, психологическая новелла), Ф. Норриса («пародия на деловую новеллу» [Бякова, 1980, с. 25]).

Таким образом, можно говорить о всеобъемлющей характеристике аналитической новеллы, представленной в хронологическом ряду в качестве преемницы сюжетной новеллы действия и предшественницы социальной и психологической новеллы XX в.

В Заключении Н. Г. Бякова выделяет факторы, обусловившие своеобразие американской новеллы 1890-х гг.: отражение нового этапа в становлении национального самосознания и «в развитии метода критического реализма» [Бякова, 1980, с. 26], антиномия и генетическая связь с сюжетной новеллой действия. В частности, в отношении двух последних обобщается обширный материал рассматриваемых во второй и третьей главах произведений в творчестве представителей обеих жанровых форм. На основании этого показывается диалектика исторического развития жанра: сближающее обе жанровые формы понимание случая «как типичного явления американской действительности» в аналитической новелле обогащается новой трактовкой типического, основанной на «связи индивидуального и социально-всеобщего» [Бякова, 1980, с. 27]. Подчеркивается значение циклизации аналитических новелл для формирования особой жанровой разновидности романа – «критико-реалистического романа в новеллах (“Уайнсбург, Огайо” Ш. Андерсона)» [Там же].

Отметим, что диссертация Н. Г. Бяковой до сих пор остается редким примером фундаментального исследования по проблемам теории новеллистического жанра и специфике развития новеллы в литературе США последней трети XIX в.

Своеобразное продолжение изучение американской новеллы получило в работах еще одной сотрудницы кафедры – И. В. Шиховой. Доступные нам работы посвящены творчеству К. Э. Портер. В статье «Метафизическое и конкретно-историческое в романе К. Э. Портер "Корабль дураков"», написанной в соавторстве с

Р. Ф. Яшенькиной, представлен анализ художественных особенностей романа «Корабль дураков». Творчество писательницы рассматривается как необходимое для понимания основных «тенденций американского литературного процесса» [Яшенькина, Шихова, 1983, с. 139]. В данной работе уделяется внимание таким особенностям поэтики исследуемого романа, как использование аллегории для «создания модели конкретно-исторического образа жизни» [Яшенькина, Шихова, 1983, с. 138], «социальная конкретность изображения» жизни различных слоев буржуазного общества, тяготеющая к традициям «эпического романа Дж. Стейнбека» [Там же], «идеологический полифонизм» с преобладанием двух идеологических мотивов – «еврейского начала и немецкого единства» [Яшенькина, Шихова, 1983, с. 140], «динамика эстетической функции диалога», сопоставимая с подобными тенденциями в произведениях Д. О'Хары и Э. Хемингуэя [Яшенькина, Шихова, 1983, с. 143]. В целом можно констатировать, что в данной работе авторы показывают, что конкретно-историческое начало романа превалирует над притчево-иносказательным.

Малый жанр произведений писательницы становится предметом рассмотрения в статье И. В. Шиховой «"Южная традиция" в новеллах К. Э. Портер». Предварительно автором статьи специально оговаривается множественность традиций, в рамках которых следует рассматривать творчество писательницы: «южная школа», литература «гневных 30-х гг.» и «бунтующих 60-х». Наследие «южной школы» применительно к произведениям К. Э. Портер отражено в следующих тезисах: тематика (историческая судьба, предрассудки и пороки «старого Юга» и т.п. [Яшенькина, Шихова, 1983, с. 99]), социально-этический конфликт, проблематика нравственного выбора отдельной личности, особый мотив смерти.

Материалом анализа в статье становятся новеллы, открывающие сборник «Падающая башня» (объединенные тематически: повествующие о детстве одного персонажа – Миранды), а также цикл «Страна моего сердца». Способ циклизации новелл сопоставляется с подобным же в произведениях Ш. Андерсона («Уайнсбург. Огайо») и У. Фолкнера (сага о Йокнапатофе). Отмечается ряд приемов, которые К. Э. Портер заимствует из арсенала писателей-южан, в идейном плане также подчеркивается «инерция южного сознания» [Там же], особенности понимания семейной темы, темы одиночества. Упомянутый цикл «Страна моего сердца» охарактеризован как «особый вид семейной хроники» [Яшенькина, Шихова, 1983, с. 102], спецификой которого становится не только изображение общественных закономерностей сквозь призму жизни различных поколений семьи, но и «анализ психологического восприятия жизни» [Там же]. Отметим скрупулезный анализ сочетающихся в изображении южной семьи идеализирующих тенденций и реалистически точно отражающих неприглядные аспекты современности. В заключении статьи делается вывод о переосмыслении в новеллистике К. Э. Портер традиций «южной школы».

Также особенностям жанра новеллы в творчестве писательницы посвящены публикации «"Рассказы Миранды" К. Э. Портер. Особенности проблематики и жанра» (в сб. «Проблемы романтизма и реализма в зарубежной литературе XIX–XX веков», Пермь, 1984) и «Человек и принципы его изображения в новеллистике К. Э. Портер» (в сб. «Человек: перспективы исследования: тез. докл.на межвуз. конф. мол. ученых, Пермь, 1987).

Таким образом, в публикациях И. В. Шиховой преимущественно уделяется внимание жанру новеллы в творчестве писательницы, однако акцент делается не на типологии жанра, а на специфике преломления традиций «южной школы» в произведениях К. Э. Портер и на выявлении в них ведущих тенденций развития литературы США XX столетия.

Большая часть научных публикаций Е. П. Ханжиной посвящена исследованию романтической поэзии США. Так, диссертация на соискание степени кандидата филологических наук («Уильям Каллен Брайант: поэзия и поэтика» (1984)) представляет собой исследование поэтического творчества и критической деятельности одного из представителей раннего американского романтизма, а название вышедшей в 1998 г. монографии – «Романтическая поэзия США: жанры, поэтика, стиль»[2] – говорит само за себя.

Диссертационное исследование было выполнено под руководством доктора филол. наук профессора Ю. В. Ковалева, представителя ленинградской школы американистики. Творчество У. К. Брайанта привлекает внимание пермской исследовательницы особой ролью автора в истории американской литературы и шире – культуры. Новизна исследования – представляющего собой первую «в советском литературоведении попытку комплексного, целостного, монографического исследования поэтического творчества и критического наследия Брайанта» [Ханжина, 1984, с. 15–16] – до сих пор не утратила своей актуальности.

Рассматривая становление творческой индивидуальности поэта, Е. П. Ханжина обращается к проблеме влияния европейской традиции на литературу США. По сути, это вопрос национальной самобытности и состоятельности национальной литературной традиции, поскольку эпоха романтизма сыграла «ведущую роль в становлении национального своеобразия литературы США» [Стеценко, 2000, с. 10]. Особое внимание уделяется влиянию Вордсворта на американскую культуру в целом, а также раскрывается закономерность близости творческих позиций этого популярного в США английского романтика и Брайанта. Различия же в настроениях лирики английского и американского авторов объясняются мировоззренческими различиями: пессимизм Вордсворта связан с противоречием социального бытия Англии природной гармонии, оптимизм же Брайанта основан на представлении о единстве человека и природы, что проявляется в «национальном духе молодой “Страны Лесов”», «символическим выражением» [Ханжина, 1984, с. 42] которого становятся американские пейзажи.

Анализ творческого метода Брайанта (включающий размышления об особенностях понимания и изображения природы, новаций поэта в области стихосложения) завершается выводами о «постепенном отходе Брайанта от принципов классицистической поэтики», а также о «романтическом переосмыслении» традиций английской поэзии XVIII в [Ханжина, 1984, с. 35].

Во второй главе проблема национальной специфики творчества Брайанта раскрывается со всей полнотой. Основным понятием становится «путь» (интерпретируемый в контексте нативистской идеи путешествия – открытия Америки, а также новоанглийской духовной традиции «внутреннего путешествия»).

Отдельного упоминания заслуживает анализ индейских по тематике стихотворений Брайанта, связываемых автором исследования со страноведческим нативистским интересом. Отмечается условно-декоративный характер ранних стихотворений, а также воссоздание в них специфики местного колорита и лишь в незначительной мере попытки передать особенности мировоззрения коренных американцев. Стихотворения же «Гора Монумент», «Легенда делаваров», «Быстроногая лань» рассматриваются как пример иного изображения коренных американцев – с опорой на их фольклор. Значимость данного материала заключается в освещении проблемы этнического многообразия американской культуры и литературы в частности. Анализ индейской темы в лирике Брайанта позволяет увидеть одну из стадий «взаимопроникновения культур» и «формирования национальной литературной традиции», в котором «наследие аборигенов» становится «важным художественным средством» [Ващенко, 1999, с. 377].

Значима оценка творчества Брайанта как «крупнейшего представителя нативизма в поэзии США первой половины XIX века», чей вклад в развитие национальной литературы сопоставим со вкладом прозаиков – В. Ирвинга и Ф. Купера.

Отдельным параграфом представлена политическая лирика Брайанта в контексте уже сложившейся в американской поэзии XVIII–XIX вв. проблематики национальной независимости. Прослеживаются изменения представлений о свободе, а также художественного выражения этих политических представлений в разные периоды творчества Брайанта: от следования эталонам классицизма в поэме «Эмбарго, или Современные очерки» до романтической традиции Байрона в стихотворениях, посвященных защитникам национальной свободы в Греции и Испании. Анализируется специфика стихотворений, посвященных политической истории США, заключающаяся в «тяготении к конкретно-историческому материалу» [Ханжина, 1984, с. 111]. В качестве значимых тематических групп рассматриваются произведения, посвященные Гражданской войне, а также стихотворения аболиционистской направленности. Е. П. Ханжина отмечает ведущую роль природы в политической лирике Брайанта. В целом делаются выводы о жанровом (от классической оды до лирических медитаций) и ритмико-интонационном (белый стих) разнообразии, о переходном характере поэтики политической

лирики Брайанта, сочетающей «черты романтического стиля» с сохранением «некоторых черт классицистической поэтики» [Ханжина, 1984, с. 129].

Третья глава диссертационного исследования раскрывает систему поэтологических воззрений У. К. Брайанта, представленную на основании таких его сочинений, как «Лекции о поэзии», предисловие к «Библиотеке поэзии и песни», отдельные критические статьи, рецензии, теоретические работы («Использование трехсложной стопы в ямбическом стихе») и стихотворения («Поэт»). Принципиальным тезисом становится утверждение о влиянии на «теорию поэзии Брайанта» «идей классической поэтики», «ассоциативной школы XVIII века и западноевропейской романтической эстетики» [Ханжина, 1984, с. 131]. Роль Брайанта-критика в истории американской поэзии определяется как «революционизирующее влияние на развитие американского стихосложения», подготовившее почву для «более либеральной и гибкой просодической практике романтизма», для «поэтической реформы По и Эмерсона» [Ханжина, 1984, с. 147]. В завершение делаются выводы о значении эстетики Брайанта, заключающемся в популяризации «романтической поэзии в стране», формировании национальной традиции американского романтизма, а также в «развитии теории искусства и литературной критики» [Ханжина, 1984, с. 149].

В Заключении диссертационного исследования определяющим становится тезис об основополагающем значении поэтической практики Брайанта в становлении «самобытной поэзии в стране» [Ханжина, 1984, с. 185], формировании традиции американской натурфилософской лирики, прослеживается возможная рецепция его наследия в американской поэзии XX века. Подчеркивается глубинный уровень проявления национальной специфики в творчестве «отца американской поэзии»: обращение к «национальному материалу», особый «эмоциональный тон» и «система ценностей», «способ выражения поэтической мысли» [Ханжина, 1984, с. 187]. Также важными представляются размышления автора диссертации о новаторстве Брайанта на поприще национальной эстетической теории и литературно-критической деятельности.

Таким образом, можно отметить, что диссертация Е. П. Ханжиной во всей полноте исследует наследие У. К. Брайанта, поэта и критика, определившего путь развития американской поэзии. Теоретическое и историко-литературное значение приобретает целый ряд затрагиваемых в работе понятий таких, как нативизм, ранний американский романтизм, национальная специфичность литературы США, натурфилософская лирика, пейзажная лирика.

Монография Е. П. Ханжиной, опубликованная в издательстве Пермского университета в 1998 г., посвящена американской романтической поэзии в целом. Здесь, по сравнению с диссертацией, мы видим уже расширение тематики исследования, что закономерно отражается в увеличении количества авторов анализируемых произведений (У. К. Брайант, Ф. Хэллек, Дж. Г. Уитьер, Г. У. Лонгфелло,

Л. Э. Таккер, Дж. Р. Дрейк и др.), а также в иной – проблемной – организации материала. Так, соответствующие главы монографии посвящены отдельным жанрам (баллада, пастораль, гимн), жанровым формам (экфрастический сонет), отдельным произведениям (поэме Дж. Уитьера «Занесенные снегом»), отдельным аспектам поэтики романтических поэтических произведений (воплощение идей нативизма, живописность романтической пейзажной лирики, поэтика воспоминания); отдельная проблемная глава представляет обзор творчества женщин-поэтов второй половины XIX века.

В силу ограниченности объема данной статьи позволим себе отметить лишь те главы монографии, которые, по нашему мнению, наилучшим образом позволят оценить новизну представляемого материала и новаторство исследовательского подхода. Прежде всего, следует упомянуть выявление «интермедиальной» специфики особой группы сонетов о произведениях визуальных искусств [Ханжина, 1998, с. 67]. Обращаясь к произведениям В. Оллстона, Г. Пикеринга, У. К. Брайанта, М. Фуллер, Э. Лазарус, Е. П. Ханжина показывает разнообразие вариантов жанровой формы экфрастического сонета: от «поэтического комментария к картине или скульптуре», до «сонетов, посвященных американским художникам», и «сонетов об искусстве», в которых часто присутствуют проблемы национального искусства и понимания сущности искусства как такового. Помимо обращения к ранее неисследованным произведениям со столь специфической тематикой, данная глава представляет интерес в плане особенностей поэтики американского экфрастического сонета, сочетающего такие характеристики, как лишение словесного образа «зрительной наглядности» [Ханжина, 1998, с. 77] и воссоздание «живописного образа с его богатой чувственной конкретикой», создание «аллегорических или метафорически конкретных образов для иллюстрации своих представлений об искусстве» с помощью «речевой пластики» [Там же].

Заключительная девятая глава монографии представляет целый ряд авторов-женщин, «занимавших заметное место в литературной жизни США» [Ханжина, 1998, с. 177], но при этом проигнорированных в исследованиях: Э. и Ф. Кэри, Х. Х. Джэксон, С. О. Джюетт, Э. Лазарус, Л. Ларком. Помимо сведений биографического и библиографического характера, в данной главе интерес представляет избранный аспект анализа произведений указанных поэтесс: не каталогизация во втором и все более удаленных от поэтической авансцены рядах, но выявление особенностей образности, специфического стиля, особой точки зрения женщин-писательниц, т.е. исследование их произведений в гендерном аспекте. Например, анализируется распространенный прием изображения «женской "стороны" традиционной…ситуации» (участь жен или вдов романтических героев), воплощение типично феминистской проблематики (узость отводимого женщине социального пространства и расширение «круга социальных ролей женщины» [Ханжина, 1998, с. 182]). Таким образом, в данной главе монографии Е. П. Ханжиной

восполняется пробел в исследованиях «существенного этапа в истории становления женской поэзии США» [Ханжина, 1998, с. 188], при этом неназываемый, но применяемый гендерный подход позволяет действительно услышать «женские голоса» в аутентичной, неискаженной форме.

Диссертационное исследование И. Н. Клепацкой «Идейно-художественное преломление "женской темы" в романе США 70-х – начала 80-х годов XX века: творчество писательниц-женщин»[3] создавалось под руководством А. С. Мулярчика, в 1987 г. являвшегося доцентом каф. зарубежной литературы и печати факультета журналистики МГУ. Диссертация представляет собой фундаментальное исследование по указанной теме, написанное интересным и, можно сказать, метафорическим языком. Хотя не все лингвистические аспекты оформления работы были приняты бесспорно: формулировка темы представлялась слишком «англизированной», ведь по-русски слово писательницы уже содержит информацию о том, что автором является женщина. Однако для автора диссертации важно было точное выражение на языке исследуемого материала.

Диссертация отличается глубокой проработкой социального подтекста темы: обсуждаются проблемы, породившие «новый феминизм», а также проблемы, обсуждаемые авторами на страницах произведений. Раскрываются основные идеи ведущих направлений американского феминизма – умеренно-либерального (основное внимание уделяющего «расширению социальных и эмоциональных горизонтов американских женщин за счет вовлечения их в активную социальную деятельность» [Клепацкая, 1987, с. 12]) и радикального (рассматривающих мужчин как «биологический класс», переводя женский вопрос в «сферу взаимоотношений между полами» [Там же]). Автор опирается на публикации американских авторов, по-разному освещающих проблемы феминизма: Б. Фридан («Мистика женственности»), С. Файерстоун («Диалектика секса»), Ж. Грир («Женщина-евнух»).

Актуальность исследования связывается с тем, что в нем показывается отражение в литературе насущных проблем эпохи: феминистские идеи, «пик» в разработке которых в художественной литературе США приходится на 70-е годы, и «находит свое прямое продолжение в последующих 1980-х годах» [Клепацкая, 1987, с. 6]. Заметим, что подобная проблематика актуальна и сегодня, когда на фоне активных процессов, приводящих к «сглаживанию гендерных дифференциаций, росту толерантности в отношении индивидуальных различий в выборе предпочтительных социальных ролей в семейной и профессиональной сферах деятельности мужчин и женщин» [Бутовская, 2008, с. 220]), предпринимаются попытки осознать направленность этих процессов и их последствия для развития общества. Не менее значимо в диссертации и обращение к современным на момент исследования произведениям, многие из которых не были переведены с английского языка и не имели сложившейся исследовательской традиции. Научная новизна и ценность исследования определяется осуществляемой в нем

попыткой дать «внутреннюю градацию литературного пласта, связанного с феминистским движением в США» [Клепацкая, 1987, с. 7]. Так, структура диссертационной работы – выделение трех глав в основной части – дает системное представление о множестве произведений, представляющих «феминистскую тему» в литературе США указанного периода.

Соответственно первая глава озаглавлена «Радикально-феминистская проза в литературе США на современном этапе»; вторая глава – «Феминизм и "массовая беллетристика"»; третья глава – «Своеобразие трактовки "женской темы" в реалистическом романе 1970-х – начала 80-х годов».

Авторы произведений, избранных для анализа в первой главе, относящихся к середине 1970-х годов, характеризуются как «ведущие американские писательницы послевоенного поколения, принадлежащие к реалистическому направлению» [Там же]. Дилогия Э. Джонг («Страх полета», «Как спасти свою жизнь») анализируется как «новая грань в раскрытии «женской темы» в литературе США» [Клепацкая, 1987, с. 31]. Отмечается необычная полемическая заостренность романов по отношению к идее радикального крыла феминизма «довести поведение "эмансипированной женщины" до всеразрешающего "мужского" образа жизни» [Клепацкая, 1987, с. 37–38], а также особая «психологическая глубина», с которой изображается эволюция героини, и глубокий и серьезный конфликт героини с обществом – системой, «не дающей человеку возможности самореализации» [там же]. Вполне закономерен вывод о том, что дилогия принадлежит к произведениям, в которых «внутренний психологический конфликт… объективно выводит к конфликту социальному» [Клепацкая, 1987, с. 43], а изображаемый тип женской личности можно охарактеризовать как «самодостаточный».

Иная интерпретация радикально-феминистской проблематики усматривается автором диссертации в романе Дж. Дидион «Молитвенник». Рассматривая разнообразные элементы художественного целого произведения – фабулу, композицию, особенности нарративной структуры, репрезентацию внутренней эволюции персонажа, – автор диссертации раскрывает социальную проблематику романа: изображение закономерного крушения «жизненных установок, основанных на общепринятых стереотипах американского образа жизни» [Там же], основой которых становится пропагандируемый официальной моралью тип «женственной» женщины, социально пассивный, замкнутый «исключительно на проблемах личного характера» [Клепацкая, 1987, с. 47].

Роман М. Пирси «Вида» характеризуется как «пик» в развитии американской радикально-феминистской прозы, истоки ее творчества автор исследования связывает с «новой левой политикой» 60-х гг. Подчеркивается значение личного опыта участия писательницы в антивоенном движении для создания произведения, в котором автор «исследует психологически сложный тип женщины, самым непосредственным и активным образом участвующей в социально-политической

борьбе и обретшей здесь свое духовное возрождение» [Клепацкая, 1987, с. 53]. Отмечается также наличествующее в произведении радикально-феминистское видение проблем взаимоотношений между полами: мужские персонажи оказываются несостоятельными, а женщине остается «полагаться только на самое себя» [Клепацкая, 1987, с. 58].

Вторая глава диссертации посвящена рассмотрению, возможно, наиболее необычного в академическом литературоведении сегмента – массовой беллетристики. Это по сути особая сфера массовой культуры, которая сегодня оценивается как одно из «самых ярких проявлений социокультурного Бытия (sic) современных развитых сообществ» [Флиер, 2014, с. 439]. Автор диссертации, обращаясь к важному для нее исследуемому периоду сер. 1960-х – начала 1970-х гг., отмечает такие особенности массовой культуры этого времени, как переработка и имитация не свойственных ей духовных ценностей, вовлечение в ее сферу ранее пытавшихся ей противостоять слоев населения. В сфере же массовой беллетристики внимание исследователя привлекает конкуренция с «большой литературой», в частности эксплуатация тематики и проблематики феминистской прозы, правда, представляемых в упрощенном виде.

С учетом социокультурного контекста эпохи – периода «сексуальной революции» – анализируются в работе романы популярнейшего автора 60-х гг. Ж. Сьюзан, имеющие откровенно эротический характер: «Долина кукол», «Любовная машина». На примере романов писательницы «Одного раза мало» (1973) и «Долорес» (1976) анализируются особенности массовой беллетристики 70-х. гг: «мимикрия под серьезную литературу, стремление использовать формы и образы, разработанные подлинными мастерами слова». В качестве откровенных недостатков романа указываются статичность характеров, а также морализаторство писательницы, направленное на постулирование основополагающей роли мужчины в судьбе женщины.

Анализ произведений массовой беллетристики 80-х гг. предваряется общей характеристикой актуальной для американского общества «проблемы кажущейся свободы»: ситуации, в которой американская женщина свободна в материальном плане, но при этом общество не предоставляет ей возможности реализоваться в равной мере с мужчинами.

Рассматриваются романы еще одного «раскрученного» автора – Дж. Кранц – «Скруплз» (1978), «Княжна Дэйзи» (1980), «Дочь Мистраля» (1982), «Я завоевываю Манхеттен» (1986). Отмечается «идеалистический» характер интерпретации писательницей социальных вопросов, сводящий успех или неуспех в социуме исключительно к личным качествам, а проявления социальной несправедливости, в конечном итоге, к следствиям недостатков героев. Анализируется тип положительного героя, предлагаемого писательницей: «деловая женщина», «новая женщина» – «прекрасная леди "с железным кулаком в бархатной перчатке"»

[Клепацкая, 1987, с. 83]. Убедительно обосновывается вывод о том, что образы «self-made women» Дж. Кранц, по сути, лишь иной ракурс «женственной женщины» Ж. Сьюзан, поскольку период социальной активности «новой женщины» – всего лишь одна из «рабочих стадий» (существующих наряду с нерабочими), предполагаемых в рамках «теории стадийности», а окончательное моральное удовлетворение деловая женщина находит только в традиционных проявлениях женской самореализации – в семье, браке. В завершение главы делается вывод о том, что «идеологическая заданность разрушает художественную структуру» [Клепацкая, 1987, с. 90] подобных произведений.

Третья глава диссертации завершает систематику произведений «женской прозы» в литературе США избранного периода. Непосредственному анализу произведений предшествует традиционный для данной работы обзор литературной традиции данного направления (произведения С. Крейна, Т. Драйзера, С. Льюиса). Формулируются особенности поэтики реалистического романа исследуемого периода – 70-х – начала 80-х годов, связанного с данной темой и получающего в диссертации терминологическое обозначение как «женский роман»: повествование, выстраивающееся вокруг центрального женского образа, фокусирующего в себе «основные проблемы социальной и психологической жизни современного американского общества» [Клепацкая, 1987, с. 93]. Таким образом, подчеркивается выход данной модификации реалистического романа за рамки узко психологического конфликта» и его обращенность к глубокому социальному анализу. Важной характеристикой в отношении жанровой специфики становится тезис о соединении в структуре «женского романа» черт «семейной хроники», «романа становления», «романа карьеры». В целом отмечается значимая роль «женской» прозы в развитии романного жанра в литературе США 70–80-х годов, дается обзор основных типов женского образа, представленных в подобных произведениях.

Так, один из указанных типов анализируется в романе «Делай со мной что хочешь» (1973) Оутс: женщина, достигшая высокого социального положения, материального благополучия, но «трагически несчастная до своей встречи с подлинным чувством» [Клепацкая, 1987, с. 97]. Сюжет романа предстает как «распредмечивание» героини, Э. Хоу, что приводит ее к решительным поступкам, ломающим стереотипы женского гендерного поведения и открывающим перспективы для борьбы за «свою личность» [Клепацкая, 1987, с. 100], за возможность «самореализации» и осознание своей самоценности в «неблагоприятных социальных условиях» [Там же].

Иной тип современной американской женщины автор диссертации усматривает в романе Э. Тайлер «Блага земные» (1977): живая деятельная натура, понимающая ограниченность окружающего ее будничного «закабаляющего» мира, находящая в себе силы покинуть его в поисках собственного «нравственного центра» и достигающая своей цели.

Различные типы женских характеров анализируются в романе писательницы «Обед в ресторане "Тоска по дому"». Основу идейного замысла составляет изображение процесса разрушения личности героини, Перл Тулл, из-за «прямолинейного следования общепринятым правилам» [Клепацкая, 1987, с. 111]. Противопоставление героинь романа – Перл Тулл и Дженни Тулл, матери и дочери, – позволяет сформулировать позитивный образ современной американской женщины: эмансипированная женщина, реализовавшаяся профессионально и в личной жизни. Также в обоих романах прослеживается тенденция «демократизации литературного героя», актуальная для целого ряда западных литератур. Последний тезис расширяет проблематику исследования, затрагивая поэтику романа в зарубежных литературах.

В творчестве Э. Уокер рассматривается тип «черной» женщины-американки, судьба которой осложняется и гендерным, и расовым неравенством, царящими в американском обществе. Роман «Цвет багряный» рассматривается в контексте традиций негритянской литературы, отраженных в произведениях Дж. Болдуина, Э. Дж. Гейнса, М. Уокер, Дж. О. Килленса. Современная писательнице параллель негритянских авторов представлена именами И. Рида и Т. Моррисон.

Ключевым в развитии внутреннего сюжета романа «Цвет багряный» является своеобразное преломление женской темы: «непростое превращение обыкновенной заурядной женщины… в личность, в человека, который сам может распорядиться своей судьбой» [Клепацкая, 1987, с. 127]. Особое внимание уделяется корреляции внутреннего психологического конфликта и социального, отраженного в бунте личности против недостатков общества. Делается заключение о том, что Э. Уокер убедительно раскрывает «всю сложность и неоднозначность такого понятия, как "афроамериканская женщина"» [Клепацкая, 1987, с. 135], однако подчеркивается, что это ограничивает писательницу «слишком узкой в общих рамках феминистского движения афроамериканской тематикой» [Там же]. Завершается глава рассмотрением романа Л. Эрдрих «Любовное зелье» (1984). В исследуемом романе усматриваются черты характерного для индейской прозы жанра эпопеи, в которой повествование о судьбе двух семейных кланов отражает «насущные проблемы всего народа» [Клепацкая, 1987, с. 139]. В трактовке «женской темы» исследовательница отмечает сочетание представлений о традиционной роли индейской женщины и объективно актуальных для современных индианок тенденций «социального развития женской личности» [Клепацкая, 1987, с. 140], предполагающих саморазвитие и социальную активность.

В Заключении работы подчеркивается влияние нового подъема феминистского движения на отражение «женской темы» в литературе США исследуемого периода. Утверждается систематизация женской прозы, основанная на выделении

трех проанализированных в работе сегментов. Отмечаются их характерные черты, проводится сопоставление в основных моментах. Выделяется среди результатов исследования формулирование жанровой модификации «женского романа», возводимый к традициям американской реалистической прозы.

Завершая обзор наиболее значимых исследований в области американской литературы, выполненных в Пермском государственном университете, отметим разнообразие их направленности: от значимой в плане формирования национального литературного канона США эпохи романтизма до современнейших на момент написания работ авторов. Исследования пермских американистов отличает внимание к проблемам типологии жанров (даже при условии, что это не является центральной проблемой исследования), привлечение широчайшего контекста рассматриваемых явлений (будь то критические и научные источники, сопоставление художественных произведений, характеристика мировоззренческих, социальных, культурных особенностей эпохи), глубокая проработка теоретических вопросов, а также системное отражение закономерностей развития литературного процесса. В свете всего сказанного неслучаен тот факт, что работы пермских американистов сохраняют свою актуальность как фундаментальные исследования. Некоторые же их аспекты могут рассматриваться как сформировавшие в свое время основу таких современных научных направлений, как гендерные исследования литературы и культуры, теория интермедиальности.

Примечания

1. Научные руководители А. А. Бельский и В. Н. Богословский, защита состоялась 14 февраля 1980 г. в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской.

2. Отметим также наличие учебного пособия по спецкурсу «Формирование национальной традиции в романтической поэзии США и творчество У. К. Брайанта» (1987) и главу «Уильям Каллен Брайант» в «Истории литературы США» (Т. 2. Литература эпохи романтизма, М.: «Наследие», 1999).

3. Защита диссертации состоялась в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской 12 февраля 1987 г.

Библиография

Балдицын, П. В. Развитие американской новеллы. О.Генри // История литературы США. – Том V. – Москва : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 544–598.

Бутовская, М. Л. Гендер в современном мире: реалии и перспективы женщин в свете гендерного равенства // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Вып. 2 (41). – С. 220–232.

Бякова, Н. Г. Американская новелла последней трети XIX века: к вопросу о жанровом своеобразии: Автореф.... дис. кан. филол. наук. – Пермь, 1980. – 27 с.

Ващенко, А. В. Зарождение американского фольклора // История литературы США. – Том II. – Москва : Наследие, 1999. – С. 376–395.

Клепацкая, И. Н. Идейно-художественное преломление "женской темы" в романе США 70-х – начала 80-х годов XX века: творчество писательниц-женщин: дис... канд. филол. наук: 10.01.05. – Пермь, 1987. – 172 с.

Флиер, А. Я. Избранные работы по теории культуры. – Москва : ООО «Издательство “Согласие”»; «Артем», 2014. – 560 с.

Ханжина, Е. П. Уильям Каллен Брайант: поэзия и поэтика. Дисс....канд. филол. наук. – Пермь, 1984. – 230 с.

Ханжина, Е. П. Романическая поэзия США: жанры, поэтика, стиль. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 196 с.

Шихова, И. В. «Южная традиция» в новеллах К. Э. Портер // Традиции и взаимодействия в зарубежной литературе XIX–XX веков. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1986. С. 97–106.

Яшенькина, Р. Ф., Шихова, И. В. Метафизическое и конкретно-историческое в романе К. Э. Портер «Корабль дураков» // Литературные традиции в зарубежной литературе XIX–XX веков. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1983. – С. 136–143.

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47) DOI: 10.36945/2658-3852-2019-4-39-51

М. И. Вебер

«ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА ПЕРЕЖИВАЕТ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ»: ДНЕВНИК СВЯЩЕННИКА 3-ГО БАРНАУЛЬСКОГО СИБИРСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА К. ДМИТРИЕВА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00221 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте»).

Падение коммунистического режима в СССР привело к открытию архивов и снятию идеологических запретов, что дало мощный толчок к изучению истории Белого движения на Востоке России. Постепенно интерес отечественных исследователей сместился от общего к частному, и начали появляться публикации по истории отдельных частей и соединений колчаковской армии [Симонов, 2001; Немытов, Дмитриев, 2009; Шушпанов, 2011 и др.]. Привлек внимание российских историков и 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк: в 2009 году вышла книга «Забытый полк», представляющая собой сборник документов, воспоминаний, материалов газет по истории полка [Забытый полк, 2009].

Тем не менее, в архивах еще можно найти значимые неопубликованные источники по истории 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка, в т. ч. эго-документы. В приложении к данной статье публикуются два таких документа. Это дневник полкового священника 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка К. Дмитриева за декабрь 1918 г. – июнь 1919 г., а также сопроводительный рапорт Дмитриева главному священнику Восточного фронта, протоиерею А. А. Русецкому. Публикуемые документы были выявлены в фонде 40253 «Управление Главного священника армии и флота при Ставке Верховного главнокомандующего» Российского государственного военного архива (РГВА).

Об авторе дневника известно немногое. Он прошел вместе с 3-м Барнаульским Сибирским стрелковым полком практически весь его боевой путь и попал в

© Вебер М. И., 2019.

плен к красным 6 января 1920 г. под г. Красноярском. Командир 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка полковник А.И. Камбалин в своих воспоминаниях, описывая катастрофу под Красноярском, особо отметил потерю полкового священника: «Ужасный этот день нашему полку обошелся дорого. Кроме потерь в бою у деревни Дрокиной убитыми и ранеными, мы потеряли весь обоз (второго разряда), с ним вместе музыкантскую команду (до 35 инструментов), плененную нами когда-то еще в г. Перми, потеряли единственного полкового врача доктора Пермякова[1] и священника отца К. Дмитриева» [Забытый полк, 2009, с. 142]. Дальнейшая судьба К. Дмитриева неизвестна.

Ценность данного дневника как исторического источника заключается в том, что он описывает боевой путь 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка во время зимней и весенней кампании 1919 г. Полковой священник, в обязанности которого входило отпевание погибших солдат и офицеров, скрупулезно фиксирует на страницах дневника потери полка после каждого крупного боя, коротко характеризует боевые действия и их результаты. Эти сведения, безусловно, важны для военных историков, особенно учитывая неполноту сохранившихся в архивах материалов военного делопроизводства колчаковской армии за 1919 г.

Концовка дневника, в которой автор дает свою оценку происходящим на фронте и в тылу событиям и называет причины поражений белых (как он их видел), раскрывает его внутренний мир и образ мыслей, давая право наделить данный документ приставкой «эго-». В картине мира К. Дмитриева, очевидно обладавшего конспирологическим мышлением, нашлось место и теориям заговора, и ноткам антисемитизма[2].

Документ публикуется в современной орфографии, но с сохранением особенностей стиля автора. В частности, сохранено авторское написание прописных и строчных букв.

Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в оригинале, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками – []. Слова и словосочетания, которые невозможно прочитать, обозначены при публикации следующим образом – [нрзб].

В тексте дневника автором сделаны пропуски, куда он намеревался вписать позднее названия тех или иных населенных пунктов или даты – вероятно, сверившись с приказами по полку. Эти места в документе и в настоящей публикации обозначены нижним подчеркиванием ___

№ 1

Рапорт полкового священника 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка К. Дмитриева главному священнику Восточного фронта протоиерею А. А. Русецкому № 1 207 от 28.08.1919 об отправке дневника

рапорт

При сем представляю дневник, веденный с Декабря 1918 г. по Июнь 1919 года[1)].

Священник *К. Дмитриев*

РГВА. Ф. 40 253. Оп. 1. Д. 2. Л. 275. Подлинник. Рукопись. Коричневые чернила.

[1)] На документе имеются делопроизводственная помета «Вх[одящий] № 2 734. 12.IX.1919 г.» и резолюция «15.IX.1919 г. К сведению. Прот[оиерей] *Касаткин*», сделанные зелеными чернилами.

№ 2

Дневник полкового священника 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка К. Дмитриева за декабрь 1918 г. – июнь 1919 г.

Дневник 1918-й год[3]

Декабрь месяц

22.XII. Накануне, т. е. 21-го Декабря, отдано было распоряжение двинутся полку со ст. Сылва Горнозаводской железной дороги по направлению ст. ___.

В 7 ч. утра ранним, зимним, морозным утром полк построился в ожидании своего доблестного командира[4]. Приехал командир, поздоровался с бравыми Б[арнауль]цами и полк двинулся, имея впереди себя пешую разведку. Со ст. ___ полк пошел двумя колоннами, первая отправилась по проселкам прямым путем к г. Перми, а вторая колонна под командой командира 2-го б[атальо]на Генштаба Капитана Полковникова[5], направилась по линии жел[езной] дороги на ст. Левшино. В этот день боевых столкновений с красными не было, последние, разбитые ранее, бежали по направлению Перми.

23.XII. Утром в 1 ч. ночи полк подошел к Мотовилихинскому заводу[6], где находились уже два полка, кое-как удалось разместиться и уставшие люди, пройдя 45 верстный переход при 35° мороза, поистинно спали стоя.

В 4 ч. утра вновь все зашевелилось. Со стороны Перми раздавалась орудийная и пулеметная стрельба, это 4-й полк вел наступление на город. Наша задача была взять самый завод, где по показаниям жителей засел местный Совет. Уже орудия были приготовлены и все приготовлено к наступлению, как пришедшая разведка донесла, что все красные накануне ночью бежали. После сего последовал вторичный приказ, вести наступление на город Пермь со стороны ст. Пермь I-я.

Полк выступил в 8 ч. утра. С каким восторгом встречали сибиряков жители, измучившиеся под властью «рабоче-крестьянского правительства». Можно было слышать возгласы, обращенные к нашим серым героям, «Христос Воскресе», на что каждый отвечал: «Воистину Воскресе»[7]. В 9 ч. утра прибыли на ст[анцию] и тотчас было приказано расположиться гарнизоном. Таким образом наш полк предназначался к отдыху.

29.XII. В то время, как 1-й Средне-Сибирский корпус сосредоточил свой удар по Перми, Группа генерала Вержбицкого[8] гнала красных по Сибирскому тракту и красные, не зная, что Пермь уже взята нами, от Кунгура двинулись на Пермь и прошли на Казанский тракт, вышли на село Большие Муллы[9] в 17 в[ерстах] от города Перми. Получено было полком приказание немедленно ликвидировать эту шайку, предполагая небольшую численность красных, была послана одна рота 2-я под командой ротного командира Х___, но красных оказался большой отряд, так как Кунгурские красные под начальством Блюхера[10] соединились с бежавшими из Перми и таким образом составился большой отряд, в котором была и кавалерия.

После невозможности ликвидировать одной ротой такой большой отряд красных, нашей роте была придана артиллерия легкая в количестве одного взвода, вечером 24-го на ликвидацию наступления красных двинулся весь полк, пришли в с. В[ерхние] Муллы[11] и тотчас же двинулись далее в деревню Хмели[12], что в 1-й версте от В[ерхних] Муллов, между тем как разведка продолжала двигаться дальше и у деревни Ванюки обнаружила красных, которые обстреляли разведку, были двинуты батальоны и загорелся горячий бой. Красные упорно сопротивлялись, но в конце концов были сбиты из окопов, которые были ими заблаговременно оборудованы, достаточно было сшибить красных с места, как они неудержимой лавиной побежали вперед. Наш полк в течение чисел 25, 26 и 27 Декабря прошел расстояние в 40 верст почти без боев, принимая во внимание, что ему приходилось очищать не только деревни, лежащие по тракту, но и в сторону от тракта.

28.XII[13]. Полк был поставлен в резерв в дивизионный в дер. Тарасовку[14], а второй б[атальо]н был придан [4-му] Енисейскому полку. Простоять пришлось в этой деревеньке до 4-го Января 1919 г., а 4-го Января пришел приказ выступить обратно в Пермь, и здесь встретили праздник Рождества Христова, а 9-го Января хоронили павших в описанной операции. Надо заметить, что в этой операции

выбыло много из строя как в офицерском, точно так же и в солдатском составе убитыми, умершими от ран и ранеными. Убито офицеров 7 человек, умерло от ран 2 и ранено 6 человек. Солдат убито 42 человека, умерло от ран 3 и ранено 109 человек.

Во время стоянки в Перми с 4-го по 17-е Января ничего существенного не произошло.

Солдаты аккуратно посещали Богослужения, вообще надо отметить религиозность солдат в этой войне.

17-е Января. Полк, согласно приказанию, выступил по Казанскому тракту по направлению к г. Оханску, где красные хотели прорвать фронт, опять направляясь в Пермь. Вот для ликвидации этого прорыва и послали полк. Кроме того, надо было спасти положение и 14-го [Иртышского Сибирского стрелкового] полка. Полк выступил в Юго-Камский[15], где простоял два дня и где встречен был праздник Крещения, пришлось сразу же вступить в бой. Около деревни Гари[16] красные упорно держались, и самая деревня переходила несколько раз из рук в руки, наконец все атаки противника были отбиты и их отбросили за реку Каму. Где красные остановились в г. Оханске. В дальнейшем активных действий не проявлялось, как с той, так и с другой стороны, лишь только разведка почти ежедневно тревожила красных, и артиллерия также не давала покоя красным. Полк занимал расположение почти на 35 верст. Занимались деревни Юго-Камский Завод, Гари, Осиновка, Сосновка и Еловья[17].

Мной за время стоянки часто велись беседы, не смотря на разбросанность.

Полк занимал оборонительное положение за время с 23-го Января по 27-е Февраля, в то время как остальные части вели наступление по линии ж. д. и на Кунгурско-Сарапульском направлении.

28-е Февраля. Батальон под командой поручика Богословского[18] получил приказание перейти на правый берег реки Камы и занять деревни Камская[19], Селищная[20] и другие и вот ___ числа первый батальон блестяще выполняет свою задачу, правда, потеряв одними убитыми 57 человек, но все-таки вышеуказанные деревни были заняты и красные оттеснены на линию деревень Березова[21], Заонохова[22], Казанка[23], а в то же время остальные два б[атальо]на занимали прежние позиции, т. е. третий б[атальо]н деревню Еловья, а второй б[атальо]н деревню Гари.

5-е Марта. Весь полк должен был перейти в наступление. 3-го Марта 1-я рота заняла без боя деревню Верхнюю Березовку, захватив в плен роту красных.

5-го Марта полк перешел в наступление и после 5-ти часового горячего боя были взяты хорошо укрепленные позиции красных: с. Казанка, деревни Заонохова, Заполье[24] и красные бежали в Оханск и там хорошим ударом их выбили 2-й и 3-й б[атальо]ны и началось наступление на Очерский Завод.

Под Таборами красные оказали упорное сопротивление, но несмотря на это, им не удалось задержаться в хорошо укрепленном пункте под селом Таборами.

Во время наступления на Казанку-Заонохово наши потери убитыми 17 человек и ранеными около 150 чел. Под Таборами ___ Марта[25] потери убитыми солдатами и офицерами 62 человека. Солдаты похоронены в с. Таборы и офицеры в г. Оханске.

___ Марта[26] был взят Очерский Завод совместно с 1-м Ново-Николаевским полком. Потери при взятии завода 8 человек убитыми, в том числе умерший от ран поручик Свалов[27], который будучи ранен под с. Таборами не мог быть вынесен по причинам совершенно случайным, красные подобрали его вместе с 8 солдатами, которых они возили за собой до Очерского Завода, при этом во время остановок их не вносили в избы и в Очерском заводе их бросили в Земской больнице. Когда был взят завод, и я пошел навестить раненых, то они сильно просили об одном, чтобы их увезли дальше в тыл, а то опять попадем к красным, я их утешил и успокоил. Поручика Свалова напутствовал.

___ Марта согласно приказа полк стал в дивизионный резерв, в котором пробыл до ___ Марта. Во время стоянки в резерве началась весенняя распутица и движение стало тяжелым, трудно стало двигаться на лошадях.

Приказ по полку двинуться дальше, без боя продвинулись на линию деревень Екимята, Б[ольшие] Каракулы, Козеноги и пр. ___ Марта занята с боем деревня М[алая] Турова, а _____ Марта дер. Ераничи и Ишницы.

В дер. Ераничах доблестная 5 рота в течении недели выдерживала жестокий огонь красных, затем была сменена 8-й ротой. _____ Марта[28] первым б[атальо]ном было предпринято наступление на деревни 1[-ю], 2[-ю] и 3-и Раки, но благодаря хорошо укрепленной местности и численному превосходству противника пришлось отойти и пришлось оставить несколько человек раненых тяжело, впоследствии, когда эти Раки были взяты, то оказалось, что раненые были приколоты и по показаниям жителей они подвергались страшным мучениям.

___ Марта был приказ начать наступление дальше, красные поспешно отступали и ними связи до с. Поломского[29]. В районе этого села с боями взяты деревни Кабаки, Б[ольшая] Медьма[30], М[алая] Медьма, Малый Полом[31] и с. Полом[32].

Потери во время этих операций ничтожны: убитых 7 человек. Когда был взят с. Полом, то дальше уже нельзя было вести операций ввиду полной распутицы и розлива рек.

Приказ получил полк занять оборонительную линию по р. Туга[33], время стоянки полка пришлось на последней неделе. Все солдаты и офицеры отбыли дали Исповеди и [приобщились] Св[ятой] Тайне Причастия. Пасха была встречена по-христиански.

Во время распутицы с 4.IV Апреля по 5-е Мая ничего существенного не произошло. Производилась лишь только усиленная разведка. Красные точно так же активных действий не проявляли.

Кроме разведки производилось укрепление занимаемых местностей, на случай нападения красных.

___ полк получил приказание перейти на другие позиции, что и было сделано. Были заняты позиции по линии деревень Сандашур[34].

___ была занята деревня ___ затем было приказано передвинуться по тракту Казанскому и занять деревни В[ерхний] Утем[35], Средний и Нижний, а затем отрезать красных, наступающих на деревню Сектырь[36] и вот ___ по непроходимой лесной просеке пришлось пройти 14 верст, нельзя на лошадях было провезти провиант, уж не говоря об орудиях или пулеметах. Все это пришлось нести на себе, но не смотря на усталость, все-таки красные были выбиты из вышеуказанных деревень и атакованы у Сектыря, но в это же самое время красные бросили подкрепление своим, находящимся у с. Игринского и следовательно зашли нашему 2-му б[атальо]ну у Сектыря в тыл, в то же время 1-й б[атальо]н не успел своевременно их удержать и пришлось отступить от Сектыря и от Утемов, так как последние представляли из себя очень плохую позицию, пришлось отойти в дер. ___, где дали возможность людям отдохнуть и под[нрзб]нуть и поесть.

___ опять предпринято наступление на вышеуказанные позиции, кроме нашего полка, еще был придан штурмовой б[атальо]н под командой к[апита]на, ими были взяты Утемы, а затем туда же переброшен наш полк.

В это же время было предпринято наступление 1-м Егерским полком, 1-м Н[ово]-Николаевским на дер[евни], лежащие по тракту на восток от с. Игринского. Наш же полк получил другой боевой приказ и нас перебросили на север, сменить 4-й Енисейский полк, что и было сделано ___, переброска окончилась ___, и мы очутились на стыке 1-й и 2-й Сибирских дивизий, отсюда начали наступление на Стеклянный завод[37], Порез, Ефремовцы[38], село Архангельское[39], Дебинское[40] и Ежевское[41], первые три деревни взяты ___, а село Архангельское ___ и Дебинское ___. Убитых за операцию под Утемами было 7 стрелков и один офицер, за операцию же под Стеклянным заводом, Порезом и Ефремовцами убитых не было и только под Дебинским было убито 5 стрелков и 1 офицер. Ежевское же брать не пришлось, так как 4-й Енисейский полк, благодаря численному превосходству красных, начал отступать, пришлось отступить и нашему полку, оставить Дебинское и отойти к с. Архангельскому, но ___ вновь предпринято наступление и утраченные позиции заняты вновь, но получен приказ отойти назад и полк отошел на линию деревень Ефремовцы, Беляево[42].

Получен приказ отойти полку на тракт, идущий на Воткинский и Ижевской заводы, занята позиция на линии села Чутырь[43].

___ под давлением превосходных сил противника полк начал отступать по Казанскому тракту, отступил и ___ занял оборонительную линию по ветке жел[езной] дор[оги] Нытвенский завод от ___.

____ пришлось отступать дальше и все, что было занято с таким упорным тяжелым трудом зимой, все это пришлось оставить и отойти за Урал в пределы Сибири; были оставлены такие большие пункты, как Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Тюмень и другие города. Все бежало из оставленных мест, а что и оставалось, то предавалось убийству и уничтожению, впереди отступающих частей тянулись повозки и пешеходы, бросившие все и уходившие от прелестей Коммунистического рая уже однажды испытавши его на себе. Таким образом, если эти бежавшие массы будут хорошей пропагандой против большевиков, среди Сибиряков, не видавших во всем безобразии царства Коммуны, во всей красе, как это испытали не только живущие в городах России, главным образом крестьяне и рабочие, у которых все было обложено налогами, начиная от крицы[44] и кончая серой, кроме того красная армия забирала все, что можно было взять. Большевики правда потратили большие деньги на агитацию среди Сибирской армии.

Вот эти-то люди под разными видами и рассыпались по Сибири и начали свою преступную работу среди рабочих и крестьян.

С другой стороны, и союзники медлили своей живой силой помочь России, вернее ее сознательным сынам, борющимся за освобождение России от ига большевизма.

Союзникам невыгодно видеть Россию страной сильной, ибо это в будущем может отразиться на их благополучии. В особенности Американцы или вернее, ранее бежавшие из России Евреи, старались вредить всевозможными своими кознями на Дальнем Востоке, устраивая забастовки среди русских рабочих, которые как стадо баранов шли за тем, кто им обещал больше, не сознавая того, что все это может скверно отразиться как на Государстве, точно также и на личности каждого гражданина.

Тяжелые времена переживает Русская земля, и одна надежда на славное казачество, которое не раз, в тяжелые минуты, спасало родину. Надеяться будем, что и на этот раз Всевышний благословит их на Великое и Святое дело – освобождение своего государства.

Священник 3-го Барнаульского
Сиб[ирского] стр[елкового] полка *К. Дмитриев*

РГВА. Ф. 40 253. Оп. 1. Д. 2. Л. 276–286. Подлинник. Рукопись. Синий карандаш и простой карандаш.

Примечания

1. Пермяков Иван Александрович (1878 – ?) – полковой врач 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка. Родился в 1878 г. В 1914–1916 гг. – земский врач в с. Повалишино Полоцкого уезда Витебской губернии. В 1919 г. служил полковым врачом 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка. В январе 1920 г. попал в плен к красным под г. Красноярском. В 1924 г. – врач секции экспертизы и контроля Новониколаевского губздрава.

2. В этом отношении характерна также статья «Геройская смерть», которую К. Дмитриев написал для газеты «Алтайские ведомости» (номер от 7 ноября 1919 г.). В ней есть следующие пассажи: «Встань, русский народ проснись, последуй примеру погибших героев. Защищай свое веками нажитое достояние от расхищающих проходимцев – Бронштейнов, Нахамкесов и тому подобной нечисти». [Забытый полк, 2009, с. 95].

3. Заголовок автора.

4. 20 декабря 1918 г. во временное командование 3-м Барнаульским стрелковым полком вступил А. И. Камбалин. Предыдущий командир полка, подполковник В. А. Вольский, был отстранен от командования полком из-за неудачного боя 11 декабря 1918 г. под дер. Кутамыш.

5. Полковников Василий Дмитриевич (1890–1965) – командир батальона 3-го Барнаульского стрелкового полка. Окончил Барнаульское духовное училище и 2 класса Томской семинарии. Работал учителем. Участник Первой мировой войны. Капитан. В августе 1918 г. мобилизован в белую армию. Назначен командиром 16-й роты 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка. В ноябре 1918 г. назначен командиром 2-го батальона 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка. Принял участие в боях за Пермь. В январе 1919 г. выехал из полка в отпуск в Барнаул, где получил фиктивную справку о болезни, затем еще одну. Осенью 1919 г. дезертировал из колчаковской армии. После войны неоднократно арестовывался советской властью. В 1936 г. переехал с Алтая в г. Калугу. Работал учителем в сельской школе. Оставил мемуары о своей жизни «По волнам моря житейского».

6. В 1918 г. – поселок Мотовилихинский завод в Пермском уезде Пермской губернии. Ныне – часть г. Перми.

7. Похожую реакцию местных жителей на приход белых описал в своих воспоминаниях и командир 2-го батальона 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка В.Д. Полковников:

«За Екатеринбургом, где-то на новой Чусовской ветке, нас высадили из вагонов, а дальше мы должны были идти походным порядком. Здесь снова в голове моей пошел тяжелый разнобой. Мы шли уже по местам, где только что расправлялись с населением отряды «противника». На телеграфных столбах висели тела

священников и прочих контрреволюционеров. В селениях по улицам валялись разбросанные иконы. «К чему все это?» – думал я.

Особенно поразили меня жители одного села. Дело было к вечеру. При входе нас в деревню, они большой толпой стояли по обеим сторонам дороги на коленях и молились на нас, как будто мы шли с крестным ходом. Вот до чего доводит она, гражданская-то война, с горечью размышлял я.

Три года войны на германском фронте их не задели, а вот теперь пошла война по их головам» [Полковников, 2013, с. 95].

8. Вержбицкий Григорий Афанасьевич (1875–1943) – русский военачальник. Из мещан. В 1897 г. окончил Одесское пехотное юнкерское училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн. 27 сентября 1916 года произведен в полковники и назначен командиром 44-го Сибирского стрелкового полка. В январе – ноябре 1917 г. командовал бригадой 134-й пехотной дивизии. После захвата власти большевиками бежал в г. Усть-Каменогорск, где сформировал подпольную антибольшевистскую организацию. После свержения Советской власти прибыл в Омск и 20 июня 1918 г. вступил в командование 1-й Степной дивизией. За взятие Тюмени 20 июля 1918 г. произведен Временным Сибирским правительством в генерал-майоры. Осенью, командуя Западно-Сибирским отрядом, отбил у красных Алапаевск, Нижний Тагил и Верхотурье. Участвовал в Пермской операции. 6 января 1919 г. назначен командиром 3-го Степного корпуса. В январе 1919 г. за боевые отличия по овладению Уралом произведен в генерал-лейтенанты. В весеннем наступлении корпус Вержбицкого после упорных боев овладел 7 апреля Воткинским заводом, а 13 апреля – Ижевском. 20 июля 1919 г. возглавил Южную группу войск 2-й армии. В Сибирском Ледяном походе в конце 1919 г. был назначен начальником колонны в составе Южной и Тобольской групп, которую вывел в Забайкалье. 22 февраля 1920 г. в Чите остатки 2-й армии была сведены во 2-й Отдельный стрелковый корпус, который с 30 марта по 4 июля 1920 г. вел борьбу с красными в Забайкалье. 22 августа 1920 г. назначен командующим войсками атамана Семенова. 22 октября 1920 г. отступил с ее остатками из Забайкалья в Маньчжурию. С 31 мая по 12 октября 1921 г. командовал войсками Временного Приамурского правительства. С 1922 г. – в эмиграции в Китае.

9. Имеется в виду село Верхние Муллы. В означенное время в Верхне-Муллинской волости Пермского уезда Пермской губернии было два села с одинаковым названием Верхние Муллы, отличавшихся размерами, поэтому в обиходе одно из них называли Большими Муллами.

10. Блюхер Василий Константинович (1890–1938) – советский военачальник. Летом 1918 г. объединил и возглавил разрозненные красноармейские отряды, оказавшиеся отрезанными на Южном Урале, и вывел их на соединение с основными силами Красной армии в районе г. Кунгура. В конце декабря 1918 г. –

начале января 1919 г. 30-я стрелковая дивизия, которой командовал Блюхер, пыталась контрнаступать на Пермь.

11. В 1918 г. – село в Пермском уезде Пермской губернии. Ныне – часть г. Перми.

12. В 1918 г. – деревня Хмели в Верхне-Муллинской волости Пермского уезда Пермской губернии.

13. Так в документе.

14. В 1918 г. – деревня Тарасова в Пермском уезде Пермской губернии. Ныне не существует.

15. В 1919 г. – поселок Юго-Камский завод в Пермском уезде Пермской губернии. Ныне поселок Юго-Камский в Пермском районе Пермского края.

16. В 1919 г. – деревня Гари в Полуденской волости Пермского уезда Пермской губернии. Ныне не существует.

17. В 1919 г. – деревня Елово в Полуденской волости Пермского уезда Пермской губернии. Ныне деревня Еловая в Юго-Камском сельском поселении Пермского района Пермского края.

18. Богословский Василий Акимович (1885–1945) – офицер русской армии. Родился 3 апреля 1885 г. в г. Вязники Владимирской губернии. В 1902 г. окончил Горбатовское городское 4-классное училище, в 1904 г. – Усть-Керженскую низшую лесную школу в Макарьевском уезде Нижегородской губернии. Поступил на службу в лесное ведомство. С 12 декабря 1911 г. – помощник лесничего в Алтайском округе. 21 апреля 1914 г. произведен в коллежские регистраторы. Участник Первой мировой войны. Мобилизован в армию 1 апреля 1915 г. 1 января 1916 г. окончил 1-ю Иркутскую школу прапорщиков. С мая 1916 г. по апрель 1917 г. – полковой казначей 24-го Сибирского стрелкового запасного полка. 21 июня 1917 г. произведен в подпоручики. Член партии народных социалистов. С 9 августа 1917 г. инспектор губернской милиции и помощник губернского комиссара Алтайской губернии. Смещен с этой должности большевиками 6 декабря 1917 г. 3 января 1918 г. демобилизован из армии. С 1 февраля 1918 г. работал в Управлении Акционерного общества Алтайских фабрик и заводов. Участник Гражданской войны на стороне белых. С 16 июня 1918 г. в рядах 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка. С 21 сентября 1918 г. – командир 2-й роты, с 25 ноября 1918 г. – командир 1-го батальона полка. 30 октября 1918 г. произведен в поручики, 6 января 1919 г. – в штабс-капитаны, 6 октября 1919 г. – в капитаны, 26 октября 1919 г. – в подполковники. С 5 августа 1919 г. – врио командира 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка. Отступил с остатками колчаковской армии в Забайкалье, а затем в Приморье, где продолжил борьбу с большевиками. 14 марта 1920 г. произведен в полковники. В 1921–1922 гг. – зам. начальника УВД Временного Приамурского правительства. Осенью 1922 г. командовал Восточно-Сибирским отрядом Земской рати. В ноябре 1922 г. эмигрировал в Китай. С 6 июля 1923 г. – в

эмиграции в США. Проживал в штате Калифорния. Скончался 25 мая 1945 г. в г. Сакраменто, США.

19. В 1919 г. – деревня Камская в Казанской волости Оханского уезда Пермской губернии. Ныне не существует.

20. В 1919 г. – деревня Селищна в Казанской волости Оханского уезда Пермской губернии. Ныне не существует.

21. Ныне деревня Березовка в Оханском городском округе Пермского края.

22. В 1919 г. – деревня Заонохово в Казанской волости Оханского уезда Пермской губернии. Ныне деревня Заонохово в Оханском городском округе Пермского края.

23. В 1919 г. – село Казанское в Казанской волости Оханского уезда Пермской губернии. Ныне село Казанка в Оханском городском округе Пермского края.

24. В 1919 г. – деревня Заполье в Казанской волости Оханского уезда Пермской губернии. Ныне деревня Заполье в Оханском городском округе Пермского края.

25. 8 марта 1919 г.

26. Очерский завод был взят белыми 11 марта 1919 г.

27. Свалов Иван Антиохович (? – 1919) – офицер 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка. Участник Первой мировой войны. 1 октября 1915 г. окончил 1-ю Иркутскую школу прапорщиков. На сентябрь 1916 г. – прапорщик 3-го Заамурского пограничного пехотного полка. Участник Гражданской войны. В 1918 г. мобилизован в 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк. Поручик. За участие в боях Гражданской войны награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами (Приказ по войскам Сибирской армии № 66 от 19.02.1919 г.) и Св. Анны 2-й степени с мечами (Приказ по войскам Сибирской армии № 314 от 26.05.1919 г.). Посмертно произведен в штабс-капитаны и капитаны.

28. 22 марта 1919 г.

29. Ныне село Поломское в Кезском районе Удмуртии.

30. Ныне деревня Медьма в Кезском районе Удмуртии.

31. Ныне деревня Малый Полом в Кезском районе Удмуртии.

32. Ныне село Полом в Кезском районе Удмуртии.

33. Туга – река, протекающая в Игринском и Кезском районах Удмуртии, приток р. Чепцы.

34. Ныне деревня Сундошур в Игринском районе Удмуртии.

35. Ныне деревня Верхний Утем в Игринском районе Удмуртии.

36. Ныне деревня Сектыр в Игринском районе Удмуртии.

37. Имеется в виду поселок Сергиевский завод в Игринской волости Глазовского уезда Вятской губернии. Ныне – село Факел в Игринском районе Удмуртии.

38. Ныне деревня Ефремово в Красногорском районе Удмуртии.

39. Ныне село Архангельское в Красногорском районе Удмуртии.

40. Ныне село Архангельское в Красногорском районе Удмуртии.

41. Ныне село Ежево в Юкаменском районе Удмуртии.

42. Ныне село Ежево в Юкаменском районе Удмуртии.

43. Ныне село Чутырь в Игринском районе Удмуртии.

44. Крица – рыхлая, губчатая, пропитанная шлаком (кричным соком) железная масса, из которой посредством разных обработок получается кричное железо или сталь.

Библиография

Забытый полк: страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии / сост. А. А. Краснощеков, В. А. Суманосов. – Барнаул : Издат. дом Барнаул, 2009. – 317 с.

Немытов, О. А., Дмитриев, Н. И. 16-й Ишимский стрелковый полк. Очерки истории. – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2009. – 184 с.

Полковников, В. Д. По волнам моря житейского: Воспоминания: В 5 ч. Ч. 1–2. – Санкт-Петербург : Полиграфическое предприятие № 3, 2013. – 359 с.

Симонов, Д. Г. История II Степного корпуса белой Сибирской армии (1918 год). – Новосибирск : Новосиб. Гос. ун-т, 2001. – 172 с.

Шушпанов, С. Г. Забытая дивизия. – Уфа : Белое дело, 2011. – 228 с.

УДК 94 DOI: 10.36945/2658-3852-2019-4-52-66

А. Л. Глушаев, А. В. Голева

«ПОДОБРАТЬ И НАЗНАЧИТЬ…»: ОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ В МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ. 1944–1946 ГГ.

Подготовленные к журнальной публикации документы из фондов Государственного архива Пермского края (ГАПК) поднимают тему генезиса регионального института уполномоченного Совета по делам религиозных культов (далее – Совет, СД РК). Содержащиеся в архивных материалах сведения позволяют реконструировать практики власти, с помощью которых стремились выстроить систему контроля над местными религиозными организациями в годы войны.

О причинах, побудивших Сталина и сталинское руководство реформировать антирелигиозную и антицерковную внутреннюю политику в предвоенные годы и особенно в условиях войны, уже написаны содержательные монографии (См. например: [Бранденбергер, 2017; Волокитина… 2008; Майнер, 2010; Одинцов, 2014; Одинцов, Чумаченко, 2013]). В большинстве случаев, что вполне объяснимо, внимание исследователей сосредоточено на взаимоотношениях государства и Русской православной церкви, сохранявшей в тот период значительное влияние среди населения европейской части СССР, за Уралом и в Сибири, а также обладавшей несомненно дипломатическим ресурсом в международных отношениях.

Создание в 1943 г. Совета по делам Русской православной церкви (далее – СД РПЦ) при Совнаркоме СССР явилось продолжением этой новой политической линии в отношениях советского государства и религиозных организаций. Можно согласиться с утверждением, что в переломном в военном отношении 1943 г. «Сталин решил использовать церковь и восстановить Патриархию как функциональный институт для решения комплекса политических проблем, возникших перед ним и его правительством… при освобождении территорий, временно оккупированных немцами, и позже, по мере продвижения Красной Армии в Восточную и Центральную Европу» [Майнер, 2010, с. 25]. Однако прагматика политических решений сталинского правительства не предполагала равенства государства и церкви, и организуя Совет по делам Русской православной церкви, власть использовала правовые и административные рычаги, чтобы направлять и контролировать РПЦ [Волокитина, 2008, с. 74].

Уже осенью 1943 г. на местах, при республиканских и краевых совнаркомах, областных исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся (далее – облисполком) были введены должности уполномоченных СД РПЦ при СНК СССР. Так, первым уполномоченным Совета по делам РПЦ по Молотовской[1] области стал сотрудник облисполкома Л. И. Смирнов[2], который одновременно являлся заведующим спецсектором – ответственным за спецсвязь с союзными и региональными органами власти (Личный листок… 15. 12. 1943, л. 9–9 об.). Согласно основным пунктам инструкции, которой руководствовался уполномоченный, ему необходимо было наладить работу с региональным епархиальным управлением, определить вопросы, которые требовали разрешения правительства СССР, вести учёт православных общин и групп в городах и районах области [См. подробнее: Русская православная церковь, 2015, с. 254–255].

Следующим шагом в оформлении государственно-конфессиональных отношений в СССР стала организация весной 1944 г. Совета по делам религиозных культов [См. Одинцов, 2005, с. 107–128]. Круг вопросов, которыми должны были заниматься сотрудники Совета, включал, как было изложено в соответствующем документе, осуществление связи «между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений: мусульманского, иудейского, буддийского вероисповедания, армяно-григорианской, старообрядческой, греко-католической, католической и лютеранской церквей и сектантских организаций по вопросам этих культов, требующим разрешения Правительства СССР» (Цит. по: [Одинцов, 2012, с. 292]).

По аналогии с уполномоченными СД РПЦ утверждают штат уполномоченных Совета по делам религиозных культов. Впрочем, организация деятельности региональных уполномоченных, особенно СД РК, в военное время оказалась для власти делом не простым. Как отмечает М. И. Одинцов, хотя штат уполномоченных СД РК был определён в 134 человек, фактически многие должности оставались незамещёнными [Одинцов, 2005, с. 110]. Директивные указания направляемые, например, в адрес областных исполнительных комитетов, чтобы «подобрать и назначить по согласованию с Обкомом ВКП/б/ уполномоченного Совета, не объединяя его обязанностей с обязанностями уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви, и приравнять по всем видам обеспечения к зав. отделом Облисполкома» (Полянский[3]… 20. 07. 1944, л. 6), не выполнялись в полном объёме по ряду причин.

Во-первых, в годы войны на местах образовался «кадровый голод». Должностные требования к уполномоченному резко сужали круг возможных кандидатур. В первое время, как это было в Молотовской области, на должность уполномоченного Совета по делам религиозных культов был назначен – с приставкой «по совместительству» (Полянский… 20. 12. 1944, л. 11) – П. С. Горбунов[4], сотрудник спецотдела облисполкома, работавший вместе с Л. И. Смирновым.

Во-вторых, на статус и функционал должности уполномоченного СД РК влияло общее представление, сложившееся в советской номенклатурной среде в предыдущие десятилетии, когда религиозная деятельность рассматривалась как контрреволюционная, а религиозная вера считалась, в лучшем случае, признаком отсталости [Хакимов, 2013, № 6, с. 106]. Заниматься вопросами регулирования отношений с религиозными организациями после периода активной «борьбы с религией» если и казалось занятием не бесполезным, то далеко не первостепенным. Не случайно, в тех же директивных письмах из Совета в адрес местного руководства напоминалось, что «Уполномоченные Совета не могут быть отвлечены от своих прямых обязанностей на длительное время по поручениям, не имеющим непосредственного отношения к их работе; … аппарат Уполномоченного должен быть размещён в отдельном и удобном для приёма посетителей помещении» (Всем Уполномоченным… 20. 04. 1945, л. 14). Но и назначенные уполномоченные нередко бездействовали, не исполняли свои обязанности. Заместитель председателя союзного Совета Ю. В. Садовский[5], с долей явного раздражения, писал в адрес уполномоченного СД РК по Молотовской области П. Ф. Плотникова[6]: «Некоторые Уполномоченные Совета формально относясь к своим обязанностям, составляют информационный отчет в виде анкеты, отвечая на вопросы схемы преподанной в Инструкции для Уполномоченных Совета, но Вы даже и этого не сделали» (Садовский… 21. 02. 1946, л. 36).

Иными словами, формирование института региональных уполномоченных Совета по делам религиозных культов наталкивалось и на ограниченные ресурсы местных органов власти, и зависело от профессионализма и готовности исполнителей работать. Уполномоченный СД РК при Молотовском облисполкоме П. Ф. Плотников весной 1946 г. был снят с должности. Назначенный в марте того же года уполномоченным Совета И. Ф. Ичетовкин[7], можно сказать, начинал работать с чистого листа.

***

Первые документы дела (ГАПК. Ф. р-1204. Оп. 2. Д. 9) – копии постановления СНК № 628 от 29. 05. 1944 г., положение о Совете по делам религиозных культов и штатное расписание, директивные указания Совета по делам религиозных культов – запустили бюрократический механизм учреждения института уполномоченного СД РК при Молотовском облисполкоме. В свою очередь, отобранные и подготовленные к публикации исторические документы содержат информацию о том как происходило формирование института, какие сведения ожидало получить руководство Совета и с какими проблемами оно столкнулось.

При археографической обработке документов, авторы руководствовались «Правилами издания исторических документов в СССР» (Москва, 1990). В соответствии с рекомендациями, публикуемые документы озаглавлены авторами-составителями. Заголовки содержат общие характеристики исторических источников. Стилистические и структурные особенности текстов сохранены. Орфографические исправления не оговариваются, если они не влияют на смысловое содержание предложений. Пунктуация в текстах воспроизводится в соответствии с оригиналами документов.

Читаемые или известные автографы подписей в документе переданы в археографической публикации курсивом. Нечитаемые или неразборчивые подписи, которые пока не идентифицированы, воспроизводятся курсивом в кавычках как *"Подпись неразб."*. Развёрнутый вариант сокращённых географических названий приводится в квадратных скобках.

В археографической легенде к документу авторы дополнительно указывают типографские характеристики бумажных носителей (например: официальный бланк). Сохраняются подчёркивания в тексте. Однако если подчёркивания не оговариваются, то они выполнены машинописью или являются типографским элементом бланков официальных документов.

Следуя одному из принципов издания документов, сформулированному Н. Н. Покровским и С. Г. Петровым для серии «Архивы Кремля», пометы, резолюции на страницах документов воспроизводятся в конце каждого текста после легенды [Петров, 2000, с. 366] и рассматриваются как неотъемлемые части исторических источников.

В рамках журнальной публикации исторических документов фамилии и имена упоминаемых лиц, сведения о занимаемых должностях в указанный период даны в примечаниях.

Тексты документов подготовлены к публикации А. Л. Глушаевым и А. В. Голевой.

Примечания

1. Пермская (1940–1957 гг. – Молотовская) область образована в 1938 г.

2. ***Смирнов**, Леонид Иванович* (1902–1945) – с 1940 г. заведующий спецсектором при председателе Пермского (Молотовского) областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся. В декабре 1943 г. назначен на должность уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Молотовской области.

3. ***Полянский**, Иван Васильевич* (1898–1956) – со второй половины 1920-х гг. сотрудник органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, непосредственно занимавшийся контролем

за деятельностью религиозных организаций. В июне 1944 г. назначен председателем Совета по делам религиозных культов при СНК СССР.

4. ***Горбунов**, Пётр Спиридонович* (1908–…?) – с декабря 1944 г. по январь 1945 г. исполнял «по совместительству» должность уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Молотовской области. В апреле 1945 г. назначен уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви при Молотовском облисполкоме. Проработал в этой должности до 1965 г.; с 1965 г. по 1967 г. – старший инспектор Совета по делам религий при СМ СССР по Пермской области.

5. ***Садовский**, Юрий Владимирович* (1901–…?) – сотрудник органов ОГПУ – НКВД с 1923 г., в 1934 г. начальник отделения секретно-политического отдела Полпредства ОГПУ в Ленинградском военном округе. Постановлением СНК СССР от 1 февраля 1945г. № 193 назначен зам. председателя Совета по делам религиозных культов.

6. ***Плотников**, П. Ф.* – уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Молотовской области, сменивший П. С. Горбунова в январе-феврале 1945 г. Проработал в должности до марта 1946 г. Более подробная информация о Плотникове П. Ф. не обнаружена.

7. ***Ичетовкин**, Иван Филиппович* – в марте 1946 г. назначен на должность уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Молотовской области. Личное дело в архиве пока недоступно (ГАПК. Ф. р-564. Оп. 11. Д. 1301. Л. 5).

Список источников

Всем Уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. 20. 04. 1945. Машинопись. Заверенная копия // ГАПК Ф. р–1204. Оп. 2. Д. 9. Л. 14.

Личный листок по учёту кадров. Смирнов Леонид Иванович. 15. 12. 1943. Бланк. Рукопись // ГАПК. Ф. р–564. Оп. 11. Д. 2759. Л. 9–9 об.

Полянский И. В. – Горбунову П. С. 20. 12. 1944. Машинопись. Подлинник // ГАПК. Ф. р–1204. Оп. 2. Д. 9. Л. 11–11 об.

Полянский И. В. – Кочергину С. А. 20. 07. 1944. Машинопись. Подлинник // ГАПК Ф. р–1204. Оп. 2. Д. 9. Л. 6–6 об.

Садовский Ю. В. – Плотникову П. Ф. 21. 02. 1946. Машинопись. Подлинник // ГАПК. Ф. р–1204. Оп. 2. Д. 9. Л. 36–36 об.

Библиография

Бранденбергер, Д. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.) / [пер. с англ. Н. Г. Алёшиной, Л. Н. Высоцкого, Л. Ю. Пантиной]. 2-изд., перераб. и доп. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – 407 с.

Волокитина, Т. В., Мурашко, Г. П., Носкова, А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 807 с.

Майнер, С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945 / [пер. с англ. В. Артёмова]. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 455 с.

Одинцов, М. И. «Вы примите силу, когда сойдёт на вас Дух Святой…». История Пятидесятнической церкви в России. XIX – XX вв. – Санкт-Петербург : Российское объединение исследователей религии, 2012. – 504 с.

Одинцов, М. И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). – Москва : Российское объединение исследователей религии, 2005. – 540 с.

Одинцов, М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. – Москва : Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.

Одинцов, М. И., Чумаченко, Т. А. Совет по делам Русской православной при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. – Санкт-Петербург : Российское объединение исследователей религии, 2013. – 384 с.

Петров, С. Г. О некоторых принципах издания документов в серии «Архивы Кремля» // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Сб. науч. трудов / отв. ред. Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. С. 363–366.

Русская в православная церковь Прикамье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / [науч. ред. А. Н. Марченко; Ю. Б. Братчикова, И. Ю. Федотова, Н. А. Марченко] – Пермь : Астер, 2015. – 411 с.

Хакимов, Р. Ш. Религиозная политика государства в отношении мусульманских общин: роль уполномоченного Совета по религиозным культам Урала (1944–1965 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 54. – 2013. – № 6. – С. 103–109.

№ 1
Директивное письмо Совета по делам религиозных культов при СНК СССР об утверждении штата аппарата уполномоченного Совета при Молотовском облисполкоме

20 июля 1944 г.

Секретно
экз. № 14

«20» июля 1944 г.
№ 08/с

Председателю Молотовского областного
Совета депутатов трудящихся
тов. Кочергину С. А.
Гор. Молотов

В соответствии со ст. 4 «Положения о Совете по делам религиозных культов при СНК СССР», утвержденного постановлением СНК СССР от 29 мая с. г. за № 628, Государственная Штатная Комиссия при СНК СССР утвердила штаты аппарата Уполномоченного Совета при Молотовском Облисполкоме в составе уполномоченного совета и секретаря-машинистки[1].

Утвержденные штаты Государственной Штатной Комиссией посланы НКФ РСФСР 8 июля с. г. За № 7–7789.

На основании вышеизложенного Совет по делам религиозных культов при СНК СССР просит Вас:

1.[2] Подобрать и назначить по согласованию с Обкомом ВКП/б/ уполномоченного Совета, не объединяя его обязанностей с обязанностями уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви, и приравнять по всем видам обеспечения к зав. отделом Облисполкома[3].

2. Выделить для уполномоченного Совета необходимые служебные помещения, оборудование, канцпринадлежности и определить сумму расходов. Выделяемое служебное помещение должно быть отдельным от помещения, занимаемого уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви, поскольку приемы уполномоченными обоих Советов представителей Русской православной церкви и всех других религиозных культов должны происходить в обстановке, исключающей их встречу и, тем более, совместное нахождение в одной комнате.

3. Сообщить о принятом Исполкомом Областного Совета депутатов трудящихся решении в Совет по делам религиозных культов при СНК СССР с представлением анкеты на уполномоченного.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ
ПРИ СНК СССР
Полянский /Ив. ПОЛЯНСКИЙ/

Отп. 27 экз.

26 – адресат.

1 – дело.

ГАПК Ф. р-1204. Оп. 2. Д. 9. Л. 6 – 6 об. Машинопись. Подлинник. Бланк Совета по делам религиозных культов при СНК СССР.

По нижнему краю лицевой стороны документа рукописные пометы чернилами синего цвета: «1. Доложить тов. Кочергину С. А. 2. т. Комарову – выйти предложении о кандидате. 3. Тов. Титову[4] – решить вопрос о размещении. *"Подпись неразб."* 27/VII 44 г. *"Подпись неразб."*»

1 Подчеркнуто карандашом красного цвета.

2 Первый пункт отмечен галкой красного цвета.

3 Часть абзаца, начиная со слова «обязанностями…», отчёркнута слева до конца абзаца двумя вертикальными чертами карандашом чёрного цвета; конец первого пункта «и приравнять…» подчеркнут карандашом синего цвета.

4 Фамилии Комаров и Титов пока не идентифицированы.

№ 2

Инструктивное письмо председателя Совета по делам религиозных культов при СНК СССР И. В. Полянского к уполномоченному Совета по Молотовской области П. С. Горбунову в связи с назначением на должность

20 декабря 1944 г.

МОЛОТОВСКИЙ ОБЛИСПОЛКОМ
Уполномоченному Совета по делам религиозных культов
при СНК СССР /по совместительству/

20 декабря 1944 г. тов. Горбунову.
№ 531 г. Молотов.

В связи с назначением Вас, по совместительству, Уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Молотовской области Вам необходимо:

1. Ознакомиться со следующими руководящими материалами:

а/ Положением о Совете по делам религиозных культов при СНК СССР, утвержденным Постановлением Совнаркома СССР № 628 от 29-го мая 1944 г.;

б/ Постановлением Совнаркома СССР № 1603 от 19-го ноября с. г. о порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов;

в/ для общей ориентировки с Постановлением Совнаркома СССР № 1643–486с от 01/XII – 1944 г. о православных церквах и молитвенных домах.

Указание постановления Вы можете взять на месте, в секретном отделе Облисполкома.

2. Ознакомиться с состоянием и деятельностью религиозных культов на территории Вашей области и представить в Совет по делам религиозных культов при СНК СССР информационное письмо, осветив следующие вопросы:

а/ какие религиозные общества действуют на территории Вашей области /отдельно по культам, в соответствии с тем перечнем, который дан в ст. 1 Постановления СНК СССР о порядке открытия молитвенных зданий/;

б/ были ли случаи закрытия или слома молитвенных зданий за последние полгода и по каким причинам;

в/ какие руководящие центры религиозных объединений имеются на территории Вашей области и установлена ли Вами с ними связь;

г/ какие вопросы поставлены местным духовенством перед советскими органами, настроение и запросы духовенства;

д/ количество поступивших заявлений от верующих граждан об открытии молитвенных зданий (отдельно по культам).

Представить сведения по приложенной форме о действующих молитвенных зданиях религиозных культов на территории области и цифровые данные о закрытых молитвенных зданиях.

Рассмотреть заявления верующих граждан об открытии молитвенных зданий, поступившие в адрес Молотовского Облисполкома. Если эти ходатайства оформлены в соответствии с постановлением СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов», а также по Вашему заключению Молотовским Облисполкомом /Председ[атель] или его Зам[еститель]/, признано целесообразным удовлетворить эти ходатайства /при обязательном наличии свободного молитвенного здания/, то заявления, вместе с заключением ~~Совнаркома,~~[1] Облисполкома, переслать на рассмотрение в Совет по делам религиозных культов.

О принятых Вами мерах, в связи с настоящим письмом, прошу информировать Совет.

Временно, до получения нашей инструкции, руководствуйтесь инструкцией для Уполномоченных Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР.

Председатель Совета
по делам религиозных культов
при СНК СССР:
Полянский /Полянский/

ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2 Д. 9. Л. 11–11 об. Машинопись. Подлинник. Бланк Совета по делам религиозных культов при СНК СССР.

[1] Заштриховано в документе.

№ 3
Письмо заместителя председателя Совета по делам религиозных культов при СНК СССР Ю. В. Садовского уполномоченному Совета по Молотовской области П. Ф. Плотникову с критикой деятельности аппарата уполномоченного.

21 февраля 1946 г.

Секретно
экз. № 1

«21» февраля 1946
№ 107с

Уполномоченному Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Молотовской области
тов. Плотникову.
г. Молотов.

Некоторые Уполномоченные Совета формально относясь к своим обязанностям, составляют информационный отчет в виде анкеты, отвечая на вопросы схемы преподанной в Инструкции для Уполномоченных Совета, но Вы даже и этого не сделали. Совет по делам религиозных культов неоднократно предупреждал своих Уполномоченных о том, что изложенная в Инструкции примерная схема информационного отчета может и должна рассматриваться лишь как элементарное, не претендующее на полноту пособие. Вопросы подлежащие освещению в квартальных отчетах, могут быть очень многообразными, поэтому их нельзя с исчерпывающей полнотой указать в какой-либо схеме.

Задачей Совета и его Уполномоченных является подготовка решений по вопросам государственной важности, но для ее выполнения требуется прежде всего детальное и серьезное изучение этих вопросов, требующее в свою очередь вдумчивого и серьезного труда, инициативы и добросовестного отношения к информации.

Ваш информационный «отчет» за 1945 год не удовлетворяет Совет главным образом потому, что в нем отсутствует политическая информация. Ваш годовой «отчет» имеет формальный характер, отражая лишь незначительную часть Вашей технической работы. Вы сообщаете в «отчете» о двух моментах:

За отчетный год от представителей различных религиозных культов, к Вам поступило 13 ходатайств об открытии молитвенных зданий;

За 1945 год нарушений советского законодательства в области религиозных культов – не отмечалось.

Этим Вы ограничиваетесь в своей информации, в то время как факты; вскользь упоминаемые Вами о наличиях в области четырех действующих старообрядческих церквей и поступивших тринадцати ходатайств представителей

различных религиозных культов – говорят о том, что в Молотовской области происходят определенные процессы религиозного движения. Вашей прямой обязанностью является: с исчерпывающей полнотой осветить общее состояние религиозного движения в области, показать в каких кругах населения оно наблюдается, какое влияние имеет на политическую и производственную жизнь, растет-ли оно, или наоборот идет на убыль, проводится-ли религиозная пропаганда, какие она имеет формы, какие вопросы принципиального и местного значения встают перед Вами, какие мероприятия, направленные к регулированию наблюдаемых процессов религиозного движения Вы намечаете, какие вопросы Вы ставите перед Советом по делам религиозных культов и перед местным руководством[1] и т. п.

Религиозный центр евангельских христиан и баптистов считает, что в Молотовской области (в г. Молотове и Красновишерском районе) существуют общины евангельских христиан и баптистов[2]. Ни в информационном «отчете», ни в статистической сводке о действующих молитвенных зданиях этого факта Вы почему-то не отмечаете.

Прошу учесть замечания Совета и стиль работы изменить.

Зам. Председателя Совета
по делам религиозных культов
при СНК СССР
Садовский[3] (Садовский)

Отп. 2 экз-вц
Экз. № 1-адрес
Экз. № 2-дело.
№ 96 – 21/II-46 г.
исп. ВРАЧЕВ.

ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 9. Л. 36–36 об. Машинопись. Подлинник. Бланк Совета по делам религиозных культов при СНК СССР.

На обороте документа проставлена заверенная подписью И. Ф. Ичетовкина помета «Документ вручен 04 / IV-1946 г.»

[1] Подчёркнуто в тексте документа карандашом красного цвета.
[2] Подчёркнуто в тексте документа карандашом красного цвета.
[3] Автограф подписи выполнен карандашом красного цвета.

№ 4
Черновик письма уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Молотовской области в адрес городских и районных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся Молотовской области об организации системы контроля и сбора информации о религиозных объединениях на территории области

17 апреля 1946 г.

С.С.С.Р.
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
Совета по делам религиозных
культов при Совете
Министров СССР
по Молотовской области
17 апреля 1946 года

№ 1

г. Молотов
ул. Ленина, № 23.

СЕКРЕТНО
экз. №...

Председателю _____
исполнительного комитета Совета
депутатов трудящихся
тов. _____

С момента выхода в свет решений Правительства о создании Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Союза ССР, о порядке открытия молитвенных зданий и о осуществлении свободы вероисповедания, в пределах Молотовской области заметна нарастающая активизация религиозных общин верующих мусульман, евреев, старообрядцев и сектантов.

Об этом свидетельствует увеличившееся, в последнее время число ходатайств представителей общин верующих об открытии молитвенных зданий и наличии неединичных фактов о нелегальном проведении молитвенных собраний, религиозных обрядов и треб.

На основании существующих законоположений религиозные общины, насчитывающие не менее 20 совершеннолетних верующих, имеют право возбуждать ходатайство об открытии молитвенного здания и регистрации своего религиозного общества.

По ходатайствам верующих необходимо быстро и справедливо выносить соответствующие решения и доводить их до сведения представителей ходатайствующей общины.

Невнимательное, а иногда грубое обращение с представителями верующих, какое имело место в Бардымском[1], Щ[учье]-Озерском[2], Кишертском[3] и других районах, вызывают недовольство, нежелательные, а иногда явно антисоветские проявления.

Учитывая специфику религиозных общин различных религиозных культов, имеющихся в пределах нашей области, руководителям местных органов Советской власти необходимо к решению этих вопросов подходить внимательно и

тактично, ибо их склонность к обособлению, скрытности, а иногда и конспирации нередко используется враждебными Советской власти элементами.

В целях избежания ошибок, ликвидации стихии и нежелательных явлений со стороны верующих и общин, необходимо в пределах своего района знать о всех видах религиозных культов, проявлениях верующих и своевременно на них реагировать.

А это возможно только при правильно организованном учете; при этом в первую очередь необходимо учесть:

А. Все, ранее действовавшие религиозные общины и молитвенные здания /мечети, синагоги, старообрядческие церкви и молитвенные дома сектантов/.

Б. Когда, кем и по каким мотивам закрыты эти молитвенные здания и как используются в настоящее время.

В. Все религиозные общины, которые не закрывали свои молитвенные дома и не прекращали своей деятельности по настоящее время.

Г. Религиозные общины, возобновившие свою деятельность в последние годы, с уточнением примерной даты возобновления деятельности, примерного количества верующих, места и порядка проведения молитвенных собраний и наличии Служителя данного культа.

Всякая нелегальная /незаконная/ деятельность религиозных общин должна быть Вами немедленно запрещена, а верующим, сейчас же дана рекомендация возбуждать ходатайство перед Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР через Уполномоченного по делам религиозных культов по Молотовской области – об открытии молитвенного дома и регистрации религиозного общества.

Практическая работа по делам религиозных культов в районе Вами может быть поручена секретарю исполнительного комитета, который в своей деятельности обязан исходить от существующих распоряжений Правительства. За разрешением неясных вопросов и оформлением ходатайств рекомендовать верующим обращаться непосредственно к Уполномоченному Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Молотовской области.

Во исполнение настоящих указаний, не позднее I июня с. г. представьте в Облисполком информацию о характере религиозного движения в районе.

Председатель исполкома
Молотовского областного Совета
депутатов трудящихся /А. Швецов/[4]

Уполномоченный Совета по делам
религиозных культов при Совете Министров
СССР по Молотовской области
/Ичетовкин/

отп. 60 экз.

ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 9. Л. 37–38. Машинопись. Копия.

1 Бардымский район – образован в 1926 г. в составе Уральской области. Районный центр – с. Барда. С 1938 г. в составе Пермской (Молотовской) области.

2 Щучье-Озерский район – административный район Уральской области образован в 1931 г. С 1938 г. район Пермской (Молотовской) области. В 1960 г. переименован в Октябрьский район, с центром в посёлке городского типа – Октябрьский.

3 Кишертский район – как Усть-Кишертский район Кунгурского округа существует с 1924 г. В 1925 г. переименован в Кишертский район. Районный центр – с. Усть-Кишерть. С 1938 г. в составе Пермской (Молотовской) области.

4 ***Швецов***, Анатолий Иванович (1906–1969) – в 1944–1947 гг. председатель исполнительного комитета Молотовского областного Совета трудящихся.

№ 5

Письмо зам. председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР Ю. В. Садовского уполномоченному Совета по Молотовской области И. Ф. Ичетовкину с инструкциями по оформлению отчётов и организации учёта религиозных объединений на территории области

3 августа 1946 г.

Секретно.
экз. № 1

Уполномоченному Совета по делам религиозных
культов при Совете Министров СССР
по Молотовской области

тов. Ичетовкину
г. Молотов

«3» августа 1946 г.
№ 455 с

На № 28/с от 3/VII – 46 г.

Ваш информационный отчет за 1-е полугодие 1946 года показывает, что Вы, учтя указания Совета от 22/II – 46 г. за № 107/с, данные Вашему предшественнику, в основном правильно разрешаете текущие практические вопросы.

В отчете обращает внимание отмечаемая Вами активизация религиозного движения, проявляющаяся в увеличении количества посетителей, ~~ходатайствующих~~[1] в количестве выявленных действующих, но не зарегистрированных общин. Это, скорее не рост самого религиозного движения, а лишь стремление оформиться в законном порядке со стороны религиозных общин функционировавших и ранее. Теперь, когда Вы приступили к работе, естественно, что на этом участке будет наблюдаться известное оживление. Следует предупредить Вас о том, что проводимое Вами выявление и оформление существующего религиозного движения в области, не должно извне, искусственно давать повод к активизации его. Вы должны тщательно и осторожно исследовать положение, оформлять в

законном порядке минимум общин там[2], где встречается политическая целесообразность этого, т. е., где общины фактически существуют, но только вне рамок законов и представляют собой значительное количество верующих[3], как например община старообрядцев белокриницкой иерархии в г. Верещагине.

Для первого отчета хорошо, что Вы подробно остановились на описании поданных Вам ходатайств и на том, как Вы их разрешили. По практике рассмотрения этих ходатайств, Совет замечаний не имеет. В дальнейших отчетах, так детально описывать каждое поступившее ходатайство не нужно. Достаточно показать только их общее число, характер и привести наиболее типичные из них.

В отношении функционирующих без регистрации религиозных общин, Вам и дальше надо выявлять их, в каждом случае отдельно, решая вопрос об их дальнейшем положении. Совет принимает к сведению приведенные в отчете факты существования таких общин и одобряет Ваши мероприятия в отношении их.

О фактах нарушений законодательства о культах и ненормального отношения к представителям культов со стороны некоторых работников местных органов власти, ставьте в известность областное руководство добиваясь того, чтобы по каждому из них были приняты соответствующие меры предупреждения или взыскания.

По вопросу о доходности общин и служителей культа и участия их в патриотической работе, Вам лично дана консультация во время Совещания Уполномоченных в Москве.

О создании Вам нормальных условий для работы Совет направил письмо Председателю Молотовского Облсовета депутатов трудящихся тов. Швецову А. И.

О результатах сообщите в очередном информационном отчете.

Зам. Председателя Совета
по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР (Садовский)
Садовский

Отп. 2 экз. вц
Экз. № 1 – адрес.
Экз. № 2 – дело.
№ 491–1. VIII – 46 г.
исп. УЗКОВ.

ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 9. Л. 61–61 об. Машинопись. Подлинник. Бланк Совета по делам религиозных культов при СМ СССР.

Помета вверху на лицевой стороне документа: Вх. 24 13/IX-46 г. Ичетовкин вх = 52.

13.09.46 г.

[1] Заштриховано чернилами синего цвета.
[2] Подчеркнуто карандашом синего цвета.
[3] Подчеркнуто карандашом синего цвета.

УДК 94 DOI: 10.36945/2658-3852-2019-4-67-72

А. С. Кимерлинг

«ПИСЬМО ПИШУ, А ВОКРУГ ИДЕТ БОЙ»: КУЛЬТУРНЫЕ РАЗРЫВЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Вторая мировая война привела к ситуации, когда привычные модели культуры стали неприменимы, прежняя картина мира утратила смысл. Начинала формироваться новая модель культуры. О. Л. Лейбович так описывает подобную ситуацию: «Обновить культуру означает изменить виденье мира, выработать новые ценностные ориентации, сформировать и принять нормы, разработать иные поведенческие модели. Трансформации такого масштаба запускаются только под воздействием зримого отказа прежних жизненных стратегий, жесткого конфликта между новыми условиями бытия людей и разученными алгоритмами поведения, в конечном счете, под влиянием разрушения социального порядка» [Лейбович, 2012]. В такое время начинают проявляться разрывы культуры. Культурный разрыв представляет собой «рассогласованность представлений индивидов о мире и о смыслах, которыми наполняется культурная деятельность, влекущая за собой взаимное непонимание, подозрение, утрату общего языка и поведенческих норм между социокультурными группами» [Лейбович, Чащухин, 2011, с. 11]. При этом человек старается цепляться за привычные практики. Одной из них является переписка. Письма показывают попытки обратиться к давно освоенным стратегиям, таким как забота о семье.

Источником для данной статьи послужили письма политрука Ендальцева Аркадия Георгиевича с фронта жене. Всего известно 58 писем за 1941–1945 гг. Однако среди них нет ни одного, написанного в 1942 году, хотя, по воспоминаниям дочери Инны, в тот год он писал домой. Письма хранились в семье Ендальцева среди постельного белья в шифоньере, были вложены в твердую обложку старого блокнота, завернуты в газетную бумагу и перевязаны тонкой атласной лентой. Внешний вид писем, бумага, чернила, объем текста о многом говорят. Если у автора есть время, то письма становятся длиннее. Чернила в первые месяцы войны были недоступны. Письма написаны простым карандашом. Бумага в 1941-м – это обычные тетрадные листы в клеточку и в линейку, иногда двойные, иногда одинарные. Позднее появляются отдельные письма, написанные пером. Письма 1941 года чаще были очень короткими. Почерк широкий и неровный. Чувствуется нервозная атмосфера, в которой написаны эти письма. В дальнейшем Ендальцев

© Кимерлинг А. С., 2019.

пишет аккуратными мелкими буквами. Ему явно ничто не мешает. В 1943 году Аркадий Георгиевич писал на бумаге для писем, встречаются почтовые карточки (некоторые даже довоенного образца) и одно «воинское». Начиная с этого года, все письма написаны пером. В 1944 году появляются письма на трофейной бумаге с тиснением, есть письмо на листке из немецкого блокнота, но по-прежнему большинство писем на тетрадных страницах. Судя по всему, именно на таких страницах писали политдонесения. Имеется лишь один лист, сложенный как «треугольничек». Дочь Инна вспоминает, что «треугольничков» было больше, но они почему-то не сохранились. Остальные письма были или на почтовых карточках, или в конвертах, но конверты жена Ендальцева Клавдия не сохранила. Судя по упоминаниям в письмах, Аркадий Георгиевич еще отправлял телеграммы: «Время прошло уже больше месяца, как я выехал из дома и за это время я послал 4 – 5 писем, перевод и телеграмму, а ответа от Вас нет» [Ендальцев, 21.11.1941].

Иногда вместе с письмами политрук Ендальцев вольно или невольно отправлял домой идеологические послания. Элементы пропаганды можно обнаружить на почтовых карточках, на бумаге для письма и на «воинских». На них есть различные изображения и призывы к борьбе с фашизмом: «Завоеваний Октября не отдадим!», «На защиту СССР». На бумаге для письма и на «воинских» тоже содержатся различные призывы: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти. (Сталин)», «Смерть немецким оккупантам!», строчки из стихотворения: «Конница грозная, бурей лети, нечисть вражью сметая с пути!». На бумаге для письма мы видим изображение конницы, артиллеристов, а на «воинских» – картину поля боя, где на переднем плане медсестра помогает раненому бойцу. Они имели важное идеологическое значение, ненавязчиво воздействовали на отправителя и получателя.

Война застала Аркадия Георгиевича под Витебском, где он находился на учениях в должности инструктора политотдела 153-й стрелковой дивизии. На десятый день боевых действий дивизия попала в окружение, в котором находилась около месяца. В документах 153-й стрелковой дивизии, которые были опубликованы в 32 выпуске «Сборника боевых документов Великой Отечественной войны» [Военное издательство Министерства обороны СССР, Москва, 1957] написано: «153-я стрелковая дивизия выходила из окружения самостоятельно. 18–19 июля она форсировала р. Черневка и прорвалась на Любавичи, но здесь уже тоже находился противник. 22 июля дивизия вышла к району Надва вблизи перекрестка шоссейных дорог Витебск–Смоленск и Минск–Москва, и 24 июля ее остатки соединились с основными силами 20-й Армии». 31 июля 1941 года Ендальцев пишет: «Наша дивизия выходила из окружения, отлично это сделал, правда, с потерями, полковник т. Гаген» [Ендальцев, 31.07.1941]. Николай Александрович Гаген родился в 1895 году в семье потомственного дворянина, воевал на фронтах Первой мировой. Великую Отечественную войну он встретил командиром

новой 153 стрелковой дивизии, которую сформировал сам в г. Свердловске (именно там осталась на всю войну семья А. Ендальцева) [Великая Отечественная: Комдивы, 2014].

Первое письмо Аркадий Ендальцев написал сразу после выхода из окружения – 22 июля 1941 года. Все вокруг человека на линии фронта становится зыбким и изменчивым. И Аркадий сразу вспоминает о том, что в этом мире остается неизменным, – о семье. Письмо наполнено заботой о жене и дочке. Но в нем нет ни слова об окружении. Эту тему он поднимает только в следующем письме от 31 июля. Краткость первого письма объясняется тем, что вокруг идет бой. Во втором видно потрясение, которое испытал автор от гибели товарищей, понимание собственной уязвимости, хрупкости жизни на войне. Но при этом видна попытка приободрить родных. В верхней части письма можно увидеть задорное: «Привет с Западного фронта».

Аркадий Ендальцев вел во время Второй Мировой войны очень активную переписку. Он писал жене, сестре, друзьям и сослуживцам. В его письмах постоянно звучат просьбы прислать тот или иной адрес, сожаления о том, что друзья перестали отвечать на письма, опасения за их жизнь и здоровье. По поводу переписки с друзьями встречаются, например, такие строки: «Что за чертовщина, чем объяснить, что молчат Зыковы и с каких это пор стало, видимо придется им черкнуть письмо с большой моралью» [Ендальцев, 4.08.1944].

Через месяц после начала войны Аркадий Ендальцев получил серьёзное ранение. Тогда ему вручили орден Красной Звезды. Раненным он долго искал госпиталь (первое письмо из госпиталя датировано 9 августа 1941 года). Вся эта ситуация очень подробно описана в письме. Аркадий с трудом сумел избежать ампутации руки. Как он сам позднее рассказывал, спасая руку, он убежал прямо с операционного стола и спрятался в больничной палате офицеров. Аркадий всегда считал, что его руку спасли черви, которые завелись в ране и не дали развиться гангрене.

Цензура оказывала большое влияние на содержание писем. Будучи политруком, Ендальцев хорошо знал, о чем писать не надо. Он почти не указывает точных названий населенных пунктов, в которых шли бои, в его письмах нет критики командиров или власти. Есть масса высокопарных правильных слов: «Милок, ты знаешь хорошо, какие огромные успехи имеет наша Красная Армия на фронтах Отечественной войны, что не знает история войн такого успеха, как мы. Скоро очистим нашу священную землю от самого заклятого врага – фашистской армии, враг еще не добит, он еще огрызается, врага будем добивать в его собственной берлоге» [Ендальцев, 23.08.1944]. Но порой встречаются очень интересные оговорки: «Что-то за последние недели навалилась бессонница, аппетит стал такой дрянной, что и сам удивляюсь, может все это сказывается из-за ненормального питания и сна, а питание хорошее…» [Ендальцев, 21.07.1944] Непонятно: питание все-таки «не

нормальное» или «хорошее»? Понятно одно – о цензуре он не забывал никогда. О плохом питании писать было нельзя, но удержаться было трудно.

После ранения и скитания по госпиталям Аркадий Ендальцев отправился в тыл. И дело не в том, что он не стремился на передовую. В письмах-то он о фронте скучает: «все ничего, но скука, на фронте лучше» [Ендальцев, 22.10.1941]. Но его рука не двигалась после ранения больше года, что, скорее всего, и объясняет такое решение командования.

Письма показывают его путь: после госпиталя он проходил лечение на Северном Кавказе (Северо-Осетинская АССР, город Орджоникидзе). Затем его направляют инструктором политотдела танкового военного училища в город Соликамск (небольшой город в Молотовской области, ныне Пермском крае). В мае 1943 года он едет на курсы в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина в город Белебей Башкирской АССР. Оттуда он пишет: «Конечно придётся приложить много трудов, терпения и энергии этими качествами обладаю, заранее я знал, что придётся крепко попотеть ну ничего, к этому не привыкать» [Ендальцев, 9.05.1943]. Потом до мая 1944 года Ендальцев был слушателем Высших Всеармейских Военно-политических курсов Главного Политического Управления Советской Армии в Москве.

Он вновь попал на фронт только в 1944. В автобиографии Ендальцев писал: «По окончании курсов был послан в распоряжение политуправления 2-го Украинского фронта, где работал инструктором политотдела тыла фронта до окончания войны» [Автобиография А. Г. Ендальцева, 1964]. Судя по письмам, эта работа сопровождалась командировками на передовую. Он пишет: «Большинство времени проходит в служебных командировках» [Ендальцев, 29.07.1944], «работы… бывает больше, с машины не сходишь, в отделе бываю очень редко» [Ендальцев,18.09.1944]. Упоминается Могилев-Подольский, Киев, был он и в Румынии, и в Венгрии. Особенно интересны его отзывы о жителях Румынии: «Народ малокультурный, странные нравы, хотя удивляться нечему так-как нам Советским людям, известно что такое капиталистическая система» [Ендальцев, 26.05.1944]; «Живут некультурно, жрут свою мамалыгу (кукуруза смолотая и густо смешанная в кипяченой воде) хлеб не употребляют, какие особые люди. На Красную Армию смотрят как на завоевателей, как Армию победительницу, иначе и быть не может, мы им не пешки, наших офицеров зовут господин офицер, оно только так и должно быть. Наш офицер Красной Армии должен быть для них господином, так-как наша Армия есть Армия культурная, высоко образованная, и мы еще выше держим ее авторитет» [Ендальцев, 5.06.1944]. Такие откровенные впечатления Аркадий Ендальцев допускал редко, всегда помнил про цензуру.

Есть и 5 писем, написанных после мая 1945 года. 25 июля он пишет: «Еду далеко в противоположную сторону, туда за нас»; 24 сентября пишет, что приехал в Читу. Писем из Китая нет. Последнее датируется 18 ноября 1945 года:

«Нахожусь на родной земле, но с другой стороны нашей родной страны. За это время много видел знакомых в Харбине, Мугдене и Порт-Артуре, пришлось побывать и в Манчжурии. Как надоела езда, если бы ты знала, как хочется отдохнуть хотя бы месяц… Видимо, скоро увидимся» [Ендальцев, 18.11.1945].

Главная тема его писем – отношения с женой и дочками. Семья выступает в качестве островка стабильности в постоянно меняющейся жизни военного времени. Для жены Ендальцева написание писем явно не было привычным занятием. Она получила только начальное образование, окончила всего 3 класса и писала с трудом. Муж это знал, он писал: «В грамоте была не сильна». Но политрук считал переписку очень значимой и старательно подталкивал жену к освоению письменной речи. Первые строчки писем Аркадия Георгиевича почти всегда о том, что Клавдия Ивановна пишет редко: «Кава, чем объяснить, что я долго не получаю писем, что за причина? Меня сильно волнует здоровы ли дочери, а ты не хочешь об этом мне писать. Если это так, то слишком глупо делаешь. Что хочешь этим достичь я не понимаю. Ты великолепно понимаешь, что значит не получать два месяца письма из дома, где растут две прекрасные дочери, как ты думаешь, а? Или я не черта не понимаю, что творится дома» [Ендальцев, 25.05.1945]; «Меня сильно беспокоит, что случилось дома или никак не доходят письма, прямо не знаю, на что и подумать» [Ендальцев, 21.11.1941]; «Имею семью а ее все равно что нет, имею прекрасных дочурок о которых ничего не знаю уже два месяца и, наконец, имею жену, с которой живу второй десяток лет, и она молчит, как это все морально переживаешь ты только представить себе не можешь, ты черкни, что за причина молчания, может и выражаюсь грубо но лопнуло терпение, а за грубость прости» [Ендальцев, 21.09.1943]. Судя по всему, Клавдия на протяжении всей войны писала редко и коротко. Зато Аркадий писал часто и много.

Забота о жене и дочках была обязательной частью модели культуры Ендальцева, она проявлялась в письмах постоянно. Он не только спрашивал о финансовых трудностях семьи, но реально помогал деньгами, несмотря на расстояние. В письмах Ендальцев спрашивает, дошел ли аттестат, по которому можно было получить часть денежного довольствия офицера через военный комиссариат по месту жительства: «Кава, меня больше всего беспокоит получаешь ли ты деньги по аттестату…» [Ендальцев, 31.07.1941]; получила ли она отправленные домой деньги или вещи: «Кава, я тебе телеграфом переслал денег 700 рублей это было 28 октября» [Ендальцев, 30.10.1941].

Но наибольшей ценностью для Ендальцева были дочери: «Тыж прекрасно знаешь, что за своих дочерей отдам все» [Ендальцев, 18.04.1945]. Через переписку Аркадий не только узнает о жизни дочерей, но и старается оказывать влияние на их воспитание. Когда старшая дочь Инна пошла в первый класс, он писал: «Очень жалко, что в этот самый серьезный для ее период не будет меня дома, ей же надо будет помогать в том, чтобы она правильно писала буквы, красиво и

грамотно это самое главное в этот момент… Прошу как можно сильнее развивать ее память, конечно не переутомляя, что так же важно для учебы и жизни… Надо дочерей выучить так чтобы они впоследствии на нас не обижались и стране будут надо грамотные люди. Мы с тобою имеем плохонькую грамотешку, так пусть наши дети имеют ее отличную» [Ендальцев, 7.08.1944].

Таким образом, в военное время, когда привычные модели поведения и ценности утратили актуальность, люди искали опору в чем-то, по их мнению, неизменном, – в семье. При этом, судя по письмам с фронта, имело место стремление контролировать даже повседневные элементы семейной жизни. Политрук Ендальцев проверяет, учит ли дочка уроки, интересуется, как питается семья, старается помочь материально, заботится. Политизированность частной сферы остается стандартной для той эпохи: в переписке рядом с личными переживаниями появляются идеологические штампы, передается идеологически выверенная информация.

Библиография

Автобиография А. Г. Ендальцева. Написана для приема на работу в РСУ на должность старшего инспектора по кадрам в 1964 г. // Из личного архива автора.

Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь / ред. колл.: Н. Б. Акбердин, И. И. Басик, С. А. Боцвин, Н. И. Никифоров, И. А. Пермяков, М. В. Смыслов. – Москва : «Кучково поле», Главное управление кадров, ГУ по работе с личным составом, Институт военной истории Военной Академии Генштаба, 2014. – Т. III. – 1104 с.

Ендальцев, А. Г. Коллекция писем с фронта // Из личного архива автора.

Лейбович, О. Л. Отечественная культура на перепутье: между традицией и модернизацией // Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры: тр. рос. науч.-практ. конф. светских ученых и теологов с участием зарубежных исследователей (Москва, 2 октября 2012 г., Пермь, 4–5 октября 2012 г.) : В 2 ч. Ч. 1 / Ин-т филос. Рос. акад. наук, Перм. гос. ин-т искусства и культуры. – Москва ; Пермь, 2012. – С. 95–99.

Лейбович, О. Л., Чащухин, А. В. Введение // Разрывы и конвенции в отечественной культуре. – Пермь : изд-во ПГИИК, 2011. – 311 с.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – Вып. 32. – Москва : Воен. Изд-во, 1957. – 263 с.

УДК 94(470)"1920" DOI: 10.36945/2658-3852-2019-4-73-88

Е. Ю. Лебеденко

«ВСЕ РАЗБИТО, И У МЕНЯ НА ДУШЕ КАКИЕ-ТО ОБЛОМКИ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОГО ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЧАСТНЫХ ПИСЬМАХ НАЧАЛА 1920-Х ГГ. (ИЗ ПЕРЕПИСКИ К. А. МОРОЗОВОЙ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19–18–00221 «Эго-документы: межисточниковые диалоги
о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте»)

Обращаясь к женским нарративам Гражданской войны в попытках «увидеть» «крушение и агонию старого мира и рождение нового» глазами современниц той непростой эпохи, специалисты отдают предпочтение воспоминаниям и дневниковым записям [Громова, 2015, с. 63][1]. Частная корреспонденция россиянок гораздо реже служит основой для реконструкции повседневного существования свидетельниц и участниц трагических событий 1918–1922 гг.[2] Обычно она притягивает внимание биографов – исследователей жизни и творчества видных деятелей науки и культуры[3]. Отчасти это вызвано плохой сохранностью эпистолярных текстов простых обывателей («рядовых агентов исторического процесса») и трудностями выявления личной переписки первых послереволюционных лет в государственных хранилищах[4]. Относительная редкость такого рода нарративов актуализирует вовлечение в научный оборот новых комплексов источников, относящихся к этому периоду. Ценным для исследования историко-культурных явлений, связанных с Гражданской войной, является присущая письмам способность максимально полно зафиксировать и передать «субъективные смыслы поведенческих и речевых практик, настроений, переживаний» корреспондентов [Морозова, 2012, с. 43]. Обращение к женским эпистоляриям, авторы которых были «очевидицами и участницами тех же событий, что и мужчины, но переживали эти события по-своему», дает возможность получить представление «об эмоциональном и чувственном восприятии происходящего», реконструировать отраженный в текстах «женский опыт, складывающийся из специфически женского проживания повседневности» [Демидова, 2018, с. 106; «Претерпевший

© Лебеденко Е. Ю., 2019.

до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России, 2013, с. 7].

Предлагаемый к публикации комплекс частных писем Людмилы Бориславской, жительницы Феодосии, ставшей свидетельницей красного террора в Крыму в конце 1920 – первой половине 1921 гг., сохранился благодаря адресату корреспондентки, ее золовке – Ксении Алексеевне Морозовой, переводчице, пианистке, мемуаристке, жене ученого-энциклопедиста и революционера Н. А. Морозова. Переписка завязалась в 1921 г. по инициативе Л. Бориславской и продолжалась по меньшей мере до середины 1930-х гг., хотя изначально корреспондентки были знакомы лишь заочно. Поводом и содержанием первых писем между золовкой и невесткой стала объединившая их трагедия – потеря любимого брата и мужа, Алексея Бориславского[5]. В дальнейшем частота обмена посланиями снизилась, общение поддерживалось редкими встречами в Москве и письмами, в которых Людмила делилась с корреспонденткой новостями о своей жизни. Для К. А. Морозовой, сохранившей из переписки с Бориславской всего десять эпистол, послания невестки, как и она сама, стали «живой памятью» о брате.

Подробности биографии одной из корреспонденток – Ксении Алексеевны Морозовой – известны достаточно хорошо[6]. К сожалению, сведений, проливающих свет на личность ее невестки, найти пока не удалось, вся доступная нам информация – то немногое, что удалось почерпнуть из ее писем к Морозовой. Подписывалась она как Людмила Бориславская, позднее, после 1923 г., как Людмила К. Аранская. Ее отчество, как и происхождение, осталось загадкой. Известно, что ее мать вместе с братом и младшей сестрой Людмилы долгое время проживали в Новороссийске. Их имен, как и имени погибшего в ходе террора в Крыму отчима и проживавшей в Москве в начале 1920-х гг. его сестры (тетки Людмилы), Бориславская не сообщает. Однако содержание и стилистика писем позволяют отнести их автора к когорте русской интеллигенции. Очевидно, что она принадлежала к образованной, «культурной» среде; до революционных событий 1917 г., вероятно, обучалась в одном из столичных высших учебных заведений[7]. В начале 1920-х гг. Бориславская проживала на юге страны (Феодосии, Новороссийске), в 1922 г. перебралась на жительство в Москву. Основным источником дохода для нее была служба в различных государственных учреждениях, дополнительным заработком – частные уроки. С конца 1920-х гг. она состояла в браке, встретив «человека, которого полюбила» и который стал ей близок. Последнее из ее уцелевших посланий к Морозовой позволяет заключить, что по крайней мере в 1935 г. корреспондентка по-прежнему замужем и по-прежнему проживает в Москве. Дальнейшая ее судьба нам неизвестна.

Для публикации нами отобраны 6 посланий за 1921–1922 гг., адресованных Ксении Алексеевне, и одно письмо ее авторства. Эпистолярные тексты Бориславской фиксируют ее травматический опыт Гражданской войны, позволяя проанализировать способы его осмысления и репрезентации (*см.: док. №№ 1–2*). Непростые условия, в которых создавались первые два письма из Феодосии, вынудили их автора предельно осторожно подойти к способу рассказа о семейной трагедии[8]. Сообщая новость о гибели мужа, она намеренно опускает детали произошедшего, предпочитая транслировать свои чувства и переживания по этому поводу. Впоследствии, когда ее золовка просит поделиться подробностями, Бориславская также фокусируется на эмоциональной стороне травматического опыта и микромасштабе ее личной трагедии. Письма Людмилы свободны от событий «большой истории», максимально нейтральны политически и сосредоточены вокруг событий частной жизни автора[9]. В них почти не встречается фактов, позволяющих судить о происходившем зимой 1920–1921 гг. в Феодосии терроре или о его масштабах[10]. Однако получить представление о реакции Л. Бориславской на события этого «страшного времени» в какой-то степени дают возможность используемые ею умолчания, недомолвки и метафоры, демонстрирующие невозможность вербализации травматического опыта[11]. Письма №№ 3 и 4 позволяют проследить стратегии адаптации автора к произошедшей трагедии и последующий процесс «выстраивания» идентичности и поиск «своего места» в новой советской действительности (*см.: док. №№ 3–6*). Примечательно, что послевоенную «другую» жизнь Людмила мечтает «выстроить» по канонам русской интеллигенции, пытаясь найти «дело, дающее удовлетворение и имеющее определенную, хотя бы и малую ценность» (*см. док. № 6*)[12]. Особо следует подчеркнуть важность представленной к публикации коллекции писем Бориславской как документов, написанных одним и тем же автором одному и тому же адресату, что позволяет «увидеть письмо в его динамике», «сосредоточиться на том, что обычно остается в тени исторического исследования» – его речевых особенностях, правилах и традициях» [Голубев, Ушакин, 2016, с. 9, 14]. Единственное уцелевшее ответное письмо Морозовой к Бориславской (см.: *док. № 7*) позволяет судить о тональности переписки, представить личностные особенности и характер взаимоотношений корреспонденток.

При публикации писем сохранены авторские орфография и пунктуация. Сокращения и недописанные слова восстановлены в квадратных скобках. Неразобранные слова обозначены в тексте знаком […]. Комментарии с указаниями сведений об упоминаемых в документах лицах и пояснениями к содержанию писем приводятся в примечаниях. За помощь в подготовке комментариев благодарю к.и.н., с.н.с. Института истории и археологии УрО РАН М. И. Вебера.

№ 1
Людмила Брислáвская – Ксении Алексеевне Морозовой
Феодосия, 6 февраля 1921 г.[1), 2)]

Дорогая Ксения Алексеевна[13]!

Так больно, так тяжко было читать Ваше письмо к Алеше[14]… Вы простите меня, что я его прочла? Я не могла не сделать этого…

Я так долго не могла взяться за перо, чтобы написать Вам, но все-таки решила, что должна это сделать, – хотя душа у меня разрывается от горя и ужаса…

Алеши уже нет, его не стало в ночь с 29 на 30 ноября[15]… Не могу я писать об этом, нет у меня слов и возможности сказать обо всем, во что я до сих пор не могу поверить, в чем я не могу до сих пор убедиться… Хочется, но боюсь, что нельзя иметь надежды…

Почему и за что? Не знаю, но все заставляет уверяться, что совершилось то, что раздавило мое недолгое счастье… ведь только 5 месяцев мы были женаты… Мы так мечтали поехать в Петроград, он так стремился к Вам, так хотелось ему поклониться могиле матери[16] (карточку и последние письма он всегда носил с собой). Мы так мечтали создать спокойную жизнь, где каждый занят своим любимым делом, – а теперь все разбито, и у меня в душе какие-то обломки… Хочется с головой уйти в работу – она кстати есть – работа по статистике, где я немного «специалист», но разве она может отвлечь, забыть то, что я переживаю…

Простите ради Бога за это грустное письмо, где я так много уделила места своему горю, но иначе я не смогла написать…

Мне так горько, что я должна Вам передать все это… Но, ведь, я должна была это сделать…

Алеша так любил Вас и Николая Александровича[17], так много мне говорили о Вас.

Мне так дорого Ваше отношение к Алеше и Ваши хорошие слова ко мне.

Можно мне заочно поцеловать Вас?

Людмила Брислав[ская]

Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 543. Оп. 6. Д. 88. Л. 3–3 об. Рукопись. Подлинник.

[1)] Место и дата приводятся по документу.

[2)] Опущено в начале документа: «*Феодосия, Военная 12, кв. Корга*».

№ 2
Людмила Борославская – Ксении Алексеевне Морозовой
Феодосия, 3 мая 1921 г. [1), 2)]

Ксения Алексеевна дорогая!

Как отрадно и вместе с тем как грустно, до бесконечности больно было получить Ваше письмо… Ах, почему нет его, почему мы все не вместе! Мы так с ним мечтали увидать Вас и жить вместе… За что все это? Вы просите рассказать Вам все… Простите, если это будет нескладно и несовсем ясно – я не могу (не в моей воле) писать так подробно как мне хотелось бы, а потом – это так безумно тяжело, так тяжело, что […] все кажется ужасным бредом, душа разрывается, хочется кричать, что этого не было, не могло быть…

Ах, как мне хочется быть сейчас с Вами и словами рассказать Вам все-все… Писать так трудно об этом по многим-многим причинам. А говорить, чувствовать что Вы так глубоко сочувствуете во всем, – было бы мне легче гораздо…

Мы встретились с ним случайно на оф[ицерском] вечере, танцевали много… Он так чудесно танцевал! Дальше мы часто встречались у нас в семье… Мы так сходились во взглядах, интересах… В июне в Феодосии была наша свадьба… Через две недели он уехал… Потом приезжал в отпуск еще недели на 2. В сентябре я была у него – мы провели 10 чудесных дней вдвоем. В октябре во время отступления[18] он приехал ко мне. По ужасной от нас независящей причине мы остались здесь[19]… А потом наступили ужасные дни – Он был взят[20]… Я бегала, хлопотала – но разве можно было получить помощь[21]? Ничего, кроме унижений. В ночь с 29 но 30 ноября н[ового]/ст[иля] его не стало… Ходили слухи о массовых расстрелах… Я не верила – но потом пришлось убедиться в правильности совершенного… Никто нигде не хотел или не мог дать никаких определенных сведений о нем… Да пожалуй и не могли дать, п[отому] ч[то] никаких списков и не было, кажется[22]… Одна слабая надежда на то, что он как-нибудь сумел избежать ужасного конца[23]. Ведь он был так силен, ловок… Не знаю, ничего не знаю. А эта неизвестность – одни ужасные терзания… Я как то окаменела после всего… Теперь только я еще могу как то говорить об этом… И вот живу, как во сне, или все прошлое был сон?

Живу с мамой и маленькой сестрой. У нас еще одно большое горе – мы потеряли также моего отчима – он погиб[3)] как и Алеша[24]-

Бедная мама стала совсем не своя… болеет; стремится в Новороссийск, где остались брат и сестра; в город, где она жила последние годы.

Она так тоскует и рвется к своим, что мы решили уехать отсюда.

Меня долго не пускала служба – но теперь я взяла отпуск и на днях с первым пароходом мы уезжаем. Лето, верно, придется пробыть в Новороссийске, устроить маму, сдать ее на попечение сестры и брата. Осенью, если я не сильно буду нужна

ей – то мечтаю уехать в Петроград или Москву – буду служить и учиться. Учиться, знать, работать научно – меня всегда так прельщало и я с удовольствием примусь за окончание своего факультета. Это мне сейчас необходимо, – я задыхаюсь от всего, мне нужна работа, интерес; хочу с головой уйти в нее.

Я так надеюсь увидеть Вас, поговорить с Вами, если бы знали, как мне этого хочется! Так хочется говорить о нем, вспоминать, узнавать всю его жизнь до нашей встречи! Ради Бога, пишите мне, я так нуждаюсь в Ваших письмах.

Я так рада и благодарна Вам за Вашу заочную любовь ко мне… Мне так не хватает его, я его так любила и так мало мы были вместе, так скоро я потеряла его.

Горячо целую Вас

Ваша Людмила[4)]

Как только приеду – напишу Вам, а осенью может быть и увижу?

Ах, как мне этого хочется!

АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 88. Л. 1–2. Рукопись. Подлинник.

[1)] Место и дата приводятся по документу.

[2)] Документ написан на бланке Феодосийского отделения Петроградского международного коммерческого банка.

[3)] После *погиб* слово заштриховано *нрзб*.

[4)] После подписи опущено: «*Мой временный адрес / Новороссийск Черноморская губерния / Навагинская 7/ Центросоюз / С.И. Глушковой для меня*».

№ 3
Людмила Бориславская – Ксении Алексеевне Морозовой
Б.м., 6 июля [1921 г.][1),]

Простите, что так давно не писала Вам, дорогая Ксения Алексеевна, но это отчасти не зависело от меня… Я[2)] так рада всякому Вашему письму; без конца, хотя тяжело очень говорить о нашем горе. Наконец-то я маму переправила в наш почти родной город, но, боюсь, что как всегда случается, мои мечты не сбылись. Мне казалось, что здесь, где началась и развилась моя любовь, мне будет легче – но нет, только тяжелее оказалось… Мама все болеет, тоскует и меня очень тревожит…

Не оказалось здесь у меня ни друзей, ни знакомых, отчего чувствую себя такой одинокой! Правда, есть двое подруг, которые очень ко мне хорошо относятся, но поддержки, силы я не чувствую в них, – наоборот, они часто ищут моего совета:[3)] я помогаю им… А мне самой так не хватает сильной руки, на которую я могла бы опереться, так недостает забот, нежности, а главное – любви… Ах как бывает тоскливо и больно.. А приходится глубоко в себя прятать тоску и подчас отчаяние и ходить спокойной и выдержанной, чтобы не знали и не замечали люди…

Тоскую сильно, п[отому] ч[то] не хватает дела, интересного, широкого, в которое с головой можно было бы уйти… Хочется света, красоты… А здесь – какая-то тина, которая затягивает в серую монотонность.

Служба сильно тяготит – сейчас заведую секцией по статистке; неинтересно, да и[4)] тяжело очень. Вырваться очень трудно, считаюсь мобилизованной, а так хочется уйти поближе к земле, рыться на огороде, жить среди зелени и спокойной обстановки. Разве иногда в праздник удается уйти за город, лежать на солнце, кругом так тихо, плещется море, медленно идут картины прошлого перед глазами иногда хочется плакать и жаловаться…

Все же чувствую, что не смогу здесь остаться на зиму; соберу все силы и – убегу в Москву или Петербург… Так хочется зарыться в книги, учить и знать, хочется музыки и красоты…

Думаю, что удастся уехать, лишь бы отпустили со службы…

Напишите мне о том, как проходило детство Алеши – это так мне хочется знать, хотя и больно, но в то же время так сладко представлять его маленьким. Так хочется думать, что как-нибудь увижу Вас и Николая Алексеевича[5)], смогу[6)] так много узнать, так много хорошего пережить… Мне так хочется много-много спросить у Николая Алексеевича[7)], узнать его ответы на многие так интересующие меня еще с детства вопросы, «проклятые» вопросы.

Хочу верить, что все это совершиться осенью, буду ждать этого с огромным нетерпением и предчувствием большой для себя радости.

Ваша Людмила

Глубокий привет Николаю Алекс[андровичу]

АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 582. ЛЛ. 324–325. Рукопись. Подлинник.

[1)] Датируется по содержанию документа.
[2)] *Я* вписано поверх ч*то*. Перед *Я* вычеркнуто слово *нрзб*.
[3)] После *совета:* вычеркнуто *я так*.
[4)] После *и* вычеркнуто *непр*.
[5)] Так в документе.
[6)] После *смогу* вычеркнуто *вдов*.
[7)] Так в документе.

№ 4
Людмила Бориславская – Ксении Алексеевне Морозовой
Новороссийск, 8 декабря [1921 г.][1)]

Так бесконечно давно не имею от Вас ни слова, дорогая Ксения Алексеевна, и это так грустно, потому что хочется говорить об Алеше, слышать о нем Ваши слова. Писала Вам, но не получила ответа, – боюсь, что письмо пропало. Ужасно сожалею, если пропало Ваше письмо, – ведь Вы обещали написать многое об Алеше, и Вы – единственная, от кого я могу многое услышать о нем.

Ведь уже год прошел с тех пор, как потеряли мы его… Такой длинный и в то же время такой короткий. Это время, чему исполнился уже год, так страшно и тяжело переживать снова в воспоминаниях, но не могу никогда отогнать от себя этот кошмар.

Убеждая себя, что его уже нет, – ибо все говорило за это, сердцем я не могу с этим примириться, и где-то далеко в глубине души тлеет искра надежды, что вернется, что придет он, любимый. Как ужасна неотвратимость совершившегося… Если бы Вы только знали, как хочется мне увидеть Вас, и многое слышать о нем… Я так надеялась, что смогу увидеть Вас осенью, когда хотела ехать учиться в Москву. Но не пустили обстоятельства – ведь я не одна – со мной мама и маленькая сестра – оставлять их на произвол судьбы не могу. И вот сижу в нашем пустынном городке и время идет так пусто и бесцельно. Служу, даю уроки – и все. Книг не достать ни за какие деньги, ни людей нет, ни интересов… Живу так бесцельно и узко, что иногда страшно делается, и боюсь думать неужели – и дальше так? Будь он со мной – ничего бы мне больше не надо, мы сумели бы завоевать жизнь… Да ведь это великое счастье иметь любимого и любить, знать, что твои мысли и взгляды его –, что никто так не поймет как он… Чувствовать его любовь, заботу…

И вот теперь совсем одна, во всех смыслах и ничем дыру не могу заполнить, вернее заглушить пустоту души. Мои мечты о занятиях не могут реализоваться – читаю пока все что[2)] занятиях – и речи быть не может – потому что просто некогда – служба, потом уроки до 8–9 вечера, а там так устану, что в состоянии только немного почитать.

Хочется верить, что придет весна, солнце, может быть удастся кое-что изменить в обстоятельствах, и убежать в Москву или Петербург, зажить другой, более содержательной жизнью, учиться…

А теперешняя жизнь, – сплошная пустота и тягость одна, и всегда страшно становится, что не выскочить из этого круга тяжелых обстоятельств. Ксения Алексеевна, родная, пишите мне, для меня большая радость Ваши письма, сознание, что есть другой человек, так любящий и помнящий его…

Я буду ждать. Ведь мне можно заочно горячо поцеловать Вас за себя и за него?

Привет Николаю Алексеевичу[3)]

Людмила[4)]

АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 582. Л. 315–315 об. Рукопись. Подлинник.

[1)] Место приводится по документу, датируется по содержанию письма.

[2)] После ч*то* фраза *нрзб*.

[3)] Так в документе.

[4)] Далее опущен адрес: «*Новороссийск / ул. Шевченко д. 4 / Софии Петровне Лохвицкой для Людмилы*».

№ 5

Людмила Бориславская – Ксении Алексеевне Морозовой

Москва, 2 июня [не ранее 1922 г.] [1), 2)]

Я уже около месяца в Москве, дорогая Ксения Алексеевна, так близко от Вас. Хочу надеяться, что теперь как-нибудь увижу Вас.

Набралась я храбрости и получив случайно бесплатный билет – уехала в Москву на большой риск. Но мне все же немного повезло – чуть ли не на 4-ый день по приезде устроилась на службу – правда плохо оплачиваемую, но все же службу… Но зато, к большому моему горю, до сих пор не могу[3)] найти комнаты – живу у тети – (сестры моего отчима) – это меня очень стесняет, тем более, что скоро приезжает ее мать и «моя кушетка» в столовой будет занята. Вообще хотелось бы поскорее кончить все эти хлопоты и начать устраивать другую жизнь: занятия на курсах, или по литературе, искусству… Меня «не хотят» принимать на курсы – и позволить кончить по старой программе – «старые студенты» (хотя я к ним себя не причисляю) не желательны теперь в университетах.

Недавно была в концерте – Шор, Крейн, Эрлих[25] – и пришла в восторг – так давно хотелось музыки, так много прекрасного пережила здесь в зале, так наслаждалась.

Приехали «художники» – в числе 15-ти человек[26], среди них Качалов[27] и Книппер[28]… Ужасно хочется пойти в Художест[венный театр][29]. Я его ужасно любила.

Интересует очень и Камерный[30].

Здесь льют исключительные дожди, очень скучаю по нашему яркому, жаркому солнышку. Все тут никак не могу согреться – а уезжала – там была уже сильная жара. Не могу еще привыкнуть к Москве, все мысли и воспоминания все светлое связано с югом – очень скучаю.

А ведь как стремилась я в Москву! И мы с Алешей твердо решили при малейшей возможности уехать сюда. Теперь мне очень больно тут совсем одной; все складывается ведь совсем иначе в силу его отсутствия, не так как мы мечтали. И это горько […] погиб…

Очень бы хотелось видеть Вас – когда собираетесь навестить Москву?

Буду очень рада Вашему письму – оно для меня всегда так приятно

Ваша Людмила[4)]

АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 582. Л. 310–311об. Рукопись. Подлинник.

[1)] Место приводится по документу, датируется по содержанию письма.

[2)] В начале документа опущен адрес: «*Москва, Плющиха, / 7-й Ростовский пер. / д. 15. кв. 59. / Е.В. Глотовой для Л.Б.*».

[3)] После *могу* вычеркнуто *устроиться на службу*.

[4)] После подписи опущен адрес: «*Москва / Плющиха 7-й Ростовский / пер. д. 15 кв. 59 / Е.В. Глотовой для Людмилы*».

№ 6
Людмила Брислáвская – Ксении Алексеевне Морозовой
Б.м., [не ранее 1922 г.] [1)]

Ксения Алексеевна, дорогая! Как я была ужасно рада Вашему письму и как сильно смущена – за свое долгое молчание! А молчала потому, что хотя и хотелось много раз написать, но останавливала мысль – может быть мое письмо не совсем нужно – Помните, после нашей первой встречи я написала маленькое письмо, и не получила ответа. При моей, может быть, несколько болезненной реакции на многое в жизни, я подумала – может быть с Вашей стороны нет того искреннего и теплого отношения, которое мне так хотелось встретить у Вас и которое чувствовалось в Ваших письмах. Простите меня за мои сомнения и верьте, что у меня к Вам огромное тяготение – я чувствую в Вас человека, к которому меня тянет, которому я многое могу высказать и от которого хочу теплых отношений–

Простите мне эту некоторую экспансивность, и верьте, что это совершенно искренний порыв, вызванный Вашими теплыми словами ко мне – так редко теперь встречаешь искреннее участие и теплоту отношений, что невольно как то рванешься этому навстречу.–

Что я могу сейчас сказать про себя? Служу – вот первое. Далее все ищу куда бы влить те силы и стремления, которым пока нет выхода – ведь не в «службу» же вбивать те силы, которым нужен выход – дело, дающее удовлетворение и имеющее определенную, хотя бы и малую ценность. Как-нибудь, если позволите, скажу Вам о моих отношениях и, если хотите, отчасти «мучениях»… Искренний привет Николаю Александровичу.

Горячо целую Вас-
Людм[ила][2)]

АРАН. Ф. 543. Оп. 6. Д. 582. Л. 323–323 об. Рукопись. Подлинник.

[1)] Датируется по другим документам дела.
[2)] Далее опущен адрес: «*Москва 2, Плющиха, 7-й Ростовский пер. д. 15. кв. 53-*».

№ 7
Ксения Алексеевна Морозова – Людмиле Брислáвской
Борок[31]-Лацкое[32], 30 сентября 1922 г. [1), 2)]

Дорогая Людмила, только и удается мне взяться за перо, когда решается каждый раз неожиданный отъезд Николая Александровича. Завтра он едет в Москву по делам своего Института и обещал мне повидать Вас, что ему самому давно хотелось. Недавно писала мне сестра Катя, спрашивала Ваш адрес. Соберитесь

к ней в праздник, когда Вы посвободнее; мы обе мечтали о общем соединении, а Вы теперь наша живая память о Леше. Пожалуйста, если Вы хотите куда-нибудь устроиться или поступить в новое место, поведите с собой Ник[олая] Алекс[андровича], или узнайте точно имя, отчество и фам[илию], от кого это зависит. Ник[олай] Ал[ександрович] знает массу народа и он всей душой будет рад сделать Вам что-либо приятное, но беда в том, что он всегда так занят и его все рвут на клочки, что ему многое не удается […], что хотелось бы и надо на себя взять инициативу, что делают многие хорошо знающие его и его жизнь. Сейчас он задержался в Борке из-за ноги, т[ак] к[ак] вылетел из одноколки и у него до сих пор болит нога и сильно […], но ехать надо и я его зато жду поскорее обратно. У меня как всегда куча дел и теперь несмотря на осень незаконченных, да недавно и хворала. Как только немного освобожусь, поеду полечиться в Рыбинск. Теперь в деревне самое глухое время, рано темнеет и я остаюсь совсем одна в совеем домике. Кругом деревья огромной вышины и когда бывает ветер, то они шумят, совсем как море. Тогда […] о многом и даже хотелось бы как-нибудь иначе […] да пока не выходит. Если вам дадут отпуск, приезжайте недельки на две к нам в Борок отдохнуть и посмотреть на нас… Надо приготовлять все к отъезду […] целую вас и прошу не забывать. Не теряйте бодрости, дорогая, у вас главное – молодость и будущее.

Сердечно Ваша

К[сения] Морозова

Я так и не знаю Вашего отчества, напишите его и пожалуйста пишите адрес, а то я иногда теряю письма.

АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1237. Л. 70–71 об. Рукопись. Подлинник.

[1)] Место и дата приводятся по документу.

[2)] Опущен адрес: *«Москва / Плющиха / 7-й Ростовский пер. 15/ кв. 59 Е.В. Глотовой»*.

Примечания

1. См., например: [Еремеева, 2006; Морозова, Трошина, 2016; Симонова, 2018] и др.

2. См., например: [Дашкевич, 2015].

3. См., например: [Бернштейн, Неклюдова, 2017; Из переписки А. Ф. Кони с Н. И. Вербловской, 2013; Немой свидетель, или Великая русская революция глазами астронома: письма Н. М. Субботиной, 2017] и др.

4. См. об этом подробнее: [Морозова, 2012, с. 50–51].

5. Подробнее о нем см. примечание к документу № 1.

6. Биографическую справку К.А. Морозовой см. в комментариях к документу № 1.

7. О духовных запросах и культурных потребностях столичных курсисток подробнее см.: [Громова, 2016].

8. Подробнее о жизни в Феодосии в феврале – апреле 1921 г. см.: [Алексеев, 2013, с. 357–358, 362; Волошин, 2013, с. 359–360; Редлих, 2019] и др.

9. Подробнее о подобной стратегии см.: [Готлиб, 2013, с. 13]

10. Иную позицию демонстрирует в своем апрельском письме К. В. Кандаурову поэт М. А. Волошин, сообщая своему корреспонденту и коллеге: «все это время я живу лицом к лицу с террором», «более страшного времени Крым не переживал», «пять месяцев мы захлебываемся в крови» [Волошин, 2013, с. 359–360].

11. Об умолчании как приеме, позволяющем автору «забыть» о том, о чем не хочется помнить см.: [«Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России, 2013, с. 13]). Об использовании метафоры «ужас» и неполноценности травматической речи см.: [Голубев, Ушакин, 2016, с. 16].

12. В этом отношении она мало отличается от тех современниц, которые после окончания войны стремились «напряженно-страстно» работать «в широком масштабе», желали «знать и уметь» (см.: [Из дневников Зинаиды Денисьевской: (1900–1933 гг.), 2012, с. 393]).

13. Морозова (*урожд.* Бориславская) Ксения Алексеевна (1879–1948) переводчица, пианистка, журналистка, мемуаристка. Дочь генерал-майора А. И. Бориславского (1831–1900). С 1907 г. – жена революционера-народовольца, ученого и писателя Н. А. Морозова (см. ниже). Окончила Санкт-Петербургское училище ордена Св. Екатерины и фортепианное отделение Петербургской консерватории. Как журналист сотрудничала с газетой «Русские ведомости» (1907–1911). Автор переводов на русский язык работ Г. Уэллса, Р. Хиченса, К. Гамсуна и пр. Автор сборников «В царстве сказки» (1911), «Зимние сказки» (1915), очерков и воспоминаний о Н. А. Морозове.

14. Бориславский Алексей Алексеевич (1882–1920) – брат К. А. Морозовой, офицер. Сын генерал-майора А. И. Бориславского (1831–1900). Окончил Первый Санкт-Петербургский кадетский корпус (1899) и 2-х классный курс в Михайловском артиллерийском училище (1901). Подпоручик (1901, со старшинством с 1900). Поручик (1904). Штабс-капитан (1908). Участник Первой мировой войны. До 1917 г. служил в составе 29-й артиллерийской бригады 20-го армейского корпуса, затем переведен в 10-ю Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду. Капитан (1916). Подполковник (1917). Кавалер орденов Св. Анны IV-й ст. (аннинское оружие) (1914), Св. Станислава II-й ст. с мечами (1915), Св. Владимира IV-й ст. с мечами и бантом (1916), Св. Анны II-й ст. с мечами (1916). Участник Гражданской войны на юге России (в составе Добровольческой армии).

15. Документальных материалов ЧК, которые бы подтвердили факт гибели А. А. Бориславского, на сегодняшний день не обнаружено. Возможно, он был одним из 136-ти «контрреволюционеров», о задержании и вынесении «расстрельного» приговора которым в телеграмме из Феодосии 29 ноября 1920 г. сообщал начальник Особого отдела 13-й армии и уполномоченный Крымской ударной

группы И. М. Данишевский (см.: [Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы, 1998, с. 407–408]). Впрочем, как констатирует историк А. Г. Тепляков, до сих пор о массовом уничтожении в конце 1920–первой половине 1921 г. оставшихся в Крыму офицеров и солдат армии Врангеля «обнародована лишь небольшая часть документов» [Тепляков, 2015, с. 139].

16. Бориславская (*урожд*. де Роберти) Елизавета Валентиновна (1848–1919) свекровь автора, мать К. А. Морозовой и А. А. Бориславского. Из потомственных дворян. Жена генерал-майора А. И. Бориславского (1831–1900). Умерла 25 марта 1919 г. в Москве. Похоронена на Ваганьковском кладбище.

17. Морозов Николай Александрович (1854–1946) – муж К. А. Морозовой (с 1907), революционер-народник, химик, астроном, писатель. Один из руководителей организации «Земля и воля», член исполкома «Народной воли». Участник покушений на Александра II. С 1882 по 1905 гг. находился в заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Почетный доктор химии Санкт-Петербургского университета (1906, за работу «Периодические системы строения вещества»). Председатель Русского общества любителей мироведения (1909–1932). Директор Естественно-научного института имени П. Ф. Лесгафта (1918–1946). Почетный член АН СССР (1932). Автор мемуаров «Повести моей жизни» (ТТ. 1–3, 1907–1928).

18. Вероятно, речь идет об отступлении войск Русской Армии в конце октября 1920 г. после крушения обороны у Чонгара и Перекопа. 21 октября (3 ноября н.ст.) 1920 г. белыми частями была оставлена Северная Таврия, 29 октября (11 ноября н.ст.), после прорыва Чонгарских укреплений и взятия Перекопского перешейка РККА, врангелевцы начали отход к портам и приступили к эвакуации (см.: [Голубев, 1933, с. 42–63]; см. также: [Валентинов, 2003, с. 501–548]).

19. Вероятно, имеется в виду эвакуация белых сил из Феодосийского порта в ноябре 1920 г., прошедшая «самым неудачным образом». В результате к моменту вступления войск РККА в Феодосию, 14 ноября (1 ноября по ст. ст.) 1920 г., «в городе остались многие тысячи желающих эвакуироваться: отставшие от своих полков солдаты и офицеры Русской армии, отдельные батареи, роты и команды, тыловые учреждения, госпиталя, забитые ранеными и больными, семьи военнослужащих и чиновников» (См.: [Бобков, 2002, с. 72–79]). Е. П. Редлих в своих воспоминаниях описывает частный случай этой неудавшейся эвакуации, произошедший с ее подругой Антониной Смолич (см.: [Редлих, 2019, с. 138]).

20. Вероятно, речь идет об аресте в рамках повторной (второй) регистрации офицеров, чиновников военного времени, солдат и работников учреждений Добровольческой армии, проводившейся в Феодосии с 20 ноября 1920 г. (подробнее об этом см.: [Алексеев, 2013, с. 345]; [Сорокин, Григорьев, 2016, с. 119]).

21. Об отношении к ходатайствам и просьбам, поступавшим в особый отдел ЧК в защиту арестованных см.: [Абраменко, 2005, с. 344].

22. Подробнее о документировании расстрелов в Крыму осенью 1920 – зимой 1921 гг. см.: [Абраменко, 2005, с. 6–7].

23. Подобные надежды подпитывались циркулировавшими в декабре 1920 г. по Феодосии «невероятными» слухами о том, что на местах расстрелов «среди сваленных в яму трупов» родственники жертв якобы находили «живых и легкораненых» (см.: [Сорокин, Григорьев, 2016, с. 119]).

24. Всего в ходе красного террора в Феодосии в конце 1920 – начале 1921 гг. было расстреляно около 8 тыс. человек ([Абраменко, 2005, с. 28]; см. также: [Ганин, 2018, с. 201–214; Зарубин А. Г., Зарубин В. Г., 2008; Купченко, 1994, с. 58–61] и др.).

25. Речь идет об ансамбле «Московское трио», выступавшем на сцене в 1892–1924 гг. В начале 1920-х гг. коллектив концертировал в составе пианиста Д. С. Шора (1867–1942), скрипача Д. С. Крейна (1869–1926) и виолончелиста Р. И. Эрлиха (1866–1924).

26. Речь идет о так называемой «Качаловской группе», части труппы МХАТ во главе с В. И. Качаловым, выехавшей в 1919 г. в гастрольную поездку на юг страны и возвратившейся в Москву лишь через три года, в 1922 г.

27. Качалов Василий Иванович (наст. фамилия Шверубович, 1875–1948) – актер, педагог. Народный артист СССР (1936). Один из ведущих актеров Московского Художественного театра, в котором служил с 1900 г.

28. Книппер Ольга Леонардовна (1868–1959) – актриса. Жена А. П. Чехова (с 1901 г.). Народная артистка СССР (1937). Одна из ведущих актрис Московского Художественного театра, в котором служила с 1898 г. В 1919–1922 гг. была в составе «Качаловской группы», с которой гастролировала по югу России.

29. Московский Художественный академический театр (МХАТ) – драматический театр, основанный в 1898 г. К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

30. Камерный театр – драматический театр, основанный в 1914 г. А. Я. Таировым. Находился в здании на Тверском бульваре в Москве. В 1949 г. закрыт, здание передано Московскому драматическому театру им. А. С. Пушкина.

31. Речь идет о родовом имении Морозовых на территории одноименного поселка в Некоузском районе Ярославской области, в начале 1920-х гг. переданном Николаю Александровичу Морозову в пожизненное пользование. В настоящее время на территории усадьбы располагаются мемориальный дом-музей Н. А. Морозова, здания Института биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина и Геофизическая обсерватория «Борок».

32. Лацкое – село в Некоузском районе Ярославской области, центр Лацковского сельского округа.

Библиография

Абраменко, Л. М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. – Киев : МАУП, 2005. – 480 с.

Алексеев, Н. Н. Крым Бэла Куна // Красный террор на Юге России / сост., предисл. и комментарии С. В. Волков. – Москва : Айрис-пресс, 2013. С. 352–382.

Бернштейн, Л., Неклюдова, Е. Курсивный шрифт эпохи. Почтовая проза из архива Ю. Л. Оболенской // Наше наследие. – 2017. – № 121–122.

Бобков, А. А. Красный террор в Крыму. 1920–1921 гг. // Белая Россия: Опыт исторической ретроспекции : мат-лы межд. науч. конф. в Севастополе. – Санкт-Петербург – Москва : Посев, 2002. С. 72–79.

Валентинов, А. А. Крымская эпопея // Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма / сост. С. В. Волков. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2003. – С. 501–548.

Волошин, М. А. Собрание сочинений. – Москва : Эллис Лак, 2013. Т. 12. – 992 с.

Ганин, А. В. Наградные документы чекиста Е. Г. Евдокимова как источник по истории Всеукраинской Чрезвычайной комиссии и красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. // Славянский альманах. – 2018. – № 3–4. – С. 201–214.

Голубев, А. В. Перекопско-Чонгарская операция // Перекоп и Чонгар : сб. статей и материалов. – Москва : Государственное военное издательство, 1933. – С. 42–63.

Голубев, А., Ушакин С. Экс-позиция письма: о правилах чтения чужой переписки // XX век: Письма войны. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – С. 8–21.

Готлиб, А. С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 1 (10). – С. 9–14.

Громова, А. И. Досуг столичной курсистки в России конца XIX–начала XX веков // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 4 (30). – С. 30–36.

Громова, А. И. Женщина в эпоху перелома: мироощущение представительниц русской интеллигенции в период революции 1917 г. и Гражданской войны // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): мат-лы Восьмой межд. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. – Москва; Старый Оскол : ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. Т. 1. – С. 62–67.

Дашкевич, Л. А. Женщина и война: о стратегиях выживания семей в годы военной катастрофы 1918–1920 гг. // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): мат-лы Восьмой межд. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. – Москва; Старый Оскол : ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. Т. 2. – С. 13–17.

Демидова, О. Р. Аксиология эмигрантской повседневности: женский взгляд // История повседневности. – 2018. – № 1(6). – С. 105–117.

Еремеева, А. Н. Мемуары начальницы Войсковой женской гимназии о революции и гражданской войне на Кубани // Российское казачество: проблемы истории и современность. – Краснодар : Традиция, 2006. – С. 80–83.

Зарубин, А. Г., Зарубин, В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. – Симферополь : Антиква, 2008. – 728 с.

Из дневников Зинаиды Денисьевской: (1900–1933 гг.) / подгот. текста Й. Хелльбек // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 4 (116). – С. 385–415.

Из переписки А. Ф. Кони с Н. И. Вербловской (1918–1927) / публ., вступ. заметка и прим. И. С. Вербловской // Звезда. – 2013. – № 9. – С. 121–149.

Купченко, В. П. Красный террор в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1994. – № 6. – С. 58–61.

Морозова, О. М. Антропология гражданской войны. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 560 с.

Морозова, О. М., Трошина, Т. И. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и Гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. – 2016. – № 2 (16). – С. 8–30.

Немой свидетель, или Великая русская революция глазами астронома: письма Н. М. Субботиной. 1917–1920 гг. / публ. О. А. Вальковой // Исторический архив. – 2017. – № 4. – С. 36–53.

«Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / подгот. текстов, состав, вступит. статья и коммент. О. Р. Демидовой. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 262 с.

Редлих, Е. П. Воспоминания / публ. Г. И. Вздорнова и Т. И. Прилуцкой, прим. Г. И. Вздорнова, Е. А. Амитиной и А. В. Маньковского // Наше наследие. – 2019. – №№ 127–128. – С. 116–143.

Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. – Москва : Гея, 1998. Т. 1. Кн. 1. – 432 с.

Симонова, О. А. Мемуары А. А. Саксаганской о Гражданской войне в Екатеринославе // Историография гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов / отв. ред., сост. Д. С. Московская. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 337–346.

Сорокин, А. К., Григорьев, Е. М. «Красный террор омрачил великую победу Советской власти...» Два взгляда большевистских руководителей на репрессии в Крыму // Родина. – 2016. – № 8. – С. 115–120.

Тепляков, А. Г. Чекисты Крыма в начале 1920-х гг. // Вопросы истории. – 2015. – № 11. – С. 139–145.

УДК 37.013 DOI: 10.36945/2658-3852-2019-4-89-99

В. В. Яковлева

ОПЫТ ЗАИМСТВОВАНИЯ Н. К. КРУПСКОЙ ИДЕЙ ДЖ. ДЬЮИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ НОВОЙ СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В 1920-Е ГГ.

Современные исследования системы образования в России рассматривают ее не только как систему организации школьного обучения, но прежде всего как систему педагогических идей, которые лежат в основе образовательного процесса, социальных представлений, норм и ценностей исторической эпохи. Школа как институт, таким образом, рассматривается в совокупности с той социальной средой, в которой находятся основные участники образовательного процесса, учителя, ученики и родители учеников. Одной из первых работ такого плана стала монография Е. М. Балашова, изданная в Санкт-Петербурге в 2003 году [Балашов, 2003]. Еще одной работой, рисующей социально-исторический контекст, в котором происходит становление молодых людей 1920-х годов, является фундаментальная работа А. Рожкова «В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов» [Рожков, 2014]. Он показывает, как практики повседневности в рамках социальных институтов школы, вуза и армии формировали первое поколение советских граждан. Схожие методологические установки использует в своих исследованиях А. А. Сальникова [Сальникова, 2007].

Второй особенностью современных исследований становится связь имперского и советского периодов в истории системы образования. Современные исследователи рассматривают большевистские преобразования школы в непосредственной связи с предшествующим периодом. Утверждается, что в имперский период были заложены все основы этой системы, а большевики, не смотря на кардинально сменившуюся риторику, мало что поменяли. Утверждается и то, что те процессы, которые происходили в системе образования в первые годы советской власти тоже были заложены в имперский период истории России [см., например: Балашов, 2003, Красовицкая, 2011, Власов, 1998].

Традиционно много исследований ведется в области истории педагогики. Наследие Джона Дьюи – американского философа основоположника педагогической системы, лежащей в основе американского школы XX века, и сегодня привлекает внимание исследователей [Кумсков, 2011, Рогачева, 2016, Рогачева, 2017].

В данной статье я сравниваю тексты Н. К. Крупской, которая считается основоположницей советской педагогики, и тексты американского философа-прагматиста, который областью практического применения своих философских

идей считал школьное образование. Большевикам после прихода к власти было необходимо быстро и кардинально реформировать систему образования, найти способ эффективной подготовки граждан, которые были бы не просто лояльны к новой власти, но и помогали бы ей расширять свои завоевания в обществе. Одним из направлений поиска было обращение к идеям американского философа-прагматиста Дж. Дьюи. Н. К. Крупская никогда не скрывала свое увлечение идеями Дьюи, но и прямых ссылок на него никогда не давала. Поэтому факт заимствования его идей необходимо доказывать.

При анализе текстов Дьюи и Крупской необходимо обращать внимание на :

– сходство описываемых сюжетов;

– повторяемость характерных (ключевых) слов;

– приводимые примеры.

Ключевым в творчестве Дьюи является психологическое обоснование необходимости изменения подхода к школьному образованию. В основе лежат новейшие исследования по детской психологии, а именно, выявление ряда детских инстинктов, которые являются верными помощниками учителя. Отсюда следует дихотомия активность – пассивность в образовании, и соответственно противопоставление старой школы – учебы, и новой школы – делания. Ребенок в школе должен иметь дело с реальными объектами, которые имеют для него значение в повседневной жизни. Труд и опыт, по Дьюи, являются основными дисциплинирующими и воспитывающими факторами. В процесс обучения необходимо вводить проблемы как обязательное условие развития самостоятельного и критического мышления. Важной в обучении является и игровая деятельность детей. На это и следует обращать внимание.

Десятитомное собрание сочинений Крупской составляют статьи, единственной ее книгой (не считая публицистической брошюры 1899 года «Женщина–работница») является «Народное образование и демократия»; уже ее название вызывает непосредственные ассоциации с сочинением Дьюи «Демократия образования».

Кроме названия, в этой работе мы можем обнаружить и другие следы присутствия идей американского педагога, но они еще не столь явны, поскольку работа была написана, когда партия большевиков и Крупская не стояли перед необходимостью создания новой школьной системы и методов обучения. В 1915 году ей достаточно было в общих чертах обосновать необходимость школьной реформы. Все те параллели, которые можно провести с сочинениями Дьюи, относятся скорее к общей характеристике состояния времени, и ни один исследователь общественной жизни того периода не мог пройти мимо них, каким бы ни был предмет его исследования. Это относится в первую очередь к характеристике изменившихся условий труда: глава «Упадок ученичества как знамение времени» в работе Крупской и небольшой экскурс в историю производительных отношений,

в связи с проблемами воспитания в книге Дьюи «Школа и общество». «Раньше общие трудовые навыки давала семья. Семейная жизнь была связана с обширной разносторонней трудовой деятельностью. Ребенок с раннего детства наблюдал работу семьи, и сам принимал в ней посильное участие. Теперь характер семейной жизни, ее уклад изменился: работа производилась вне дома, отец уходил на целый день куда-нибудь на мануфактуру или фабрику, иногда уходила и мать» [Крупская, 1957, с. 322].

В книге «Школа и общество» (в России она была впервые выпушена в 1907 году под редакцией И. И. Горбунова-Посадова) Дьюи говорит, что раньше каждая семья сама удовлетворяла свои материальные нужды, и все члены семьи принимали в этом производстве участие. Дети постепенно втягивались в работу, крепли физически и умственно [Дьюи, 1922, с. 5].

Общим также является обращение к идеям Ж.-Ж. Руссо, но с разными целями, что является характерным для любого исследователя обращением к авторитетам классиков. Н. К. Крупская проводит обзор идей трудового воспитания от Руссо до Маркса. Книга Дьюи «Школы будущего» также открывается изложением педагогических идей великого швейцарского гуманиста. В отличие от своего американского коллеги, который у Руссо позаимствовал теорию роста, т. е. соответствия воспитательных и образовательных методов возрасту и нуждам ребенка, Крупская у Руссо искала не психологические основания, а примеры методов трудового воспитания.

Более явное присутствие идей американского педагога мы можем обнаружить в статьях Крупской, написанных после захвата власти большевиками, когда необходимостью стала детальная разработка принципов новой школы.

Вопросы воспитания у Крупской разработаны слабо. Воспитание, по Крупской, должно быть обязательно общественным, и сводится к развитию в ребенке коллективного мышления и общественных инстинктов. «В нашу переходную эпоху школа должна всячески способствовать развитию общественных инстинктов в детях и подростках» [Крупская, 1978, с. 136]. Это необходимо делать путем связи школы с комсомолом, с рабочими, профсоюзными организациями. В связи с этим интересна эволюция идей Крупской по вопросу об индивидуальном и коллективном в человеке.

В 1917 году в предисловии к первому изданию «Народного образования и демократии» Крупская писала: «…трудовая школа требует живого отношения к индивидуальности» [Крупская, 1957, с. 250]. В 1918 году в статье «К вопросу о социалистической школе» этот принцип Крупская называла главным отличием новой социалистической школы от прежней. «Самое главное, чем должна отличаться социалистическая школа от теперешней, – это тем, что для нее единственная цель – возможно полное всестороннее развитие учащегося; она должна не подавлять его индивидуальности, а лишь помогать ей формироваться»

[Крупская, 1978, с. 14]. Индивидуальные особенности каждого в социалистическом обществе должны быть направлены на успешное их применение в общеполезном деле. «Помогая формироваться индивидуальности, школа должна подготовить учащегося к тому, чтобы он умел выявить эту индивидуальность в общеполезном труде» [Крупская, 1978, с. 14].

Индивидуальный подход к каждому отдельному ученику в сочетании с развитием навыков жизни в человеческом общежитии является основополагающим и для Дьюи. Каждый ребенок должен быть научен жить совместно с другими людьми, т. к. подлинно демократическое, уравновешенное, счастливое и процветающее общество возникает там, где люди способны работать совместно. Первая задача школы в связи с этим – «научить ребенка жить в общежитии, где он начинает осознавать себя, понимать свои обязательства по отношению к этому общежитию и приспосабливаться к общей жизни» [Крупская, 1978, с. 96]. При этом первичной все-таки остается индивидуальность каждого ребенка, и на общественную деятельность необходимо смотреть «не как на внешнюю цель, а как на естественное следствие правильного развития индивидуальных способностей» [Дьюи, 1921, с. 17].

В 1923 году соотношение индивидуального и общественного воспитания у Н. К. Крупской уже изменяется. В статье «Общественное воспитание» превалирующим является воспитание чувства коллективизма у детей [Крупская, 1978, с. 133]. Индивидуальность уже называется индивидуализмом, который характеризуется как отрыв личности от общества, и приводит «к необычайному убожеству мысли и чувства, к скудности переживаний» [Крупская, 1978, с. 135].

Еще один аспект воспитания, имеющий общие черты у Крупской и Дьюи – это воспитание *приспособляемости* к жизни.

Одной из важнейших задач воспитания, по Дьюи, является выработка умения приспособляться к окружающей среде для благополучного существования (это и сближает его с прагматизмом). Школа должна научить ребенка приспосабливаться к любой среде, прежде всего к той, в которой ему придется жить, а школы, о которых пишет Дьюи, – народные школы.

«Другой пункт, на котором сходятся большинство сторонников школьной реформы, – стремление подбирать занятия, интересующие детей, [интерес не значит потакания детям, под интересом Дьюи понимает, прежде всего, интерес в приспособлении к окружающей жизни, к ее организации. – *В. Я.*]. Успешное приспособление обычно означает успешное существование, поэтому инстинктивно мы больше всего интересуемся вопросом приспособления к жизни. Ребенок заинтересован в том, чтобы посредством физических активностей приспособиться к вещам, с которыми он сталкивается в окружающей среде – иначе нельзя жить» [Дьюи, 1922, с. 143–144].

О необходимости приспособления Крупская пишет в предисловии к первому изданию «Народного образования и демократии» в 1917 году. «Растет спрос на всесторонне развитого, умелого рабочего, который может быстро приспособляться к постоянно изменяющимся и совершенствующимся машинам и процессам производства» [Крупская, 1957, с. 250].

У Дьюи приспособляемость – широкое понятие, подход же Крупской более утилитарен, тем не менее, влияния отрицать не приходится, поскольку приспособление вытекает из самого подхода к новой школе. Приспособление есть определенный род деятельности, и научиться ему можно, только делая что-либо.

Основное, что было позаимствовано у Дьюи, – это роль труда в воспитании и образовании. Развитие промышленности, увеличение объемов производства, появление новых технологий в начале XX века в промышленно развитых странах сделали необходимостью идею о реформировании народных школ. Для того, чтобы получить на выходе из школы человека, не просто умеющего читать и писать, но способного к работе на фабрике, к освоению нового оборудования, в школьную программу было введено трудовое обучение. На практике это наиболее полно воплотилось в Германии, в так называемых школах Кершенштейнера, и в Соединенных Штатах Америки, где школы реформировались на основе идей Дьюи. Однако если в американских школах через трудовую активность дети получали образование, дающее возможность впоследствии продолжить обучение в колледже, то немецкие школы были по существу превращены в ремесленные училища.

В школе Дьюи и в школах его сторонников детей не готовили к той или иной профессии, их учили жить. «…Лишенная узкоутилитарного характера, практическая деятельность в школе является поприщем, на котором можно сообщить детям сведения из естественных наук, географии и истории и знакомить их с искусством. … Предлагаемые нами занятия не должны преследовать только практические цели, не должны ставить себе задачей развитие общих технических навыков в стряпне, шитье и столярничестве. Они должны быть центром, вокруг которого группируются научные занятия, сообщающие сведения о материалах для них и процессах их обработки» [Дьюи, 1922, с. 10–11].

Советские педагоги от Наркомпроса попытались развить эту идею Дьюи в соответствии с действительностью первых лет советской власти. В советской трудовой школе речь идет не об обучении через труд, а обучении через производительный труд, т. е. дети одновременно приносят материальные блага обществу и учатся.

Крупская: «… в социалистической школе должен применяться не только трудовой метод, но должен быть организован производительный труд детей… производительный труд не только готовит из ребенка в будущем полезного члена общества, он делает полезным членом общества в настоящем, и сознание этого

факта ребенком имеет громадное воспитывающее значение. … Введение в обиход школы детского производительного труда, тесно связанного с обучением, сделает самое обучение во сто раз жизненнее и глубже» [Крупская, 1978, с. 15].

Луначарский: «…особенно важное значение придаем мы тому, что труд, на котором покоится преподавание в новой школе, должен быть производительным, реальным трудом, реальным участием учеников в хозяйственной жизни страны. …недопустимо, чтобы она [работа. – *В. Я.*] принимала формы вредные для здоровья, или чтобы она не сопровождалась все время расширением как физических навыков, так и познания» [Луначарский, 1919].

Необходимость введения труда в метод школьного обучения Луначарский видит в двух основаниях: психологии и приближении школы к жизни. В психологическом основании он подчеркивает значимость *активностей* в восприятии материала ребенком: «…психология, научающая нас тому, что истинно воспринятым является только воспринятое активно. Ребенок жаждет подвижности… он с чрезвычайной легкостью усваивает знания, когда они передаются ему в веселой, активной форме игры или труда, которые при умелой постановке совпадают, – а его учили на слух и по книге. … Другим источником стремлений современной передовой школы к труду является желание ознакомить учеников с тем, что играет доминирующую роль в жизни в настоящее время, – с земледельческим и промышленным трудом во всех его разновидностях» [Луначарский, 1919].

Труд является и основным дисциплинирующим фактором в новой школе. Ученики школы, созданной Дьюи, «охотно посещают школу и охотно учатся, когда им более или менее ясно, куда ведут их занятия. Детей легче удержать в школе работой, которая им по душе, чем законами и чиновниками надзора за регулярным посещением школ» [Дьюи, 1922, с. 131]. «…Приученный делать вещи, ребенок работает и считается с другими и тогда, когда нет над ним надзора» [Дьюи, 1922, с. 67]. Внутренняя дисциплина труда, которая определяется поставленной целью, и Крупской выделяется как более значимая, нежели внешний надзор: «участие в творческом процессе, особенно в труде, где принимают участие многие лица, дает воспитанию внутреннюю дисциплину. Если вовремя не засеешь грядки, то не вырастет овощей, – тут сама сила вещей воспитывает ребенка, заставляет его побороть и чувство усталости, и нежелание, так как тут видна и цель, ради которой это делается. Если чувство дисциплины воспитывается трудовым процессом, то дисциплина перестает быть внешней» [Крупская, 1978, с. 90]. Внутренняя дисциплина, воспитываемая трудовыми процессами, имеющими цель и интерес для ребенка, – общие места взглядов Дьюи и Крупской на проблему дисциплины в школе.

В связи с изменением принципов обучения в новой школе меняется и роль учителя. Поскольку основной целью школы является не запоминание определенной суммы фактов, умение факты понимать и применять знания о них в жизнь.

Соответственно из надзирателя, следящего за доскональным выполнением заданий и точным запоминанием фактов, учитель превращается в человека, который помогает ориентироваться в мире фактов. Учитель становится помощником: «…не перечисление фактов, а умение понимать факты и их взаимоотношения, – вот что нам необходимо. Потому учитель больше не чичероне и диктатор, а наблюдатель и помощник», – писал Дьюи [Дьюи, 1922, с. 82]. Крупская вторила ему: «Всякий формализм должен быть изгнан из школы, должно отсутствовать всякое принуждение. Собственно говоря, школа будущего должна представлять собой свободную ассоциацию учащихся, ставящих себе целью путем совместных усилий проложить себе дорогу в царство мысли. Учитель в такой школе лишь старший товарищ, богатый опытом и знанием, который помогает учащимся научиться самостоятельно учиться» [Крупская, 1957, с. 140]. Луначарский поддерживал: «Учитель должен входить в интересы учеников, но казаться для последних не начальником, не какой-то особой породой, скучной и рассудительной… а уметь быть старшими детьми, старшими братьями разновозрастной семьи, какой является школа» [Луначарский, 1919].

Общность мыслей между Крупской и Дьюи наблюдается и по вопросу школьных программ. Они должны быть максимально приближены к жизни, запоминание сухих фактов – заменено решением практических задач. В статье «К реформе средней школы» за 1918 год Крупская, говоря о школьной программе, приводит пример того, как должна быть устроена трудовая школа. В Советской России трудовые школы только создавались, концепция еще не была разработана, поэтому для наглядности Крупская описывает одну из американских школ: «Опишу одну из них, существующую в Америке. Каждому классу дается какое-нибудь практическое задание, блестящее выполнение которого служит блестящим доказательством успешной работы учеников» [Крупская, 1978, с. 35]. Далее следует рассказ об очистке города от грязи. Все начинается с изучения причин возникновения грязи (почва, климат местности), далее следуют теоретические построения – как можно убрать эту грязь, обновить территорию – изучение машин, при помощи которых это можно сделать, потом изучается и делится на участки план города, обсуждается финансовая сторона дела, составляется смета расходов, выстраиваются взаимоотношения с местными городскими властями. Этот случай был описан Дьюи в «Школах будущего»: «…многие начальные школы в Чикаго стремятся оживить занятия, ввести в школу, в программу материал, доступный воздействию детей, дающий им пищу для самостоятельной независимой работы. Такого сорта работа входит в обычную программу. …В школе все ученики, начиная с пятого класса, сорганизованы в гражданские клубы. Школьники разделили школьный район на участки. Каждый клуб брал на себя один участок, изготовлял топографические карты и планы, вел счет улицам, фонарям, мусорным ящикам, составлял списки уличной стражи или, в связи с нуждами своего

участка, детально разрабатывал какой-нибудь один вопрос. Потом клубы решили, что нужно сделать для того или иного участка: они занялись чисткой грязных улиц, другие повели кампанию за лучшее освещение улиц и т.п. Дети пользовались теми же методами, что и клуб взрослых: писали письма в соответствующие отделы городского управления, ходили на переговоры в думу, а кроме того, и сами работали, например, чистили грязные переулки. Работа велась с большим интересом и подъемом…» [Дьюи, 1922, с. 41–42]. Это еще раз доказывает, что Крупская Дьюи читала с большой пользой для советской педагогики.

На основе подобных программ в середине 20-х годов будет разработан комплексный метод, активно внедрявшийся в школьную практику до конца 20-х, а затем столь же активно критикуемый и запрещаемый. Суть комплексного метода состоит в том, что учителем выделяется определенная проблема, связанная с окружающей ребенка действительностью (например, вырастить свеклу на школьном огороде), и данная проблема рассматривается во взаимосвязи с тремя понятиями: общество, труд, природа. Центральным является труд. Попутно с этим дети изучают математику, язык, историю, географию и прочие традиционные школьные предметы. Крупская настоятельно рекомендует связывать комплексы с работой над улучшением жизни. «Думается, что школы должны бы сплачиваться около секций сельсоветов, горсоветов… выполняя общественную нужную работу, отвечая за нее, ребята росли бы на этой работе, учась применять свои знания к жизни… причем работа бы эта связывалась с учебой» [Крупская, 1959, с. 148].

Стоит отметить, что в тех примерах из школьной практики, которые приводит Дьюи, дети всегда выполняют нужную для общества работу. Эта работа, будь то очистка улиц, помощь эмигрантам по освоению американских правил жизни или ремонт школьных зданий, приносит пользу большому числу людей. Крупской поэтому очень удобно переписывать эти примеры, не ломая голову над придумыванием чего-то оригинального.

Еще в одной из своих дореволюционных статей «Самоубийства среди учащихся и свободная школа» (1911 г.) Крупская в качестве антипода существующей школе предлагала иной вариант обучения. «Школу надо постараться связать с яслями, и с детской площадкой, и с музеем, и с библиотекой, и с мастерской учебных пособий, и с рядом других мастерских, с фермой, с кооперативом, с общественной столовой и пр. Надо устроить так, чтобы учащиеся во всех этих учреждениях могли находить применение своим силам и знаниям. Изучает, скажем, ученик ботанику, – составленный им гербарий он отдает в музей школьных пособий; он идет на экскурсию с учениками начальной школы и помогает учительнице объяснять детишкам, как живут растения; он идет работать на огород и там применяет к уходу за растениями свои знания. Учится ученик передавать прочитанное, – идет к малышам рассказывать сказки; выдавая книжки из организованной

школьниками летучей библиотечки, он старается привлечь читателей пересказом заинтересовавшей его книжки. Изучает химию, научается определять доброкачественность продуктов и тотчас идет помогать по закупке продуктов в общественную столовую, в кооператив; идет туда же применять свои знания по счетоводству и пр. и пр. Эти примеры взяты на удачу. Можно найти тысячу способов применения детских сил и знаний» [Крупская, 1957, с. 141–142].

Открываем работу Дьюи «Школы будущего». «В классах по домоводству девочки учатся покупать провизию, сравнивать цены и качество продуктов, варить на большое число людей, знакомятся с элементами химии пищевых продуктов и сравнительной питательностью разных блюд. Работа ведется в связи с школьной столовой… ведется точно счетоводство…» [Дьюи, 1922, с. 100].

Просветительская деятельность Крупской достигла своих результатов. Об американской школе и американском методе даже в самой глухой провинции учителя знали и даже использовали в своей педагогической практике. Учитель (имя не известно) школы при Кыновском заводе, заполняя анкету делегата съезда школьных работников, писал, характеризуя свою работу: «Занятия главным образом велись в вопросно-ответной форме. В старших классах по некоторым предметам применялся лекционный метод, а в некоторых школах, в младших группах американский» [Анкета № 2].

Писала Крупская много, но говорить о какой-либо четко выстроенной педагогической концепции воспитания и образования, созданной Надеждой Константиновной Крупской, сложно. Ее статьи фрагментарны, часто повторяют друг друга, и в основном касаются частных вопросов педагогики, освещение которых вызвано текущим моментом. Административным путем назначенная на пост главы советской педагогической науки, Надежда Константиновна была вынуждена обращаться к западным педагогическим авторитетам, а поскольку Карл Маркс в своих сочинениях педагогике уделил мало места, то научные авторитеты чаще всего были буржуазно ориентированы. Задача Крупской в этой ситуации была весьма не проста, ей необходимо было привести в равновесие буржуазные педагогические эксперименты, марксистскую теорию и нарождающуюся советскую идеологию.

Позже Крупская была вынуждена подвергнуть критике свое слишком восторженное отношение к американской системе образования. В первые годы советской власти еще позволялось обращаться к иным по «социальному происхождению» текстам, тем более что язык текстов, принадлежащих перу Дьюи, вполне соответствовала риторике нового Советского государства. Более того, чтение книг американского педагога и знакомство с иным опытом определенным образом стимулировало создание советскими «школьными строителями» новой системы образования. Можно сказать, что чтение и переписывание книг Дьюи было выгодно и для Крупской, и для тех, ради кого она старалась. Во-первых, это был

добротный, хорошо изложенный, новый для учителей материал, который Н. К. Крупская могла предъявлять, не боясь быть обвиненной в плагиате. Во-вторых, используя уже опробованный опыт, она могла без сомнения рекомендовать его к применению в практике новой советской школы. Противопоставляя американскую школу существующей в России, Крупская попутно акцентировала внимание на негативных сторонах организации образования в царской России. Учителя же получали готовый продукт в доступном виде из рук власти, что делало его легитимным. Кроме того, расписанные методики значительно сокращали время подготовки к урокам и облегчали мыслительную деятельность. В скором времени имя Дьюи власть велела забыть, но элементы его педагогических разработок используются в практике и сегодня. Их отголоски, в первую очередь, слышны в концепции развивающего обучения.

Библиография

Анкета № 2 Делегата съезда и конференции школьных работников [Текст] // Ф. Р–23. Оп. 1. Д. 66. Л. 169.

Балашов, Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «нового человека» [Текст] / Е. М. Балашов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 237 с.

Власов, В. А. Школа и общество: Поиски путей обновления образования во второй половине XIX – первой трети XX века [Текст] / В. А. Власов – Пенза : Изд-во ИПКиПРО, 1998. – 259 с.

Дьюи, Дж. Введение в философию воспитания [Текст] / Дж.Дьюи. – Москва : Работник просвещения, 1921. – 63 с.

Дьюи, Дж. Школа и общество [Текст] / Дж. Дьюи. – Москва : Работник просвещения, 1922. – 48 с.

Дьюи, Дж., Дьюи, Э. Школы будущего [Текст] / Дж. Дьюи, Э. Дьюи. – Москва : Работник просвещения, 1922. – 151 с.

Красовицкая, Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства от Столыпина к Сталину (конец XIX – начало (20-е годы) XX века) [Текст] / Т. Ю. Красовицкая. – Москва : Новый хронограф, 2011. – 680 с.

Крупская, Н. К. Педагогические сочинения Т. 1 [Текст] / Н. К. Крупская. – Москва : Издательство Академии педагогических наук, 1957. – 510 с.

Крупская, Н. К. Педагогические сочинения Т. 2 [Текст] / Н. К. Крупская. – Москва : Издательство Академии педагогических наук, 1958. – 735 с.

Крупская, Н. К. Педагогические сочинения. Т. 3 [Текст] / Н. К. Крупская. – Москва : Издательство Академии педагогических наук, 1959. – 798 с.

Кумсков, В. В. Педагогические идеи Д. Дьюи и советское образование 1920-х годов [Текст] / В. В. Кумсков // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 3. – Том II. – С. 7–11.

Луначарский, А. В. Основные принципы Единой Трудовой Школы 1919 г. [Текст] / ГАПО Ф. р-23, Оп. 1, Д. 17. л. 21.

Рогачева, Е. Ю. Прогрессивизм Джона Дьюи в педагогическом дискурсе России накануне и после революции 1917 года как инструмент модернизации образования [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Психолого-педагогический поиск. – 2017. – № 2(42). – С. 67–77.

Рогачева, Е. Ю. Демократическая педагогика Джона Дьюи в немецком философско-педагогическом дискурсе [Текст] / Е. Ю. Рогачева // Вестник Владимирского государственного университета. Серия Педагогические и психологические науки. – 2016. – № 24 (43). – С. 36–47.

Рогачева, Е. Ю. Джон Дьюи и Лев Троцкий: образование как реконструкция опыта [Текст] / Е. Ю. Рогачева // Вестник Владимирского государственного университета. Серия Педагогические и психологические науки. – 2017. – № 31 (50). – С. 36–46.

Рожков, А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920–х [Текст] / А. Ю Рожков. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 640 с.

Сальникова, А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования [Текст] / А. А. Сальникова. – Казань : Казанский государственный университет, 2007. – 256 с.

РЕЗЮМЕ

Н. Н. Вольский

ПОЧЕМУ НАЧАЛЬНИКИ НЕ ЛЮБЯТ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ?

Часть 3

Аннотация: статья представляет собой изложение выводов, которые можно сделать из определения интеллигенции, данного во второй части настоящей работы. Показывается, как различное отношение к истине может приводить к социальной маргинализации и обструкции интеллигента. Объясняется это тем, что потребность человеческого ума в познании истины и сообщении ее возможно большему числу людей нередко вступает в конфликт с интересами индивида – носителя этого ума, а также с интересами его окружения.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллигент, истина, компромисс, интересы вида.

Л. В. Братухина

ИЗУЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н. Г. БЯКОВОЙ, И. В. ШИХОВОЙ, Е. П. ХАНЖИНОЙ, И. Н. КЛЕПАЦКОЙ)

Аннотация: в статье представлен обзор важнейших научных работ, посвященных литературе США, выполненных на кафедре зарубежной литературы Пермского государственного университета в 80-е гг. XX в. Анализируются тематика, структура, актуальность, научная значимость публикаций Н. Г. Бяковой, И. В. Шиховой, И. Н. Клепацкой, Е. П. Ханжиной. Отмечается разнообразие направленности их исследований, а также делается заключение об особенностях, объединяющих исследовательниц «пермской школы» американистики.

Ключевые слова: американистика, Н. Г. Бякова, И. В. Шихова, И. Н. Клепацкая, Е. П. Ханжина, Пермский государственный университет.

М. И. Вебер

«ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА ПЕРЕЖИВАЕТ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ»: ДНЕВНИК СВЯЩЕННИКА 3-ГО БАРНАУЛЬСКОГО СИБИРСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА К. ДМИТРИЕВА

Аннотация: публикуется новый источник по истории Гражданской войны в России – дневник полкового священника К. Дмитриева. Дневник представляет собой своеобразную летопись боевого пути 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка колчаковской армии за декабрь 1918 г. – июнь 1919 г.

Ключевые слова: эго-документы, Гражданская война, Урал, Белое движение, военная история.

А. Л. Глушаев, А. В. Голева

«ПОДОБРАТЬ И НАЗНАЧИТЬ…»: ОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ В МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ. 1944–1946 ГГ.

Аннотация: Документы из фондов Государственного архива Пермского края поднимают тему генезиса института уполномоченного Совета по делам религиозных культов в Молотовской области в годы Второй мировой войны. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения советской государственно-конфессиональной политики в 1944–1946 гг. Уполномоченные должны были обеспечить контроль над местными религиозными объединениями. Содержащиеся в архивных материалах сведения позволяют уточнить политические практики власти, с помощью которых происходила организация института.

Ключевые слова: археография, Молотовская область, Совет по делам религиозных культов, Вторая мировая война, исторический источник.

А. С. Кимерлинг

«ПИСЬМО ПИШУ, А ВОКРУГ ИДЕТ БОЙ»: КУЛЬТУРНЫЕ РАЗРЫВЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация: статья посвящена особенностям культуры военного времени. Источником послужила уникальная коллекция писем с фронтов Второй мировой войны, написанных политруком Ендальцевым Аркадием Георгиевичем. Война привела к слому привычных моделей культуры. Важно понять, как приспособление к новым нормам происходило на индивидуальном уровне. Для А. Ендальцева способом преодоления культурных разрывов были практики заботы о семье. Они нашли отражение в письмах. Там в обрамлении идеологически выверенных штампов можно обнаружить финансовую помощь семье, контроль над образованием дочери, потребность в непрерывном потоке информации о жизни жены и детей.

Ключевые слова: разрывы культуры, советская культура, письма с фронта, семейные ценности.

Е. Ю. Лебеденко

«ВСЕ РАЗБИТО, И У МЕНЯ НА ДУШЕ КАКИЕ-ТО ОБЛОМКИ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОГО ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЧАСТНЫХ ПИСЬМАХ НАЧАЛА 1920-Х ГГ. (ИЗ ПЕРЕПИСКИ К. А. МОРОЗОВОЙ)

Аннотация: публикуются частные письма начала 1920-х гг. из личной переписки переводчицы К. А. Морозовой. Содержание посланий связано с семейной трагедией, разделяемой Морозовой с автором писем, ее невесткой, – гибелью брата Морозовой, офицера А. А. Бориславского в ходе «дезинфекции» Крыма от белогвардейцев в конце 1920 г. Показано, как адресант, проживавшая в Феодосии во время красного террора, описывает свой травматический опыт. Фиксируется, как она осмысливает произошедшее и как пытается «устроить» новую жизнь в Советской России.

Ключевые слова: частная переписка, К. А. Морозова, гендер, Гражданская война, Крым.

В. В. Яковлева

ОПЫТ ЗАИМСТВОВАНИЯ Н. К. КРУПСКОЙ ИДЕЙ ДЖ. ДЬЮИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ НОВОЙ СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В 1920-Е ГГ.

Аннотация: в статье на основании сравнения текстов американского философа Джона Дьюи и одной из основательниц советской педагогики Н. К. Крупской доказывается факт заимствования идей Дьюи в построении новой советской школы. В последние годы при изучении истории системы образования вектор исследовательского интереса смешается в сторону изучения идей и концепций, которые лежат в основе этой системы. Обращение новой власти к идеям Дж. Дьюи представляется одним из шагов на пути строительства новой школы.

Ключевые слова: Дж. Дьюи, Н. К. Крупская, советская педагогика, философия прагматизма, ранняя советская школа.

ABSTRACTS

N. N. Volsky

WHY DO BOSSES NOT LIKE THE MEMBERS OF INTELLIGENTSIA?

Abstract: the article is a statement of the conclusions that can be drawn from the definition of intelligentsia given in the second part of this work. It is shown how different attitudes to truth can lead to social marginalization and obstruction of the people of intelligentsia. This is explained by the fact that the need of the human mind to know the truth and communicate it to as many people as possible often conflicts with the interests of the individual – the carrier of this mind, as well as with the interests of his environment.

Key words: intelligentsia, people of intelligentsia, truth, compromise, interests of the species.

References

Bibikhin, V. V. YAzyk filosofii. – Sankt-Peterburg : Nauka, 2007. – 389 s.

Bol'shoj anglo-russkij slovar'. V dvukh tomakh / pod ruk. I.R. Gal'perina. T. 1. A – L. – Moskva : Sov. EHntsiklopediya, 1979. – 824 s.

Bol'shoj nemetsko-russkij slovar'. V dvukh tomakh / pod ruk. O.I.Moskal'skoj. T. 1. A – K. – Moskva : Sov. EHntsiklopediya, 1969. – 760 s.

Vajl', P. Karta rodiny. – Moskva : Nezavisimaya gazeta, 2003. – 416 s.

Vinogradov, V. V. Istoriya slov. – Moskva : RAN, 1999. – 1142 s.

Gasparov, M. L. Zapisi i vypiski. – Moskva : NLO, 2001. – 416 s.

Gasparov, M. L. Intellektualy, intelligenty, intelligentnost' [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa : https://imwerden.de/publ-1448.html (data obrashheniya: 15.10.2018).

Gor'kij, M. O russkom krest'yanstve. – Berlin, 1922. – 56 s.

Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 4. R – V. – Moskva : Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarej, 1955. – 683 s.

Dvoretskij, I. KH. Latinsko-russkij slovar'. – Moskva : Russkij yazyk, 2000. – 847 s.

Kruglov, A. Slovar' A–I. Psikhologiya i kharakterologiya ponyatij. – Moskva : Gnozis, 2000. – 380 s.

Kruglov, A. Slovar' T–YA. Psikhologiya i kharakterologiya ponyatij. – Moskva : RGO, 2008. – 472 s.

Kruglov, A. Slovar'. Soderzhanie i informatsiya [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa : http://alkruglov.narod.ru/glossary.html (data obrashheniya: 30.03.2019).

Nabityj durak // Narodnye russkie skazki A.N.Afanas'eva: V 3 t. / Podgotovka teksta i primechaniya V.YA.Proppa. – Moskva : Gos. izd-vo khudozhestvennoj literatury, 1957. – T. 3. – S. 200–201.

Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo yazyka. – Moskva : Sov. EHntsiklopediya, 1968. – 900 s.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij. V 16 tt. T. 16. Perepiska, 1835–1837. – Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1949. – 503 s.

Rubinshtejn, L. S. Intelligentnye podtyazhki // Rubinshtejn L. S. Slovarnyj zapas. – Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2008. – S. 27–39.

Russkaya intelligentsiya i zapadnyj intellektualizm : Istoriya i tipologiya. (Materialy mezhdunarodnoj konferentsii. Neapol', maj 1997) / sost. B. A. Uspenskij. – Moskva : O.G.I., 1999. – 152 s.

Simonov, P. V. Motivirovannyj mozg. – Moskva : Nauka, 1987. – 272 s.

Stepanov, YU. S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. – Moskva : Akademicheskij proekt, 2001. – 990 s.

Uspenskij, G. I. Iz razgovorov s priyatelyami // Uspenskij G. I. Sobranie sochinenij : v 9-ti t. T. 5. – Moskva : KHudozhestvennaya literatura, 1956. – S. 203–260.

Fedotov, G. P. O genii // Voprosy filosofii. – 2015. – № 3. – S. 118–121.

L. V. Bratukhina

STUDY OF AMERICAN LITERATURE IN PERM UNIVERSITY (SCIENTIFIC WORKS BY N. G. BYAKOVA, I. V. SHIKHOVA, E. P. KHANZHINA, I. N. KLEPATSKAYA)

Abstract: the article is a review of the most important scientific works (dissertations, monographs, several articles) that devoted to the literature of the USA, performed at the Department of Foreign Literature of Perm State University in the 80-th years of the XX century. The subject, structure, variety, scientific significance of publications by N. G. Byakova, I. V. Shikhova, I. N. Klepatskaya, E. P. Khanzhina are analyzed. The author notes the diversity of the direction of their research, and concludes about the features that unite the researchers of the "Perm school" of American studies: attention to the problems of typology of genres, attraction of the widest context of the phenomena under consideration, deep study of theoretical issues, system reflection of the laws of the development of the literary process.

Key words: American studies, N. G. Byakova, I. V. Shikhova, I. N. Klepatskaya, E. P. Khanzhina, Perm State University.

References

Balditsyn, P. V. Razvitie amerikanskoj novelly. O.Genri // Istoriya literatury SSHA. – Tom V. – Moskva : IMLI RAN, 2009. – S. 544–598.

Butovskaya, M. L. Gender v sovremennom mire: realii i perspektivy zhenshhin v svete gendernogo ravenstva // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. – 2008. – Vyp. 2 (41). – S. 220–232.

Byakova, N. G. Amerikanskaya novella poslednej treti XIX veka: k voprosu o zhanrovom svoeobrazii: Avtoref.... dis. kan. filol. nauk. – Perm', 1980. – 27 s.

Vashhenko, A. V. Zarozhdenie amerikanskogo fol'klora // Istoriya literatury SSHA. – Tom II. – Moskva : Nasledie, 1999. – S. 376–395.

Klepatskaya, I. N. Idejno-khudozhestvennoe prelomlenie "zhenskoj temy" v romane SSHA 70-kh – nachala 80-kh godov XX veka: tvorchestvo pisatel'nits-zhenshhin: dis... kand. filol. nauk: 10.01.05. – Perm', 1987. – 172 s.

Flier, A. YA. Izbrannye raboty po teorii kul'tury. – Moskva : OOO «Izdatel'stvo “Soglasie”»; «Artem», 2014. – 560 s.

KHanzhina, E. P. Uil'yam Kallen Brajant: poehziya i poehtika. Diss….kand. filol. nauk. – Perm', 1984. – 230 s.

KHanzhina, E. P. Romanicheskaya poehziya SSHA: zhanry, poehtika, stil'. – Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 1998. – 196 s.

SHikhova, I. V. «YUzhnaya traditsiya» v novellakh K. EH. Porter // Traditsii i vzaimodejstviya v zarubezhnoj literature XIX–XX vekov. – Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 1986. S. 97–106.

YAshen'kina, R. F., SHikhova, I. V. Metafizicheskoe i konkretno-istoricheskoe v romane K. EH. Porter «Korabl' durakov» // Literaturnye traditsii v zarubezhnoj literature XIX–XX vekov. – Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 1983. – S. 136–143.

M. I. Weber

«THE RUSSIAN LAND IS GOING THROUGH HARD TIMES»: DIARY OF THE PRIEST OF THE 3RD BARNAUL SIBERIAN RIFLE REGIMENT K. DMITRIEV

Abstract: we publish new source on the history of the Russian Civil war – the diary of regimental priest K. Dmitriev. This diary is a kind of chronicle of combat path of the 3rd Barnaul Siberian rifle regiment of the Kolchak army for December 1918 – June 1919.

Keywords: ego-documents, Civil war, Ural, White movement, military history.

References

Zabytyj polk: stranitsy istorii 3-go Barnaul'skogo polka Beloj armii / sost. A. A. Krasnoshhekov, V. A. Sumanosov. – Barnaul : Izdat. dom Barnaul, 2009. – 317 s.

Nemytov, O. A., Dmitriev, N. I. 16-j Ishimskij strelkovyj polk. Ocherki istorii. – Ekaterinburg : UMTS UPI, 2009. – 184 s.

Polkovnikov, V. D. Po volnam morya zhitejskogo: Vospominaniya: V 5 ch. CH. 1–2. – Sankt-Peterburg : Poligraficheskoe predpriyatie № 3, 2013. – 359 s.

Simonov, D. G. Istoriya II Stepnogo korpusa beloj Sibirskoj armii (1918 god). – Novosibirsk : Novosib. Gos. un-t, 2001. – 172 s.

SHushpanov, S. G. Zabytaya diviziya. – Ufa : Beloe delo, 2011. – 228 s.

A. L. Glushaev, A. V. Goleva

«TO SELECT AND APPOINT…»: ORGANIZATION OF THE INSTITUTE OF THE COMMISSIONER COUNCIL FOR RELIGIOUS CULTS IN THE MOLOTOV REGION. 1944–1946.

Abstract: the publication presents documents from the collections of the State Archive of the Perm Krai – SAPK. The documents deal with the genesis of the institution of the commissioner Council for religious cults in the Molotov region during the Second world war. The relevance of the study is to study the Soviet state-confessional policy in 1944–1946 years. The main aspects of reforming the anti-religious policy of the USSR in the conditions of the Second world war are considered in substantial monographs. The attention of most researchers is focused on the relations between the state and the Russian Orthodox Church and the activities of the Council for the Affairs of the ROC. To a lesser extent, the formation of the institution of commissioners of the Council for religious cults in the regions has been studied. Archival materials show the practices of the authorities with the help of which the organization of the institution of the commissioner took place. The commissioners were to control local religious associations.

Documents from the Fund of the commissioner Council for religious cults (SAPK F. r–1204. Op. 2. D. 9) have been prepared for publication in accordance with the existing rules.

Key words: publication of documents; Molotov region; Council for religious cults; world war II; historical source.

References

Vsem Upolnomochennym Soveta po delam religioznykh kul'tov pri SNK SSSR. 20.04.1945. Mashinopis'. Zaverennaya kopiya // State Archive of the Perm Krai (SAPK). F. r–1204. Op. 2. D. 9. L. 14.

Lichnyj listok po uchyotu kadrov. Smirnov Leonid Ivanovich. 15. 12. 1943. Blank. Rukopis' // SAPK. F. r–564. Op. 11. D. 2759. L. 9–9 ob.

Polyanskij I. V. – Gorbunovu P. S. 20.12.1944. Mashinopis'. Podlinnik // SAPK. F. r–1204. Op. 2. D. 9. L. 11 – 11 ob.

Polyanskij I. V. – Kocherginu S. A. 20.07.1944. Mashinopis'. Podlinnik // SAPK. F. r–1204. Op. 2. D. 9. L. 6–6 ob.

Sadovskij YU. V. – Plotnikovu P. F. 21.02.1946. Mashinopis'. Podlinnik // SAPK. F. r–1204. Op. 2. D. 9. L. 36–36 ob.

Brandenberger, D. Stalinskij russotsentrizm: sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931 – 1956 gg.) [National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity. 1936–1956] – Moscow, 2017. – 407 p.

Miner, S. M. Stalinskaya svyashhennaya vojna. Religiya, natsionalizm i soyuznicheskaya politika. 1941–1945 [Stalin's holy war. Religion, nationalism and alliance politics. 1941–1945]. – Moscow, 2010. – 455 p.

Khakimov, R. Sh. Religioznaya politika gosudarstva v otnoshenii musul'manskikh obshhin: rol' upolnomochennogo Soveta po religioznym kul'tam Urala (1944 – 1965 gody) [Religious policy of the state in relation to Muslim communities: the role of the authorized Council for religious cults of the Urals (1944–1965)] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Vyp. 54. – 2013. – № 6. – P. 103–109.

Odintsov, M. I. «Vy primite silu, kogda sojdyot na vas Dukh Svyatoj…». Istoriya Pyatidesyatnicheskoj tserkvi v Rossii. XIX – XX vv. ["You will receive power when the Holy Spirit comes upon you…". History of the Pentecostal Church in Russia. XIX – XX centuries] – Saint Petersburg, 2012. – 504 p.

Odintsov, M. I. Vlast' i religiya v gody vojny. (Gosudarstvo i religioznye organizatsii v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.) [Power and religion during the war] – Moscow, 2005. – 540 p.

Odintsov, M. I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v ehpokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953 gg. [Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist socialism. 1917–1953] – Moscow, 2014. – 424 p.

Odintsov, M. I., Chumachenko, T. A. Sovet po delam Russkoj pravoslavnoj pri SNK (SM) SSSR i Moskovskaya patriarkhiya: ehpokha vzaimodejstviya i protivostoyaniya. 1943–1965 gg. [The Council for Russian Orthodox Affairs under the Council of People's Commissars of the USSR and the Moscow Patriarchate: era of interaction and opposition. 1943–1965] – Saint Petersburg, 2013. – 384 p.

Petrov, S. G. O nekotorykh printsipakh izdaniya dokumentov v serii «Arkhivy Kremlya» [About some principles of publishing documents in the series "Kremlin Archives"] // Problemy istorii, russkoj knizhnosti, kul'tury i obshhestvennogo soznaniya. Sb. nauch. trudov. – Novosibirsk, 2000. P. 363–366.

Russkaya pravoslavnaya tserkov' v Prikam'e v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) [Russian in the Orthodox Church of Prikamye during the Great Patriotic War (1941–1945)] – Perm, 2015. – 411 p.

Volokitina, T. V., Murashko, G. P., Noskova, A. F. Moskva i Vostochnaya Evropa. Vlast' i tserkov' v period obshhestvennykh transformatsij 40 – 50-kh godov XX veka: Ocherki istorii [Moscow and Eastern Europe. Power and the church during the period of social transformations of the 40s-50s of the XX century] – Moscow, 2008. – 807 p.

A. S. Kimerling

"I WRITE LETTER, AND AROUND GOES BATTLE": CULTURAL GAPS IN WARTIME

Abstract: The article is devoted to the features of the wartime culture. The source was a unique collection of letters from the fronts of World War II, written by political instructor Arkady Georgievich Endaltsev. The war led to the breakdown of familiar cultural models. It is important to understand how, adaptation to new standards occurred on an individual level. For A. Endaltsev, family care practices were a way to bridge cultural gaps. They are reflected in the letters. There, framed by ideologically verified stamps, one can find financial assistance to the family, control over the education of the daughter, the need for a continuous flow of information about the life of the wife and children.

Key words: culture breaks, Soviet culture, letters from the front, family values.

References

*Avtobiografiya A. G. Endal`ceva.* Napisana dlya priema na rabotu v RSU na dolzhnost` starshego inspektora po kadram v 1964 g.// Iz lichnogo arxiva avtora.

Velikaya Otechestvennaya: Komdivy. Voennyj biograficheskij slovar' / Red. koll.: N. B. Akberdin, I. I. Basik, S. A. Bocvin, n. I. Nikiforov, I. A. Permyakov, M. V. Smyslov. – M.: «Kuchkovo pole». MO RF, Glavnoe upravlenie kadrov, GU po rabote s lichnym sostavom, Institut voennoj istorii Voennoj Akademii Genshtaba. Central'nyj arhiv., 2014. – T. III.– S. 557–559.

*Voennoe izdatel`stvo* Ministerstva oborony` SSSR. – Moskva, 1957.

Endal`cev A.G. Kollekciya pisem s fronta // Iz lichnogo arxiva avtora.

Lejbovich, O. L. Otechestvennaya kul'tura na pereput'e: mezhdu traditsiej i modernizatsiej // Problemy rossijskogo samosoznaniya. Religioznye, nravstvennye i pravovye aspekty kul'tury: tr. ros. nauch.-prakt. konf. svetskikh uchenykh i teologov s uchastiem zarubezhnykh issledovatelej (Moskva, 2 oktyabrya 2012 g., Perm', 4–5 oktyabrya 2012 g.) : V 2 ch. CH.1 / In-t filos. Ros. akad. nauk , Perm. gos. in-t iskusstva i kul'tury. – Moskva ; Perm', 2012. – S. 95–99.

Lejbovich O.L., Chashhuxin A.V. Vvedenie // Razry`vy` i konvencii v otechestvennoj kul`ture. – Perm`: izd-vo PGIIK, 2011. – 311 s.

E. Yu. Lebedenko

"EVERYTHING IS BROKEN, I HAVE ONLY SOME SPLINTERS IN MY SOUL": CIVIL WAR'S WOMEN'S TRAUMATIC EXPERIENCE IN PRIVATE LETTERS AT THE EARLY 1920'S (FROM KSENIA MOROZOV'S CORRESPONDENCE)

Abstract: private letters of the early 1920s from the personal correspondence of the interpreter K. A. Morozova are published. The content of the messages is connected with the family tragedy (the death of Morozova's brother, officer A. A. Borislavsky during the" disinfection "of the Crimea from the "white guards" at the end of 1920) shared by Morozova with the author of the letters, her brother's wife. How the letter's writer, who lived in Feodosia during the red terror, describes her traumatic experience, is considered. It is recorded how she comprehends what happened and how she tries to "arrange" a new life in Soviet Russia.

Key words: private correspondence, K. A. Morozova, gender, Civil War, Crimea.

References

Abramenko, L. M. Poslednyaya obitel'. Krym, 1920–1921 gody. – Kiev : MAUP, 2005. – 480 s.

Alekseev, N. N. Krym Behla Kuna // Krasnyj terror na YUge Rossii / Sost., predisl. i kommentarii S. V. Volkov. – Moskva : Ajris-press, 2013. C. 352–382.

Bernshtejn, L., Neklyudova, E. Kursivnyj shrift ehpokhi. Pochtovaya proza iz arkhiva YU. L. Obolenskoj // Nashe nasledie. – 2017. – № 121–122.

Bobkov, A. A. Krasnyj terror v Krymu. 1920–1921 gg. // Belaya Rossiya: Opyt istoricheskoj retrospektsii: Mat-ly mezhd. nauch. konf. v Sevastopole. Sankt-Peterburg – Moskva : Posev, 2002. – S. 72–79.

Valentinov, A. A. Krymskaya ehpopeya // Iskhod Russkoj armii generala Vrangelya iz Kryma. Sost. S. V. Volkov. – Moskva : ZAO TSentrpoligraf, 2003. – S. 501–548.

Voloshin, M. A. Sobranie sochinenij. – Moskva : EHllis Lak, 2013. T. 12. – 992 s.

Ganin, A. V. Nagradnye dokumenty chekista E.G. Evdokimova kak istochnik po istorii Vseukrainskoj CHrezvychajnoj komissii i krasnogo terrora v Krymu v 1920–1921 gg. // Slavyanskij al'manakh. – 2018. – № 3–4. – S. 201–214.

Golubev, A. V. Perekopsko-CHongarskaya operatsiya // Perekop i CHongar. Sb. statej i materialov. – Moskva : Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo, 1933. – S. 42–63.

Golubev, A., Ushakin S. EHks-pozitsiya pis'ma: o pravilakh chteniya chuzhoj perepiski // KHKH vek: Pis'ma vojny. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – S. 8–21.

Gotlib, A. S. Analiz narrativov v sotsiologii: vozmozhnosti i problemy ispol'zovaniya // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. – 2013. – № 1 (10). – S. 9–14.

Gromova, A. I. Dosug stolichnoj kursistki v Rossii kontsa XIX–nachala XX vekov // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 4 (30). – S. 30–36.

Gromova, A. I. ZHenshhina v ehpokhu pereloma: mirooshhushhenie predstavitel'nits russkoj intelligentsii v period revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoj vojny // ZHenshhiny i zhenskoe dvizhenie za mir bez vojn i voennykh konfliktov (K 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne): mat-ly Vos'moj mezhd. nauch. konf. RAIZHI i IEHA RAN. – Moskva; Staryj Oskol : IEHA RAN, STI NITU «MISiS», 2015. T. 1. – S. 62–67.

Dashkevich, L. A. ZHenshhina i vojna: o strategiyakh vyzhivaniya semej v gody voennoj katastrofy 1918–1920 gg. // ZHenshhiny i zhenskoe dvizhenie za mir bez vojn i voennykh konfliktov (K 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne): mat-ly Vos'moj mezhd. nauch. konf. RAIZHI i IEHA RAN. – Moskva; Staryj Oskol : IEHA RAN, STI NITU «MISiS», 2015. T. 2. – S. 13–17.

Demidova, O. R. Aksiologiya ehmigrantskoj povsednevnosti: zhenskij vzglyad // Istoriya povsednevnosti. – 2018. – № 1(6). – S. 105–117.

Eremeeva, A. N. Memuary nachal'nitsy Vojskovoj zhenskoj gimnazii o revolyutsii i grazhdanskoj vojne na Kubani // Rossijskoe kazachestvo: problemy istorii i sovremennost'. – Krasnodar : Traditsiya, 2006. – S. 80–83.

Zarubin, A. G., Zarubin, V. G. Bez pobeditelej. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v Krymu. – Simferopol' : Antikva, 2008. – 728 s.

Iz dnevnikov Zinaidy Denis'evskoj: (1900–1933 gg.) / podgot. teksta J. KHell'bek // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2012. – № 4 (116). – S. 385–415.

Iz perepiski A. F. Koni s N. I. Verblovskoj (1918–1927) / Publ., vstup. zametka i prim. I. S. Verblovskoj // Zvezda. – 2013. – № 9. – S. 121–149.

Kupchenko, V. P. Krasnyj terror v Feodosii // Izvestiya Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya. – 1994. – № 6. – S. 58–61.

Morozova, O. M. Antropologiya grazhdanskoj vojny. – Rostov-na-Donu : Izd-vo YUNTS RAN, 2012. – 560 s.

Morozova, O. M., Troshina, T. I. ZHenskij vzglyad na muzhskuyu rabotu. Revolyutsiya i Grazhdanskaya vojna glazami i v sud'bakh zhenshhin // Novejshaya istoriya Rossii. – 2016. – № 2 (16). – S. 8–30.

Nemoj svidetel', ili Velikaya russkaya revolyutsiya glazami astronoma: pis'ma N. M. Subbotinoj. 1917–1920 gg. / Publ. O. A. Val'kovoj // Istoricheskij arkhiv. – 2017. – № 4. – S. 36–53.

«Preterpevshij do kontsa spasen budet»: zhenskie ispovedal'nye teksty o revolyutsii i grazhdanskoj vojne v Rossii / Podgot. tekstov, sostav, vstupit. stat'ya i komment. O. R. Demidovoj. –Sankt-Peterburg : Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013. – 262 s.

Redlikh, E. P. Vospominaniya / Publ. G. I. Vzdornova i T. I. Prilutskoj, prim. G. I. Vzdornova, E. A. Amitinoj i A. V. Man'kovskogo // Nashe nasledie. – 2019. – №№ 127–128. – S. 116–143.

Russkaya voennaya ehmigratsiya 20-kh–40-kh godov. Dokumenty i materialy. – Moskva : Geya, 1998. T. 1. Kn. 1. – 432 s.

Simonova, O. A. Memuary A.A. Saksaganskoj o Grazhdanskoj vojne v Ekaterinoslave // Istoriografiya grazhdanskoj vojny v Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov / Otv. red., sost. D.S. Moskovskaya. – Moskva : IMLI RAN, 2018. – S. 337–346.

Sorokin, A. K., Grigor'ev, E. M. «Krasnyj terror omrachil velikuyu pobedu Sovetskoj vlasti...» Dva vzglyada bol'shevistskikh rukovoditelej na repressii v Krymu // Rodina. – 2016. – № 8. – S. 115–120.

Teplyakov, A. G. CHekisty Kryma v nachale 1920-kh gg. // Voprosy istorii. – 2015. – № 11. – S. 139–145.

V. V. YAkovleva

THE EXPERIENCE OF BORROWING N. K. KRUPSKAYA AND J. DEWEY IN THE CONSTRUCTION OF THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE NEW SOVIET PEDAGOGY IN THE 1920S.

Abstract: on the basis of comparison of texts of the American philosopher John Dewey and one of the founders of Soviet pedagogy N. K. Krupskaya, the article proves the fact of borrowing Dewey's ideas in the construction of a new Soviet school. In recent years, when studying the history of the education system, the vector of research interest will be mixed towards the study of the ideas and concepts that underlie this system. The appeal of the new government to the ideas of J. Dewey appears to be one of the steps towards building a new school.

Key words: J. Dewey, N. K. Krupskaya, Soviet pedagogy, philosophy of pragmatism, early Soviet school.

References

Anketa № 2 Delegata s"ezda i konferentsii shkol'nykh rabotnikov [Tekst] / GAPO F. R–23. Op. 1. D. 66. L. 169.

Balashov, E. M. SHkola v rossijskom obshhestve 1917–1927 gg. Stanovlenie «novogo cheloveka» [Tekst] / E. M. Balashov. – Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2003. – 237 s.

Vlasov, V. A. SHkola i obshhestvo: Poiski putej obnovleniya obrazovaniya vo vtoroj polovine XIX – pervoj treti XX veka [Tekst] / V. A. Vlasov – Penza : Izd-vo IPKiPRO, 1998. – 259 s.

D'yui, Dzh. Vvedenie v filosofiyu vospitaniya [Tekst] / Dzh.D'yui. – Moskva : Rabotnik prosveshheniya, 1921. – 63 s.

D'yui, Dzh. SHkola i obshhestvo [Tekst] / Dzh. D'yui. – Moskva : Rabotnik prosveshheniya, 1922. – 48 s.

D'yui, Dzh., D'yui, EH. SHkoly budushhego [Tekst] / Dzh. D'yui, EH. D'yui. – Moskva : Rabotnik prosveshheniya, 1922. – 151 s.

Krasovitskaya, T. YU. Modernizatsiya rossijskogo obrazovatel'nogo prostranstva ot Stolypina k Stalinu (konets KHIKH – nachalo (20-e gody) KHKH veka) [Tekst] / T. YU Krasovitskaya. – Moskva : Novyj khronograf, 2011. – 680 s.

Krupskaya, N. K. Pedagogicheskie sochineniya T. 1 [Tekst] / N. K. Krupskaya. – Moskva : Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, 1957. – 510 s.

Krupskaya, N. K. Pedagogicheskie sochineniya T. 2 [Tekst] / N. K. Krupskaya. – Moskva : Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, 1958. – 735 s.

Krupskaya, N. K. Pedagogicheskie sochineniya. T. 3 [Tekst] / N. K. Krupskaya. – Moskva : Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, 1959. – 798 s.

Kumskov, V. V. Pedagogicheskie idei D. D'yui i sovetskoe obrazovanie 1920-kh godov [Tekst] / V. V. Kumskov // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2011. – № 3. – Tom II. – S. 7–11

Lunacharskij, A. V. Osnovnye printsipy Edinoj Trudovoj SHkoly 1919 g. [Tekst] / GAPO F. r-23, Op. 1, D. 17. l. 21.

Rogacheva, E. YU. Progressivizm Dzhona D'yui v pedagogicheskom diskurse Rossii nakanune i posle revolyutsii 1917 goda kak instrument modernizatsii obrazovaniya [Tekst] / E.YU. Rogacheva // Psikhologo-pedagogicheskij poisk. – 2017. – № 2(42). – S. 67–77.

Rogacheva, E. YU. Demokraticheskaya pedagogika Dzhona D'yui v nemetskom filosofsko-pedagogicheskom diskurse [Tekst] / E. YU. Rogacheva // Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki. – 2016. – № 24 (43). – S. 36–47.

Rogacheva, E. YU. Dzhon D'yui i Lev Trotskij: obrazovanie kak rekonstruktsiya opyta [Tekst] / E. YU. Rogacheva // Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki. – 2017. – № 31(50). – S. 36–46.

Rozhkov, A. YU. V krugu sverstnikov: ZHiznennyj mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920–kh [Tekst] / A. YU Rozhkov. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 640 s.

Sal'nikova, A. A. Rossijskoe detstvo v KHKH veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya [Tekst] / A. A. Sal'nikova. – Kazan' : Kazanskij gosudarstvennyj universitet, 2007. – 256 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Братухина Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: loli28@yandex.ru

Вебер Михаил Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН.

E-mail: mikeveber@mail.ru

Вольский Николай Николаевич, кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экспериментальной иммунотерапии НИИ фундаментальной и клинической иммунологии.

E-mail: dtheory@yandex.ru

Глушаев Алексей Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

E-mail: perst-ur@mail.ru

Голева Анна Владимировна, студентка Пермского государственного института культуры.

E-mail: avgoleva@yandex.ru

Кимерлинг Анна Семеновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: kimerlinganna@gmail.com

Лебеденко Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

E-mail: hyulebed@mail.ru

Яковлева Валерия Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

E-mail: valeria.yakovleva@gmail.com

LIST OF AUTHORS

Bratukhina Lyudmila Viktorovna, PhD in Philology, Associate Professor of Department of World Literature and Culture in Perm State University.
E-mail: loli28@yandex.ru

Glushaev Aleksey Leonidovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture.
E-mail: perst-ur@mail.ru

Goleva Anna Vladimirovna, graduate of Perm State Institute of Culture.
E-mail: avgoleva@yandex.ru

Kimerling Anna Semenovna, PhD in History, Associate Professor of Department of Humanities in Higher School of Economics in Perm.
E-mail: kimerlinganna@gmail.com

Lebedenko Elena Yurievna, PhD in History, Scientific Researcher in Institute of History and Archaeology (Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
E-mail: hyulebed@mail.ru

Volsky Nikolay Nikolaevich, PhD in Medicine, heading research worker of the Laboratory of experimental immunotherapy in Federal State Budgetary Scientific Institution Research Institute of Fundamental and Clinical Immunology.
E-mail: dtheory@yandex.ru

Weber Mikhail Igorevich, PhD in History, Senior Research Fellow of the Center for Political and Sociocultural History in Institute of History and Archaeology (Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
E-mail: mikeveber@mail.ru

Yakovleva Valeriya Valer'evna, PhD in History, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture.
E-mail: valeria.yakovleva@gmail.com

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Учредитель
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

Главный редактор Л. И. Дробышева-Разумовская
Заместитель главного редактора А. А. Лисенкова

2019
№ 4

Адрес редакции, издателя: 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18
Пермский государственный институт культуры,
редакция журнала «Культурный код»
тел. редакции (342) 212–28–15
сайт: http://www.psiac.ru

E-mail: kulturnyj.kod@mail.ru

Ответственный редактор – М. В. Софьина
Выпускающий редактор – П. А. Моисеев
Оригинал-макет и дизайн обложки – М. Ладыгина

Подписано в печать 27.12.2019. Дата выхода в свет 30.12.2019. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 9,43. Уч. изд. л. 6,63. Тираж 500 экз. Заказ № 223/2019. Свободная цена.

Отпечатано в типографии «Новопринт».
614000, г. Пермь, ул. Клименко, 1, оф. 9.
тел.: (342) 204 5 992

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

2019